ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-1935-ЛЕНИНГРАД

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Декабрь 1935 г.
Непременный секретарь академик *Н. П. Горбунов*

Ответственный редактор академик А. Н. Самойлович

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Ученый корректор Е. М. Мастыко

Сдано в набор 27 июня 1935 г. — Подписано к печати 28 декабря 1935 г.

212 стр.
Формат бум. 72 × 110 см. — $13^1/_2$ печ. л. — 42 355 зн. в п. л. — Тираж 1170
Ленгорлит № 52. — АНИ № 676. — Заказ № 2138

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

БИБЛИОГРАФИЯ и ХРОНИКА

SOMMAIRE

RECHERCHES SCIENTIFIQUES

CRITIQUES LITTÉRAIRES et CHRONIQUE

В. БАРТОЛЬД

Новый источник по истории Тимуридов

Среди персидских источников рукописей Ленинградской Государственной Публичной Библиотеки, повидимому, имеет значение unicum рукопись Перс. нов. серия 201, по старому инвентарю III, 2, 10. В инвентаре указано заглавие تواريخ انبيا و ملوك («Летописи пророков и царей») взятое, как оказывается, не из текста, а из записки на одном из белых листов и, повидимому, произвольно данное одним из владельцев или читателей рукописи. Ни об имени автора, ни о времени рукописи в инвентаре ничего не сказано.

Размеры рукописи 24 × 16 см, текст 18 × 11 1/2, по 20 строк на странице. По пагинации, сделанной уже после того, как я обратил внимание на рукопись, листов II + 338 + II. Начала и конца недостает, вследствие чего нет ни даты, ни имени переписчика; по почерку рукопись может быть отнесена к XVI веку.

В начале недостает только одного или двух листов; на первых листах сохранившегося текста говорится о содержании книги и дается оглавление. Первые слова л. Ia:

سيرين[1] سعيد و مسيّب و سعيد جبير و شعبى

Книга распадается на шесть отделов (قسم): 1. патриархи от Адама до Ноя; 2. персидские цари, с обычным делением на четыре категории (طبقه): пишдадиев, кеи'янидов, ашканиев и сасанидов; 3. пророки и халифы, с делением последних на пять категорий: праведные халифы, шиитские имамы, омейяды, фатимиды, аббасиды, 4. султаны, с делением на девять категорий: саффариды, саманиды, газневиды, буиды, дейлемиты (зияриды) и султаны Гиляна, сельджукиды, гуриды, сельджукские наместники, хорезмшахи, исмаилиты (ملاحده); 5. турки (собств. монголы); сюда же присоединяются атабеги Фарса, Ирака и Лура; 6. Тимур и события после него

[1] Очевидно, предшествующий лист оканчивался словом محمد.

«до дня написания этой книги» (تاروز تحریر این کتاب). В тексте ясно обозначено начало отделов первого (л. 4а), второго (л. 9а) и третьего (л. 65б). В третьем отделе изложение политической истории прерывается на л. 186, в главе об аббасидах; лл. 187—202 содержат биографии святых и ученых, без строго хронологического порядка, причем нет ни начала, ни конца этого отрывка; изложение начинается и оканчивается на полуслове. С л. 203 снова излагается политическая история, причем сохранился только конец 4-го отдела, с середины рассказа о сельджукидах; после сельджукидов говорится о гуридах (213б), сельджукских наместниках (215а) и исмаилитах (216б, главы о хорезмшахах нет). С л. 218б излагается история Чингисхана, причем не сказано, что начинается 5-й отдел. Из преемников Чингис-хана упоминается только Угедей; после истории Угедея (221б) излагается история Хулагу (222б) и персидских монголов; дальше следуют атабеги Фарса (228б), султаны Кермана (229б), атабеги Лура Малого (230б) и Большого (232а), музаффариды (234а), джелаиры (247б), правители острова Ормуза (250а). На л. 251а начинается история Тимура, причем и здесь не сказано, что отсюда идет 6-й отдел. История Тимура написана, конечно, по Шереф-ад-дину Иезди. Как у Шереф-ад-дина[1] Тимур выражает желание быть похороненным у ног сеи'ида Береке (293а; ومرا زیر پای سیّد برکه دفن کنید), как у Шереф-ад-дина,[2] вслед за рассказом о погребении Тимура помещено длинное стихотворение Исметуллы бухарского (конец 295а), однако, в менее полном виде, чем у Шереф-ад-дина; у нашего автора последний стих:

عاقبت درخاک رفت ازاوج تخت سروری
تاکند پیش ازهمه تدبیر ملک آن سری[3]

у Шереф-ад-дина приводится еще 11 стихов, составляющих, судя по рифме (ر —) особое стихотворение.

Более интереса представляет, конечно, рассказ о событиях царствования Шахруха (1405—1447), с которым автор мог говорить как современник, независимо от письменных источников. В конце (л. 332б и сл.) говорится о «начале султанства» внука Шахруха, Султан-Мухаммеда; известно, что мятежными действиями этого царевича был вызван заслуженный поход Шахруха на Запад.[4] Рассказ доводится до событий 1446 г.

[1] ظفر نامه Кальк. изд., II, 719. Ср. З. В. О., XXIII, стр. 26. и сл.
[2] Ibid., II, 715.
[3] Этот стих в ظفر نامه, II, стр. 718.
[4] В. Бартольд. Улугбек и его время. Пгр., 1918, стр. 120.

и заканчивается в нашем экземпляре на полуслове; последние слова текста представляют заголовок: «Рассказ о прибытии высочайшего знамени его величества Хакана в сторону Ирака»; текста соответствующей главы нет. Можно установить, что последняя часть книги написана после марта 1447 и раньше января 1452 г. О Шахрухе, умершем в воскресенье 12 марта 1447 г., говорится как о покойнике; о Султан-Мухаммеде, убитом в начале января 1452 г.[1] — как о живом лице.

В истории царствования Шахруха находится, повидимому, единственное место, где автор говорит о себе и приводит свое имя. Рассказав о последовавшей в субботу 19 декабря 1433 г.[2] смерти отца Султан-Мухаммеда, царевича Байсункара, автор прибавляет (л. 312б):

و بعد از وفات او جهت مدفن او عمارتی عالی بناکردند که در
هیچ مملکت کسی نشان نداد و مؤلّف این تاریخ جعفری بن محمد
الحسینی این ترجیع جهت مرثیهٔ آن حضرت گفته بدین صفت

«И после смерти его, ради погребения его, построили высокое здание, подобно которому никто ни в каком царстве не видел; и составитель этой истории Джа'фари, сын Мухаммеда, ал-Хусейни, оплакивая того царевича, сочинил это стихотворение в таком виде». Приводится стихотворение, последний стих (313а)

جعفری ختم کن این گفته بپایان برسان
بر روانش ز دعا نزل فراوان برسان

«Джа'фари, кончай, доведи эту речь до конца, принеси его душе много даров в виде молитв».

В одном из новейших трудов по истории Хорезма, единственный экземпляр которого, насколько мне известно, находится в Берлине, — в труде мангыта Баба-Джана, сына Худай-берди, есть ссылка на «Тарихи Джа'фари, под которым, несомненно, имеется в виду труд нашего автора.[3] Других известий об авторе и других ссылок на его труд мне не приходилось встречать.

[1] Дата у Даулетшаха (Dawlatshâh, ed. Browne, p. 411,2) воскресенье зу-ль-хиджжа 835 г.; день недели не соответствует числу месяца; тут же приводятся стихи, где говорится о половине месяца зу-ль-хиджжа. Воскресным был день 16-го зу-ль-хиджжа. 9, I, 1452,

[2] Дата у Абд-ар-Реззака самаркандского (рук. ЛГУ, № 157, л. 243а): 7 джумада. I. 837. Ср. Encyklopedie des Islam, I, 621.

[3] Несомненно, что наш экземпляр тоже приобретен в Хорезме или от хорезмийца. На это указывают записи на белых листах, относящиеся к истории Хорезма, от начала управления, еще в качестве инака Ильтузар-хана в 1804 г. до вступления на престол Мухаммед-Эмин-хана в 1846 г.

Таким образом, найден еще один исторический труд эпохи Тимуридов, эпохи вообще необыкновенно богатой историческими трудами. Как было отмечено мною в другом месте,[1] это одна из немногих эпох истории Востока, где исследователь «испытывает затруднения не от недостатка, но от обилия материала, разбросанного по большому числу библиотек, требующего критического рассмотрения, прежде всего, критического издания». Возможно, что количеству не соответствовало качество, что историки XV в. по широте взглядов и совершенству литературной формы уступали своим предшественникам, историкам XIII и XIV вв.,[2] но для исследования независимо от достоинств отдельных источников, важна возможность сопоставления известий различных источников об одних и тех же событиях. Если почти каждый историк этой эпохи находил нужным повторять труд своих предшественников и начинать с Адама, то, с другой стороны, почти каждый доводил свой труд до своего времени.

Будущему исследователю эпохи тимуридов нельзя будет пройти мимо труда Джа'фари, как ни мало в нем оригинального по плану и форме изложения. Особое значение имеют последние листы рукописи, где автор является единственным, насколько известно до сих пор, историком Султан-Мухаммеда и говорит о его действиях с большой полнотой и в ином, более благоприятном для царевича освещении, чем другие историки. Но и в других местах, где автор говорит о своих современниках, встречаются характерные рассказы, которые, повидимому, есть в других источниках.

Не вполне ясно, какое место должны были занимать в труде Джа'фари рассказы об отшельниках и ученых; во всяком случае и эти рассказы доводятся до времени автора. Среди отшельников, на последнем месте назван шейх Омар из луров (شیخ عمر لر), причем о нем сообщается следующее (193б) از بزرگان دین بود ودرکعبه نظر یافته بود و قریب بیست سال‌در کون کازرون وطن داشت امیرزاده اسکندر و برا در میان مردم آورد و مایم الدهر بود و آرد جو در آب کردی وبدان افطار کردی و هرکرا زحمتی بودی دست برو مالیدی تسکین یافتی جهت رعایا به پایهٔ سریر اعلی رفت و جهت رعایا تخفیف جست ودرسال هشتصد و سی و شش وفات یافت «Он был из великих людей веры и получил просветление в Ка'бе. Около 20 лет он прожил в горах Казеруна (в Фарсе); мирза Искандер привел его в среду людей. Он постоянно постился; он сыпал в воду ячменной муки и (только) этим прерывал пост.

[1] Мир-Али-Шир. Л., 1928, стр. 100.

[2] G. F. Browne. A History of Persian Literature under Tartar Dominion. Cambridge, 1920, p. 424.

У кого была боль, к тому он прикасался рукой и боль успокаивалась. Ради подданных он отправился к высочайшему престолу и ради подданных просил об облегчении. Он умер в 836 г.» (авг. 1432 — авг. 1433).

Сочинение Джаʿфари принадлежит к тем немногим персидским трудам по всеобщей истории, где отводится особое место правителям Ормуза.[1] Остров Ормуз или Джерун в то время был центром особого владения, в состав которого кроме островов, входили и пункты побережья, как персидского, так и арабского. Благодаря морской торговле с Индией и Китаем владетели располагали большими средствами и могли обеспечить себя достаточной военной силой из наемников; самые могущественные континентальные владетели не посягали на самостоятельность Ормуза, довольствуясь небольшой данью. Таким результатом довольствовался даже Тимур, пославший на Ормуз в 1396 г. своего внука Мухаммед-Султана. Ормуз платил в год всего 300 000 динаров,[2] т. е. около 150 000 р.; перед этим владетель четыре года, очевидно вследствие падения династии музаффаридов, не платил ничего, теперь он согласился заплатить всю четырехлетнюю дань и часть внес тогда же деньгами, жемчугом и тканями, остальное обязался внести потом.[3] Вполне естественно, что аноним Искандера считает поход безрезультатным; по его словам, Мухаммед-Султан, «не дойдя до места, вернулся обратно».[4]

Сведения Джаʿфари о том владетеле Ормуза, с которым потом имел дело Тимур, Мухаммед-шахе, относятся еще к времени музаффаридов; из слов Джаʿфари видно, что Мухаммед-шах располагал значительными силами, особенно морскими (250б). و جزائر تمام از قیس وحلفار و کشم و برفت و وخرین و و قلهات وبرّعرب تاعمان عمّال خودبنشاند و باامیر و یراب خصومت کرد و سیصد کشتی بفرستاد و ویراب بکرفت

واز اطراف مردم بیرون آمد ند و از وی عطای یافتند و هرسال چند خروار عود و عنبر و لولو سلاطین فارس و کرمان میفرستاد

[1] Из историков тимуридской эпохи особый очерк посвящает владетелям Ормуза аноним Искендера (рук. Аз. Муз., л. 191а—193б; ср. Rieu, Pers. Man., 1063). В XIV в. владетель Тураншах, правивший 30 лет, повидимому от 1348 до 1378, написал историю Ормуза в прозе и стихах, под заглавием شاهنامه; ею пользовался португалец Тейксейра (Relaciones de Pedro Teixeira, En Ambers, 1610). Английский перевод книги Тейксейра (The Travels of Pedro Teixeira, transl. by W. F. Sinclair, Lond., 1902), насколько мне известно не имеется в Ленинграде. К литературе об Ормузе еще статья Hormuz в Enc. des Islam, II, 345 л. и след.; E. Sachau, Ein Verzeichnis muh. Dynastien, Ber., 1923, S. 24. (По Мунеджжим-баши) и оттуда E. Zaumbaur, Manuel, p. 260.

[2] О динаре того времени см. Мир-Али-Шир., 116.

[3] ظفر نامه I, 811.

[4] Рукоп. Аз. Муз. 566 вс., л. 193а. برآنکه بجایی رسد باز کردید

«На всех островах[1] — Кайс, Джульфар, Кишм, Берефт, Вахрейн, — Катифе, Калькаме и на арабском берегу до Омана он посадил своих наместников. С эмиром Вираба он вступил во вражду, послал 300 кораблей и взял Вираб.

С разных сторон люди пришли на Джерун и получили от него жалованье; каждый год он посылал несколько ослиных вьюков алоя, амбра и жемчуга султанам Фарса и Кермана».

Мухаммед-шах жил 30 лет; при нем были построены на берегу моря, на острове Джеруне, мавзолеи ормузских царей, и сам он был похоронен в гробнице основателя Ормузского могущества, Кутб-ад-дина Техемтена, современника путешественника Ибн-Батуты.[2]

و مدفن سلاطين جرون كنبذهاى رفيع برلب دريا ساخته ويرا دركنبذ ملك قطب الدين دفن كردند .

Преемником Мухаммед-шаха[3] был его сын Кутб-ад-дин Фируз-шах; при нем полновластным везиром был тогда Али Багдади. Старший сын шаха Сейф-ад-дин убил везира и заставил отца отречься от престола и поселиться на острове Кишме. Сейф-ад-дин — последний из владетелей Ормуза, о которых говорит Джа'фари; он правил 20 лет с 820 (1417—18) до 840 (1436—7) г. Рассказ Джа'фари (251а) дает очень наглядное представление об этом владетеле и характере его управления:

ذكر سلطان سيف الدين مهار چون بسلطنت نشست لشكر بسيار ازترك ولارى وطارى جمع كرد وهمه‌را عطا داد و آيين سلطنت بطريقى ساز داد كه اجراد وآباى اوهركز بدان طريق نبودند و اموال بسيار بلشكريان داد و حكّام باطراف مملكت خود بقطيق و لجرين و قلهات و ويراب و عمان و جلفار وانقل و هرموز و منوغان وقلاع ساحل فرستاد و باستقلال فرو كرفت وچون مدّتن برين برآمد سلطان قطب الدين اجازت كعبه طلبيد وكارسازى كرده باجمعى غفير متوّجه كعبۀ معظّمه شد واز راه نجد ولهسا توجّه نمود و بسيار فقيران از دولت او بزيارت كعبه مشرّف شدند وزيارت در يافته‌باز بديار خود آمد و در جزيرۀ كشم نزول فرمود و ابتداى ساطنت پادشاه سيف لدين در سال عشرين و ثمانمايه بود و قريب بيست سال سلطنت كرد ودر زمان او چند نوبت جنك بسيار از طرف چين باالات چين و اقمشۀ بسيار

[1] Происхождение некоторых названий сомнительно.

[2] Ibn Batoutah, ed. Defrémery et Sanguinetti, II, 240, Ibn Battuta, Travels in Asia and Africa, transl. and selected, by H. A. R. Gibb. 119.

[3] По анониму Искендера преемником Мухаммед-шаха был его сын Бехмен-шах, плативший дань мирзе Искендеру.

بیامدند و مروارید و لولو شاهوار بایشان فروخت و اموال بسیار از زر ونقره و اقمشه و چینی آلات بستد وخزائن معمور گردانید والله اعلم بالصواب

«Рассказ о султане Сейф-ад-дине Махоре. Когда он сел на султанство, он собрал большое войско из турок, ларцев и таримцев [1] и всем дал жалованне; обычаи султанства он проводил таким образом, как никогда не проводили их его отцы и деды. Он роздал много денег воинам, послал наместников (хакимов) в разные стороны своего царства — в Катиф, Бахрейн, Калькат, Вираб, Оман, Джульфар, Ормуз,[2] Мануган [3] и крепости береговой полосы [4] — и утвердил свою неограниченную власть. После некоторого времени султан Кутб-ад-дин попросил позволения отправиться к Ка'бе; после завершения всех приготовлений, он со всей своей свитой отправился к великой Ка'бе через Недж и Лахса; много бедняков на его средства удостоились посетить Ка'бу. После окончания паломничества он вернулся в свою область поселился на острове Кишме. Начало султанства царя Сейф-ад-дина было в 820 г.; около двадцати лет он был султаном. Во время его несколько раз приходило со стороны Китая много джонок с китайскими произведениями и большим количеством тканей. Он продал им много разного рода жемчуга, взял за это много золота, серебра, тканей и китайских произведений и наполнил свою казну. Бог лучше знает, что верно».

Сейф-ад-дин, действительно, правил Ормузом до 840 г. хиджры (1436—7). Подробности о его низложении рассказаны у Абд-ар-Реззака самаркандского.[5] Восстание поднял его брат Фахр-ед-дин Тураншах по соглашению с отцом; народ был на стороне восставших потому, что введенная Сейф-ад-дином царская пышность, которой не было у его предшественников, была связана с усилением налогов. Тураншах отправился на корабле и там собрал войско с помощью бедуинов. Все царство, как острова, так и береговые пункты перешли во власть восставших; Сейф-ад-дин взял с собой свои драгоценности и отправился в Герат, куда прибыл 26-го шавваля (3 V 1437) и где пробыл до 7-го зу-ль-хиджжа (12 VI). Абд-ар-Реззак подробно описывает милостивый прием, оказанный ормузскому владетелю при дворе Шахруха; ему была обещана военная помощь и войскам

[1] Лар и Тарим — области в Фарсе. О местоположении, напр. G. Le Strange, The Lands of the Eastern Caliphate, Cambridge, 1905 p. 291 и сл.

[2] Имеется в виду старый, береговой Ормуз.

[3] Название этого города чаще пишется Мануджан.

[4] Этих крепостей было семь; они перечислены к истории Тимура ظفر نامه I, 809 и сл., а также مطلع السعدين, рук. Унив. 157, л. 107а: 1. Тенги-Зиндак, 2 Кушкен, 3. Шалшир, 4. Мина (Минаб), 5. Мануджан (Мануган), 6. Тирзак, 7. Тазиян.

[5] Рук. Унив. 157, л. 248а и сл.

Фарса и Ирака было приказано усмирить восстание. Туранкаху посредством переговоров удалось предотвратить угрожавшую Ормузу опасность. Главное значение имели, конечно, как и в действиях Сейф-ад-дина, щедрые дары из ормузской казны; кроме того к Шахруху были посланы казий, муфтий и другие ормузские сановники. Туранкшах, указывая, что Сейф-ад-дин обидел отца, несколько раз ездившего на поклонение в Мекку и Медину (что в глазах благочестивого Шахруха должно было быть особой заслугой)[1] обижал и подданных, так что восстание было необходимо; в смысле уплаты дани Туранкшах обещал исполнять свои обязанности еще более добросовестно, чем его предшественники. Поход был приостановлен; был заключен договор, по которому Сейф-ад-дин получил только крепость Тирзак, где вода и воздух были лучше, чем в других Ормузских крепостях.[2]

Этот рассказ наглядно показывает, насколько владетели Ормуза умели отстаивать свои интересы даже при разговорах с самыми могущественными континентальными владетелями. Интересна подробность, сообщаемая анонимом Искендера. По его словам, основатель династии музаффаридов, Мухаммед (низложен в 1359 г.), несколько раз пытался посредством «вероломства» (غدر) овладеть Ормузом, но безуспешно. Постепенно выработался обычай, по которому на остров не допускался ни один вооруженный человек, даже когда приходил посол для сбора условленной дани, с него снимали оружие и доспехи и возвращали ему то и другое только при отъезде. Автор прибавляет, что «благодаря этому запрещению то владение осталось до сегодняшнего дня в их семействе».[3]

Более всего новых сведений мы находим, конечно, в последней части труда Джаʿфари, посвященной истории Султан-Мухаммеда. Султан-Мухаммед, убитый, как мы видели, в январе 1452 г. жил, по словам Абд-ар-Реззака[4] 34 года, следовательно родился, вероятно, в 1418, его старший брат Ала-ад-дауля родился в 1417,[5] его младший брат Бабур в 1422 г.[6]

1 Рук. Унив. 157, т. 248а и сл.

2 Рук. Унив. 157, л. 250б.

3 Рук. Аз. Муз. 566 в. л. 193а 1 تجارب امور باین مرتبه رسید که این زمان یلا
متنفس را باسلاح درانجا نمی کذارند و اکرایلچی نرکه بجهت تحصیل مال مقرری متوجه
میشود سلاح و سلب او می ستانند و بعد از ادای مال بهنکام مراجعت باز پس
میدهند و بواسطهٔ این منع آن حکومت تا امروز در خاندان ایشان باقیست

4 Рук. Унив. 157, л. 293б, Следовательно, он в 1442 г. не был малолетним, как ошибочно сказано мною в «Мир-Али-Шире», 109.

5 Улугбек, 119, по Хафизи-Абру и Абд-ар-Реззаку.

6 Улугбек, 121, там же.

Только Джа'фари называет Султан-Мухаммеда, как его отца Байсункара, Гияс-ад-дином; в других источниках Султан Мухаммед носит прозвание Кугб-ад-дин. После Байсункара, умершего в 1433 г., осталось огромное наследство в виде доходов с номинально принадлежавших ему, но фактически не управлявшихся им областей. Даулет-шах[1] оценивает эти доходы в 600 томанов, т. е. 3 милл. р. Наместником Байсункара по владению областями и по должности «главы высочайшего дивана» был объявлен старший сын, Ала-ад-дауля; двое других после выделения их доли наследства были еще вознаграждены деньгами.[2]

На политическое поприще Султан-Мухаммед вступил в 1442 г., когда он принял участие в походе Шахруха на запад. Поход был вызван мятежными действиями Каюмарса, владетеля области Рустемдар по реке Шахруд, притоку Сепид-руда; им был послан отряд в Рей, где в то время не было наместника со стороны Шахруха. Джа'фари, подробнее других источников говорящий о военных действиях против Каюмарса и переговорах с ним, называет целью похода Шахруха Фирузкух; между прочим этот поход был вызван поражением Юсуф-ходжи и смертью эмира Абд-ал-Али в борьбе с Каюмарсом. Из Мешхеда к Каюмарсу был послан Ходжа-Мелик Семнани; Каюмарс принес извинение, но не отпустил посла; поход продолжался, хотя по Абд-ар-Реззаку[3] Шахрух прошел только немного дальше Нишапура, когда получил от Каюмарса полное удовлетворение и прекратил поход. По Джа'фари авангард, в котором находился Султан-Мухаммед, дошел почти до Семнана. Перед возвращением в Герат Шахрух поручил Султан-Мухаммеду по Джа'фари Кум, Султанию.., Хамадан, Казвин, Рей, по Абд-ар-Реззаку — Султанию, Казвин, Рей и Кум; ни в той, ни в другой версии не назван Кашан, единственный город персидского шаха, принадлежавший Байсункару.[4] По Джа'фари пограничная полоса с названными городами никому не была поручена после последовавшей незадолго перед этим смерти Юсуф-Ходжи; очевидно, эта смерть последовала во время войны с Каюмарсом. У Абд-ар-Реззака[5] Юсуф-ходжа назван в качестве наместника Ирака персидского только в рассказе о гораздо более ранних событиях; в начале 832 г. (в октябре 1428) в Герат пришло известие, что туркменский эмир Искендер, сын Кара-Юсуфа, взял Султанию и что эмир Юсуф-ходжа, сын эмира Ильяс-ходжи, наместник Султании,

[1] Dawletshâh, ed. Browne, p. 351, 23.
[2] Рук. Унив., 157, л. 244а.
[3] Ibid., л. 257б.
[4] Dawletshâh, ed. Browne, 351,25.
[5] Рук. Унив., 157 л. 235б.

Абкара, Казвина и Зенджана взят в плен. Абд-ар-Реззак нигде не говорит, что Юсуф-ходжа после победы войск Шахруха вернулся из плена, снова был назначен наместником и прожил до 1442 г. По Джа'фари сыновья Юсуф-шаха находились при Султан-Мухаммеде, из других эмиров при нем были Абу-Са'ид, сын Фирузшаха и Се'адет Хондшаха; на расходы царевич получил несколько томанов и прибыл с войском в Кум. По Абд-ар-Реззаку эмир Фирузшах проводил его до Бистама, вероятно из Нишапура.

Султан-Мухаммед был, как известно, поклонником историка Шереф-ад-дина Иезди, которому впоследствии пришлось поплатиться за это расположение.[1] У Дже'фари приводятся подробности, как царевич после приезда в Кум послал историку лошадь, мула и 5000 кебекских динаров (ок. 2500 р.); историк был привезен в Кум на носилках, вероятно из Иезда же была вызвана жена царевича Пои'енде-Султан; царевич выехал ей навстречу до Кашана и привез ее в Кум, где оставался до весны (1443 г.).

Дальше подробнее, чем у Абд-ар-Реззака и в других источниках, говорится о действиях Султан-Мухаммеда до 1446 г., причем, однако, не сообщается никаких дат до даты похода на Исфахан в Сафаре 850 г. (с 28 IV 1446). Не приводится и дата главного военного события — завоевания Султан-Мухаммедом Хамадана. Абд-ар Реззак [еще под 846 г. (1442—3)] говорит, что из местных владетелей оказал неповиновение Султан-Мухаммеду только Ходжи-Хусейн хамаданский, но о дальнейших действиях рассказывает под 849 г. (1445—6).[2]

По Джа'фари Султан-Мухаммед в 1443 г. сначала хотел итти на Каюмарса, но получил от него подарки с выражением покорности; с другой стороны — Ходжи-Хусейн хамаданский, незадолго перед тем убивший своего дядю, который был ему вместо отца, и захвативший власть, отказался явиться к Султан-Мухаммеду. Посланец царевича был задержан в Хамадане, так же поступил Ходжи-Хусейн с эмиром Се'адетом, посланным к нему для увещания; он больше всего полагался на крепость Гавруд,[3] сильнейшую той области. Этой крепостью ему не пришлось воспользоваться. Хамаданское войско было разбито Султан-Мухаммедом в открытом поле; Ходжи-Хусейн бежал в Хамадан, но перед ним закрыли ворота; он направился в Гавруд, на пути был захвачен преследовавшими, отвезен в Хамадан и там, на основании закона Корана (2,173) о кровомщении, убит

[1] Мир-Али-Шир, 110.

[2] Рук. Унив. 157, л. 258а и 268б.

[3] Ее местоположение точно не указывается; упоминания о ней в других источниках мне не удалось найти.

сыном убитого им дяди. Хамаданские сейиды, казии, шейхи и вельможи поспешили выразить покорность; вся Хамаданская область с Нехавендом, Буруджирдом и Хурремабадом перешла во власть Султан-Мухаммеда; хамаданская победа прославила имя царевича в Азербейджане, Ираке, Фарсе, Хорасане и Мавераннахре. Джаʿфари не прибавляет, что самовольные действия царевича были осуждены Шахрухом; царевичу было объявлено, что если он имел основание быть недовольным действиями Ходжи-Хусейна, ему следовало послать жалобу в Герат, туда же следовало отправить Ходжи-Хусейна после взятия его в плен. Этим было вызвано первое охлаждение между дедом и внуком.[1]

Султан-Мухаммед, по словам Джаʿфари провел в Хамадане только 2—3 дня и пошел на Фирузкух, против Каюмарса. Военные действия происходили в горных областях: Каюмарс успешно защищал крепость; насколько можно судить по рассказу Джаʿфари, ни одна крепость не была взята Султан-Мухаммедом. Только в долине Лариджана, Каюмарс вместе со своими сыновьями совершил вылазку из крепости и потерпел поражение: некоторые из его сыновей и воинов были взяты в плен; убитыми он потерял около 300 человек. Войско направилось оттуда к подножию Демавенда, после чего вернулось в Султанию. О войне Султан-Мухаммеда с Каюмарсом не говорится, повидимому, ни в каких других источниках; косвенное указание на этот поход есть в рассказе Абд-ар-Реззака о действиях Шахруха во время похода на Султан-Мухаммеда в 1446 г.[2] Шахрух из Нишапура отправил посла в Лариджан к местному гилянскому эмиру Насир-Кыя,[3] чтобы выразить ему признательность за помощь, оказанную Ахмед-Моголу и «эмирам Султании» во время похода на одну из крепостей по поручению Султан-Мухаммеда. Насир-Кыя ответил, что действовал по соглашению с эмиром Мухаммедом рештским и просил выразить ему такую же благодарность; посол вернулся с таким ответом к Шахруху, который в это время успел дойти до Семнана и отправил в Решт находившегося в его войске историка Абд-ар-Реззака.

[1] Рук. Унив. 157, л. 269a و حضرت خاقان سعید چون شرح احوال شنید بواسطهٔ قدمهٔ حدمهٔ امیرحاجی حسین و پدران این حرکت ازشاهزده نپسندید و ملامت شاهزاده فرموده اظهار ملالت نمود و فرمود که اکر از وی صورتی ناملایم روی نمود شرح آن عرضه‌داشت پایهٔ سریر اعلی نمودن مناسب بود و چون گرفتار شد بدرکاه عالم پناه می بایست فرستاد وبسبب این حرکات غبار که‌درتی برآینهٔ خاطر همایون از طرف شاه‌زاده پدید آمد.

[2] Ibid., 270a.

[3] Лэн-Пуль, Мусульм. дин., перев. В. Бартольда, стр. 294. E. Zambaur, Manuel, p. 193·

Султан-Мухаммед надеялся подчинить себе всю западную Персию тем более, что до него доходили из Герата слухи о болезни и ожидавшейся смерти Шахруха. По словам Абд-ар-Реззака,[1] доходы царевича не соответствовали его расходам, оттого его наместники притесняли население и грабили богатых людей.[2] Шахрух объявил, что Султан-Мухаммеду даны только Султания и Казвин; в дела других областей Ирака он вмешиваться не должен. Был послан ходжа Шемс-ад-дин Мухаммед бухарский, чтобы принять от царевича другие области.[3] Джа'фари ничего не говорит о миссии этого ходжи, которая во всяком случае не могла быть выполнена, т. к. вся военная власть находилась в руках Султан-Мухаммеда, не считавшегося с волею своего дяди. Насколько восходящая звезда молодого царевича обращала к себе все взоры, показывают исфаханские события, о которых подробно говорит только Джа'фари.

В Герате уже долгое время находились некоторые из чиновников (ходжей) исфаханского дивана; чтобы их отпустили домой, они обязались подпиской перед везиром Гияс-ад-дином Пир-Ахмедом Хивафи собрать в Исфахане значительную сумму; обязанность собрать деньги была возложена на эмира Мухаммеда Ḳӯзӣ.

Вернувшись в Исфахан, ходжи убедились, что собрать деньги нет никакой возможности; посоветовавшись между собой, они решили послать донесение Султан-Мухаммеду и изложить ему безвыходность своего положения. Посланный им привез от царевича почетные одежды и милостивые письма; царевич убеждал их не тревожиться и обещал, что его войско скоро придет в Исфахан.

Исфахан не входил в состав удела отдельного царевича и находился под управлением верховного эмира Фируз-шаха, представителем которого в Исфахане был сначала его брат Хонд-шах, потом, после смерти Хондшаха, другой брат Махмуд-шах (эмир Фируз-шах умер в 846 = 1444—5 г.). Около этого времени Махмуд-шах тяжело заболел; эмир Се'адет, сын Хондшаха, находившийся с Султан-Мухаммедом, приехал в Исфахан навестить больного. Махмуд-шах скоро умер, а его заменил Се'адет; приверженцы Султан-Мухаммеда были довольны, что наместником (даругой) Исфахана

[1] Рук. Унив. 157, л. 269а, ومطلق دخل ولايات بخرج وفا نمی‌نمود

[2] Эта подробность в السير. حبيب, тегер. изд. III. 204 و دست تصّرف بجهات جمعی ازاصل تموّل دراز فرمود

[3] Все это также в حبيب السير Абд-ар-Реззак говорит о том же самом под 847 г. (рук. Унив. 157, л. 260б), тогда как о хамаданских событиях говорится, как мы видели, под 849 г.

сделалось преданное царевичу лицо.[1] Се'адет, однако, послал донесение Шахруху и просил утвердить его эмиром Исфахана; его просьба была исполнена; царевичи были очень недовольны и этим, вероятно, был ускорен его поход на Исфахан, состоявшийся в Сафаре 850 г. (28 IV 1446 г.). Узнав о приближении войска царевича, Се'адет бежал из Исфахана со своим семейством, с ним был также местный эмир Али Гульбари. Султан Мухаммед занял Исфахан без сопротивления и сел на престол в крепости Нокши Джехан;[2] был послан отряд для преследования бежавших; Али-Гульбари был убит, Се'адет был взят в плен, отвезен обратно в Исфахан и там подвергнут заключению. Все обязательства уплаты были разорваны; было объявлено, чтобы никто ни с кого не смел требовать хотя бы одного динара. В разные города посланы предложения подчиниться Султан-Мухаммеду; в Иезде такое письмо استمالت نامه было прочитано с мимбара мечети, население выразило согласие, даруга Иезда, эмир Шамс-ад-дин Мухаммед, сын эмира Джелаль-ад-дина Чакмака, отправился в Исфахан с подарками. Также подчинились Аберкух, Керекан, Каман и Ардистан. В Исфахане бывший сборщик Мухаммед Ḳӯзӣ был обвинен в намерении бежать и посажен под стражу; также оставался в заключении эмир Се'адет. К Султан-Мухаммеду прибыли в Исфахан и были им с почетом приняты два туркменских царевича, Султан-Мухаммед и эмир Касим, сыновья Искендера, сына Кара-Юсуфа.

Шахрух, вероятно, немного раньше отправил в Иран для сбора условленной подати есаула Шах-Махмуда, который вынес впечатление, что если не принять мер, Султан-Мухаммед завоюет не только весь Ирак, но и Хорасан; такую весть он привез в Герат. Тотчас же после этого мы снова видим Шах-Махмуда в Ираке, где им были приняты меры для восстановления законной власти, что, повидимому, не представляло больших трудностей там, куда доходили только письма, но не войска Султан-Мухаммеда. В Иезд вернулся даруга эмир Чакмак, в Абаркун — даруга Тархан; обоими были приняты меры для восстановления порядка; сам Шах-Махмуд отправился в Шираз.

Для подавления мятежа было собрано большое войско в Герате, причем на походе более всего настаивала царица Гаухар-Шад; по ее мнению,

[1] Так по Абд-ар-Реззаку, л. 269а. و امیر سعادت خاوند شاه بنده ودو لتخراه است

[2] Впоследствии название نقش جهان носила главная площадь Исфахана (ныне میدان‌شاه). В истории Тимура ظفر نامه 1.621) и Тимуридов термин نقش جهان имеет, конечно, другое значение.

следовало наказать мятежного царевича так, чтобы его участь была примером для других. Такая же роль приписывается царице у Даулетшаха, по словам которого сам Шахрух был склонен предоставить внуку Ирак. Ради чести династии распустили слух, что поход предпринимается против Исфендияра, сына Кара-Юсуфа и что цель похода — Багдад.[1] По словам Джаʿфари было собрано вдвое больше сил, чем прежде (в 1434 г.) при походе на Азарбейджан. Движение войска с самаго начала затруднялось и замедлялось болезнью Шахруха. Точная дата выступления войска не указывается. Уже в месте Пул-и-Салар (очевидно при переправе через Герируд) проявилась болезнь государя. В Бушенге остановились на 2—3 дня; после чего Шахруху стало лучше. Далее говорится о движении через Джам и Семнан в Рей; во главе авангарда находились эмиры Низам-ад-дин, сын Фируз-шаха, Абу-л-Фази-Кукельташ, сын Алике-Кукельташа и Султаншах Барлас; у Абд-ар-Реззака[2] названы те же эмиры и еще один Султан-Баязид Барлас. Авангард состоял из 30 000 всадников.

Султан-Мухаммед в это время во главе войска из 30 000 всадников[3] и пехотинцев осаждал Шираз. О причине похода говорится только, что Султан-Мухаммед отовсюду получил подарки, только из Шираза подарков не прислали и этим проявили сопротивление. Кроме того, царевич решил, что, если овладеть Ширазом, то подчинится и все царство. От прежних действий Султан-Мухаммеда поход на Шираз отличался тем, что делалась попытка захватить область, принадлежавшую другому члену династии. Владетелем Фарса считался с 1435 г. двоюродный брат Султан-Мухаммеда, другой внук Шахруха, Абдулла, сын Ибрагим-Султана, родившийся 19 марта 1433 г.;[4] за малолетством царевича правителем области был назначен шейх Мухибб-ад-дин Абулхайр.[5] О делах Фарса рассказывается у Абд-ар-Реззака под 845 г. (1441—2).[6] Шейх жестоко управлял областью и довел население до крайнего разорения; царевич не получал ничего из этих доходов и не располагал ни одним динаром. Узнав об этом, Шахрух низложил шейха и назначил вместо него эмира Сиди; тот тоже отличался жестокостью; после его смерти на его место был назначен ходжа Муʿизз-ад-дин Мелик Семнани. Шейх Абулхайр, не располагавший в то время никакой властью, сумел

[1] Dawletschâh, ed. Browne, p. 406.

[2] Рук. Унив. 157, л. 270а.

[3] Число 30 000 повторяется так часто, что эту цифру приходится признать стереотипной и не соответствующей фактическим данным.

[4] Улугбек, 128, по Абд-ар-Резаку.

[5] Рук. Унив. 157, л. 245б.

[6] Ibid., л. 255б. и сл.

приобрести расположение ходжи и добился через него, чтобы его вызвали для представления отчета в Герат. Там он подарками привлек на свою сторону вельмож; Шахруху теперь дело было представлено в таком виде, что присутствие шейха в Фарсе необходимо, что там твердо установлена власть династии в Хузистане до границ багдадской области и поднята доходность Фарса до 1100 томанов (6600 тыс. р.) в год. Шейх снова был отправлен наместником в Фарс; ходжа Мелик был оставлен во главе дивана (гражданского управления). Под 847 г. (1443—4) говорится о смерти ходжи, после чего все управление перешло в руки шейха; в документах, отправлявшихся из гератского «высочайшего дивана» в Фарс, не упоминалось никакое другое имя, кроме имени царевича Абдуллы и шейха Абул-хайра.[1] В 1446 г. шейх снова впал в немилость; перед походом на Ирак, Шахрух вызвал его в Герат и там подверг его заключению.[2] В рассказе Джа'фари шейх среди зачинщиков Шираза не упоминается, из чего можно заключить, что его вызов в Герат последовал до похода Султан-Мухаммеда на Шираз. Эмир Шемс-ад-дин Мухаммед сын Чакнака еще находился в Исфахане и сделал попытку бежать оттуда, вероятно в Иезд к отцу; его нагнали, находившийся с ним эмир Абу-Са'ид был убит, сам он был отвезен в Исфахан и подвергнут заключению. Султан-Мухаммед шел на Шираз так называемой «летней» дорогой,[3] через Маин. В Иездихасте местный даруга поднес ему подарки и ключи крепости; в Маине ему было оказано сопротивление; войску было приказано разграбить Маин. Дальше упоминается деревня Гург, находившаяся, как мы знаем из маршрута Хамдаллаха Казвини, всего в 5 фарсахах от Шираза; еще дальше был рабат Шукрулла, где произошла встреча с передовым ширазским отрядом.

Из эмиров, ставших во главе Шираза, названы Абу-Са'ид, сын Мухаммед-Дервиша, Худай-кули и Абу-са'ид-Кукельташ. Получив известие о походе Султан-Мухаммеда, эмиры решили защищаться за стенами города, надеясь продержаться до прибытия Шахруха, так как постоянно приходили слухи (которым Султан-Мухаммед, очевидно, не верил) о его походе. Навстречу войску царевича, однако, вышел «караул», будто бы из 30 000 всадников (!), во главе которого находился Абу-Са'ид-Кукельташ. Абу-Са'ид и бывшие с ним были взяты в плен. Дальше войско прошло

1 Рук. Унив., л. 260б.

2 Ibid. л. 274б.

3 Этот термин попадается уже у Хамдаллаха Казвини (نزهة القلوب ed. Le Strange. p. 185). راه تابستانی или طريق الصيفيّه.

мимо речки Рукни или Рукнабад и разными путями подошло к воротам города; царевич прошел через ущелье Аллах-Акбар.

Исфаханские богатыри предлагали царевичу итти на приступ; он им ответил, что в таком случае подверглась бы опасности жизнь ребенка мирзы Абдуллы, который тоже «плод от древа султанства» и невиновен в неосмотрительности своих эмиров. Кроме того, было бы пролито много крови и погибло бы много имущества; лучше ждать, пока защитники сами будут вынуждены сдать город. Несмотря на вызывающее поведение ширазцев, кричавших и бивших в барабаны с городских стен, осаждавшие сдерживали себя. Говорится еще о присоединении к войску Султан-Мухаммеда большого числа чагатайцев, курдов и шулов; курды и шулы упоминаются также среди защитников Шираза. Дальше должен был следовать рассказ о походе Шахруха, о прибытии его войска в место كندمان на полдороге в Шираз[1] (вероятно, из Исфахана), о бегстве Султан-Мухаммеда в Курдистан и о казни его приверженцев, сейидов, около Савы, причем Абд-ар-Реззак сообщает дату последнего события — середина рамазана 850 г. (начало декабря 1446 г.). Сопоставление этой даты с приведенной у Джа'фари датой похода Султан-Мухаммеда на Исфахан (сафар 850, т. е. последние числа апреля или начало мая 1446 г.) показывает, что от взятия Султан-Мухаммедом Исфахана до снятия осады Шираза и битвы в Курдистане прошло менее полгода. У Даулетшаха[2] названы имена троих казненных сейидов, причем те же имена мы находим у Джа'фари среди имен призвавших Султан-Мухаммеда исфаханских деятелей.[3] Самый факт обращения к Султан-Мухаммеду благодаря сочинению Джа'фари сделался гораздо более понятным, чем был раньше. Вообще, сочинение Джа'фари, несомненно, будет способствовать выяснению причин политической неустойчивости государства Тимуридов, несмотря на большие средства, в смысле войска и казны, которыми располагала династия. Государство при Шахрухе еще располагало достаточной силой, чтобы в критические моменты наносить сокрушительные удары своим врагам, но совершенно не было в состоя-

[1] Рук. Унив. 157, л. 270а نیمهٔ راه شیراز По Хамд. Казвини от Исфахана до Иездихаста было 26 фарсахов, от Иездихаста до Шираза 44; كندمان, следовательно, был южнее Иездихаста; неизвестно, имеется ли в виду летняя или зимняя дорога. В известных мне маршрутах названия كندمان нет.

[2] Dawlatshàh, ed. Browne, 339, 17.

[3] У Даулетшаха شاه علاء الدین که از اکابر سادات حسینی بود و قاضی امام و خواجه افضل الدین ترکه شاه‌علاء الدین و مولانا امام الدین قاضی... و مولانا У Джа'фари و که از بزرکان علمای اصفهای بوده افضل الدین ترکه

нии установить в стране сколько-нибудь прочный порядок, которым бы исключались или предупреждались кризисы. Политической неустойчивости способствовала также ничтожность личности государя по сравнению с личностью его жены и главных вельмож.

Кризис, вызванный действиями Султан-Мухаммеда был, конечно, не единственным в царствование Шахруха; около того же времени, немного раньше, произошло религиозное движение в Хузистане, о котором, повидимому, рассказывает только Джа'фари; замечательно, что движение было ускорено не войсками Шахруха, а войсками соседнего туркменского государя. Движение произошло в 845 г. (1441—2 г.), во главе его находился некий Муша'ша,[1] называвший себя сейидом, хальвой и предтечей Махдия, он обладал познаниями в научных гаданиях, астрологии и разных фокусах, совершил много путешествий и сочинил много трактатов по разным наукам; он был из крайних шиитов, Джа'фари читал один из его трактатов, где давалось разрешение на все запрещенное. После путешествия в Хорасан и Ирак он некоторое время прожил в Шустере, потом приехал в Джезаир[2] и там выступил шиитским проповедником. Жители Джезаира большей частью были шиитами и присоединились к нему; он назвал себя предтечей Махдия и сказал, что имам (махдий) придет в скором времени. Вокруг него собралось много невежд, воров и мошенников: он уничтожил издавна правившую в этой местности династию Сахра ибн 'Ульяна[3] и стал грабить и убивать мусульман — призывая людей подчиниться махдию; число его приверженцев дошло до 10 000, большей частью фидāй (ремесло этих фанатиков). Большую часть шейхов и сейидов Джезаира он перебил, в разных местностях Хузистана грабил, убивал и захватывал в плен людей, погубил много грудных младенцев, действовал в духе учения философов и исмаилитов и уничтожал всякие стеснения между мужчинами и женщинами. Из Джезаира он отправился в Хувейзу. Из Шираза против него выступил с войском «великий шейх-ал-ислам Насир-ал-хакк уа-д-дин Абу-л-Хайр Джезери»; так как войско Муша'ша' состояло из фидāй, обрекших себя на смерть, ширазское войско было обращено в бегство. Шейх Абулхайр отправился в Шуштер, Муша'ша' начал осаду Хувейзы. Осада затянулась. Шейхи

[1] Арабские прилагательные: «тонкий, прозрачный, блестящий (очевидно, не собственное имя, а прозвание главы сектантов).

[2] Из рассказа видно, что так (букв. «острова») называлась местность к западу (или юго-западу) от Шустера и к востоку, или северо-востоку) от Хувейзы. Джезаир рядом с Хувейзой Шустером упоминается и у Абд-ар-Реззака (рук. Унив. 157, л. 256а). В географической литературе я этого названия не встречал.

[3] Сведений об этой династии мне не встречалось.

той области обратились с просьбой к Исфенду туркменскому,[1] сыну Кара-Юсуфа. После битвы, в которой с обеих сторон погибло много народа, туркмены одержали победу. Муш'ша' и его войско бежали в Джезаир. Жители Хувейзы были принуждены заплатить своим избавителям большие суммы; туркмены настолько разграбили Хувейзу, что после их ухода начался голод, от которого погибло много людей. В Джезаире голод был так велик, что не осталось в живых ни одного животного.

После разграбления Хувейзы Исфенд отправил подарки «к подножию высочайшего престола» в Герат и просил извинения за свою дурость, что он позволил себе военные действия в пределах владений Тимуридов; его цель заключалась только в уничтожении Муш'ша', врага государя; никаких мятежных намерений у него нет и он попрежнему остается верноподданным. Донесение Исфенда, представленное через посла, было милостиво принято, посол был отпущен с почетом. Исфенду была послана почетная одежда и успокоительное письмо.

Восстание Муш'ша', очевидно, носило тот же характер, как многие другие шиитские движения в Персии. Под знаменем религии произошло восстание неимущих против имущих; богатый класс в таких случаях обращался за помощью туда, откуда мог ее получить, причем за эту помощь ему иногда приходилось платить очень дорого.

[1] У Даулетшаха (ed. Browne, p. 406, 18 اسفنديار): в Мире Ислама, 1912, стр. 367 (по Вейлю) Испахан; в Enc. des Islam, II, 794. Espān; там же сказано, что он правил в Багдаде 12 лет и умер в 848 (1444 г.); E. Zaumbaur, Manuel, p. 257 b. Aspan; там же сказано (цифры 6 и 7 в тексте должны быть переставлены), что он был владетелем Ирака с 837 до 848 г.. как преемник своего брата Мухаммеда. Из рассказа Даулетшаха можно заключить, что он был еще жив в 850.

ТЕКСТ

(последние листы рукописи)

(330 a) ذکر مشعشع و خروج او در جزایر و حویزه مشعشع دعوای سیادت میکرد ومیکفت من خلیفه وپیش رو امام مهدی ام ودرعلم رمل وتنجیم ونیرنجات ماهر بود ومسافرت بسیار کرده و رسائل بسیار در علوم نوشته وشیعۀ غالی است و رسالۀ از تصنیف او مطالعه افتاد بطریق ابادت نوشته و تکلیف از میان خلق بر داشته بعد ازان که سفر خراسان و عراق کرده بشوشتر آمد ومدّتی در شوشتر بود وبعد ازان بجزایر در آمد ومذهب تشیّع ظاهر کرد وچون بیشتر ساکنان جزایر شیعه اند بدو بکرویدند واو کفت من پیش رو مهدی ام وامام درین زودی بیرون می‌آید وغلبۀ از جهّال و عیّاران ودزدان برو جمع شدند وخاندان سحر بن علیان که از قدیم باز امارت داشتند ویران کرد وبقتل وتاراج مسلمانان دست بر آوردند ومردم[1] بمهدی دعوت میکرد واحشام آن طرف را تاراج کرد وقتل بسیار دست داد وقریب ده هزار مرد بروی جمع شدند همه فداییان واز اطراف بدو پیوستند وبیشتر مشائخ جزایر (330 б) وسادات را بقتل رسانید ودر اطراف خوزستان تاراج وقتل وسبی کرد وچندین طفلان شیرخواره هلاك کرد وبر مذهب فلاسفه واسماعیلیه عمل میکرد وتکلیف از میان زن ومرد بر داشت وعزیمت حویزه کرد وشیخ الاسلام الأعظم ناصر الحقّ والدین ابو الخیر جزری بقصد او لشکری اراسته از شیراز بیرون آورد وروی بحرب او نهاد وچون هر دو لشکر بهمدیکر رسیدند محاربۀ[2] عظیم دست داد وچون آن قوم فداییان طمع از جان بریده بودند مردانه بکوشیدند ولشکر شیراز ازیشان طرف انفرار پیش کرفتند وشیخ ناصر الدین ابو الخیر متوجّه شوشتر شد ومشعشع محاصرۀ حویزه رفت ومردمان بجنك حویزه مشغول شدند

[1] Cod. وبمردم [2] Cod. ومحاربۀ

ذکر آمدن اسفند بن قرا یوسف وانهزام مشعشع

چون محاصرهٔ حویزه متمادی شد جمعی از مشائخ آن دیار استعانت نزد اسفند بردند اسفند لشکر خود جمع کرد ومتوجّه حویزه شد چون برسید مشعشع لشکر مقابل برد وترکمان بنیاد حرب کردند واز طرفین بسیاری بقتل آمدند وآخر ترکمانان مظفّر شدند ومشعشع ولشکر منهزم روی بجزایر نهادند وآنچه از اعراب واحشام وغیره تاراج کرده بودند همه بگرفتند وروزی دیگر همه بزرگان حویزه نزد اسفند امدند اسفند مال امان بر اهل حویزه نهاد محصّلان در شهر رفتند ومال مستخلص کردانیدند

شعر

پس انله بتاراج بکشود دست * بکردند باروی آن شهر پست
زر وسیم بسیار بر داشتند * سریر کیررا بر افراشتند
بسی سرورانرا که سرکنده شد * بسی خواجه کانجا یکه بند، شد
غریو از زن ومرد بر خاسته * غم افزود وشادی بشد کاسته
کساز که شان بود چندین تمن * بماند برهنه در ان انجمن
چو بستد زر وشهر ویرانه شد * پس آنکاه میلش سوی خانه شد
ازانی ببغداد آورد روی * بشد فارغ از محنت کفت وکوی

چون لشکر اسفند حویزه تاراج کردند وهرچه بود بر داشتند وبرفتند قحط ظاهر شد وبسیار مردمان بکرسنکی هلاك شدند ودر جزایر چنان قحط شد که هیچ چهارپا زنده نماند

شعر

اکر نیك باشی نیکوئی تراست * که بدرا بدی نزد خالق جزاست
هر آنکس که بد کرد بد باز یافت * بد آخر بسوی بدیها شتافت
(331a) نکو شو که نیکی به پیش آیدت * همان نیلویی قسم خویش آیدت
چو فرجام کار بدان هم بدست * هر آن بد که آید ترا از خودست
بدانرا بدی آید از روزکار * که نیکان زنیکی شوند رستکار

چون اسفند حویزه تاراج کرد ومال بسیار ببرد تبرّکات وبیلاکات[1] با پیشکش بپایهٔ سریر اعلیٔ خاقانیٔ معینی فرستاد وعرضه‌داشت کرد که چون مشعشع در ولایت قلمرو آن حضرت قدم نهاد وبسیار خرابی کرد این کمینه جرائت نمود ودفع دشمن آن حضرت بر خود وادب دید حمل نوّاب آن حضرت برعصیان این بنده نکنند واین کمینه از بندکان حضرت خاقانی ام بهر جه حکم فرمایند منقاد وبندهٔ فرمانم

شعر

غلام درکه سلطان عالم از جانم * بهرچه حکم نمایند بنده فرمانم
کمینه بندهٔ هندوی خضرت شاهم * نهاده رو بکذار تو هم برین راهم
هزار بنده چوکیخسروست وافریدون * برآستان تو از قدر ومرتبت افزون

چون ایلچیٔ اسفند عرضه‌داشت عرضه کرد اورا خلعت داد واستمالت نامه جهت اسفند بفرستاد واورا کرامی باز کردانید

ذکر عصیان امیر کیومرث ومحاربهٔ یوسف خواجه وقتل امیر عبد العلی

چون قضیهٔ شکستن لشکر امیر یوسف خواجه و شکستن امیر عبد العلی واقع شد (332a) بندکیٔ حضرت پادشاه سعیدرا ازین معنی خوش نیامد و بجهت دفع دشمن لشکر اطراف مملکت خراسان وماوراالنهر و سیستان وبلخ وکابل وبدخشان دبیران وبهادران بعساکر منصوره پیوستند

شعر

یکی لشکر همچو کوه کران * همه شیر مردان ونام آوران
امیران دانا دل هوشیار * مربمردی چو کیو وچو اسفندیار
بجنك کیومرث کردند روی * برآمد زهر کوشهٔ های وهوی
تو کفتی که‌دریا در آمد بجوش * بکردون سید آن فغان وخروش

امیران تمن وامیران هزاره با آلت وساز حرب متوجة شدند ومنازل قطع کردهٔ تا بقرب مشهد رضوی در امدند ومنزل کرفتند وخواجه ملك سمنانی‌را جهت نصیحت

[1] Cod. ویدلکیات

بایلچی کری بجانب کیومرث فرستادند ومترصد خبر او شدند امّا چون خوابه ملك قریب قلعهٔ کیومرث رسید جهت قلعهٔ چند که تعلق برستمدار میداشت ویوسف خواجه وکیومرث ظاهر شد یوسف خواجه عرضه‌داشت پایهٔ سریراعلی کرد ومدد طلب کرد تا کیومرث‌را از ولایت رستمدار خراج کند وقلاع او در تصرّف آورد وامیر عبد العلی که از مقرّبان حضرت وشیر بیشهٔ مردی بود مقرّر شد با جمعی لشکریان بمدد یوسف خواجه روند وداروغکان سلطانیه قزوین وکاشان باوی منضّرشوند ودفع کیومرث کنند وامیرعبد العلی با لشکریان متوجّه شدند وداروغکان ولایات نیزبدو پیوستند وعزیمت کیومرث کردند کیومرث نیز لشکر خود آماده کرد وپسران باو پیوستند وساز جنك آماده شد وعزیمت قلعه کردند ودرهٔ بغایت ضیّق در دامن قلعه بود و رودخانهٔ از طرفین و زمین ناهموار که درآن جای محاربه نبود وکیومرث ولشکر آن دره بر خود حصار کرده و سوار در آن دره رفتن مشکل بود و پیاده نیز رفت از سر باه وسر زیر وراه تنك در زحمت بود ولشکریان بسعی بعستار در آن دره در آمدند وآن لشکر بتیر و سنك پیچیدند وجنك در پیوست ولشکریان در (3316) دره بودند ولشکر کیومرث بر بالای سر ایشان

شعر

تو کفتی که دریا در آمد بجوش * بکردون کردان بر آمد خروش
ده ودار وکیر از دلیران بعزم * بیاراست از هر طرف ساز رزم
بغلطیه بسیار سر همچو کوی * روان شد زهر کوشه خون جوی جوی

از هر دو جانب بسیار کس کشته شدند وپسران کیومرث جنکی مردانه کردند و عبد العلی همچون شیر غرّان بر آن پسران حمله کرد تعیّن محلّ عجب بود ودشمن دیره شده وروزنامهٔ عمرش بدلك ومنها رسیده بود سودی نداد آن شیر مرد شربت شهادت چشید وبا شهداء کربلا قرین کشت وبیشتر از خاصکان او موافقت نمودند وپسران یوسف خواجه در قید اسار آمدند وچون این واقعه دست داد کیومرث وفرزندان چون آن کشتکان و اسیران بدیدند تامل کردند وخون بر ایشان مستولی شد وکفتند (sic) چون این واقعه دست داد داروخکان هر یك بمقام خود باز رفتند ویوسف خواجه قصّهٔ کشتن عبد العلی عرصته داشت پایهٔ سریر اعلی کرد وچون این

خبر معیّن شد ایلچی با مکتوب عتاب آمیز بسوی کیومرث روان شد کیومرث بغایت ملول شد وبا پسران عتاب کرد وکفت سر خود وما وممـلکت همه بر باد دادید اکنون چکونه طاقت عتاب حضرت خاقانی توانیم داشتن ودر حال عرضه‌داشت پایهٔ سریر اعلیٰ خاقانی کرد که بر رای عالم آرای مخفی نماند که این حادثه بی اختیار دست داد وچون قضار مبرم بود سودی نداد اکر ازین جریمه خون ما میریزند وممـلکت ما ویران میکنند بندکان خودرا واملاك خودرا وبران میسازند اکر بندهٔ صد سال کناه میکند چون توبه میکند عضو الله تعالی در میابد چون آن حضرت متخلّق باخلاق الهی است از سر جرم ما در کذرد و بهرچه فرمان صادر شود بر[1] آن کاربند شویم چون عرضه‌داشت بپایهٔ سریر اعلی رسید فرمان شد که از اطرافی ممالك خراسان وبلخ وسیستان ومازندران لشکر جمع شوند وعزیمت فیروزکوه ورستمدار مصمّم شد

ذکر توجّه عساکر منصوره بجانب فیروزکوه جهت عصیان کیومرث

کیومرث پسر خودرا با جمعی از ملازمان باستقبال فرستاد و اورا باعزاز تمام فرود اورد وبدیدن او آمد وانچه از لوازم تفقّد بود بجایر آورد و خواجه ملك اورا نصیحت کرد و کفت اکر جریمهٔ بر اختیار واقع شد عذر آن مربابد خواست و زن و فرزند و مال خود محبوس میباید داشت کیومرث عذر خواست و بخطای کذشته تاسّف میخورد و روی بر خاك نهاد و کفت این خاکسار در زیر بار خجالت مانده و از شرمساری و ندامت روی آن درکاه درکاه ندارم اساس این معذرت‌را ببساطبوس مشرّف شوم و اکر عنف وقهر کند سزاوان وبعفو و لطف امیدوارم و خدمتکاری ملکی آصفی بجای آورد راما در باز فرستادن تعلل مینمود وچون آمدن خواجه دیر شد از اطرافی لشکریان جمع آمدند وعزیمت بجانب کیومرث جزم شد و روانه شدند

شعر

سپاهی که چشم زمین وزمان * ازان سان ندیده بجمله جهان
همه پهلوانان روز نبرد * که از آب دریا بر آرند کرد
علمهای سرخ وسفید وبنفش * بکردون رسانیده نوك درفش
همه مرد ومرکب بفولاد غرق * درخشان شده چیبهاشان ببرق

[1] Cod. وبر

بتیر از رخ زنکیان برده خال * نماده زنعل ستوران هلال
هربران کردن کش نامداز * چو سام نریمان بهنکام کار
سر چتر شاهر رسیده بماه * رسانده بمه قبّة بارکاه
(3326) شهشه باجمله شهزادکان * امیران دانا وآزادکان
سوار سمند سعادت بکام * روان کشته با ساز وبرك تمام
قراوول دولت قجرجی ظفر * قضا جقتول توقچی هم قدر

امیرزاده علاء الدوله شاه جوانبخت صاحب قران سلطان محمد بهادر وامیر فیروزشاه با جمعی امراد مقدّمهٔ لشکر روانه شدند چون قریب سمنان رسیدند خبر آمدن خواجه ملك برسید وعنقریب خواجه ملك با نثار وپیشکش وکسان کیومرث بعساکر منصوره رسیدند وعرضه داشت کیومرث که از سر عجز واضطرار کرده بود عرضه کردند که بر رای عالئ نوّاب کامکار پوشیده نماند که اندك مخالفتی که واقع شد نه از سر اختیار بود وچون قتل امیر عبد العلی قضا میرم بود سودی نداد اکر آنحضرت ازین جریمه خون ما میریزد سزاواریم امّا بلطف آن خداوند که متخلّق باخلاق خداییست مستظهر واسیدواریم که از سر جرم ما در کذرد وبهرچه فرماید و فرمان همایون نافذ وشود کاربند شویم رغقریب وبیساط بوس مشرّف خواهیم شد پادشاه عالمیان قلم عفو بر جریدهٔ اعمال او کشید و عزیمت فیروزکوه موقوف کرد وبفرستاد وشاه دکان نامدارا را باز طلبید وتمام امرا و وزرا مشورت کردند وکفتند چون درین اوّلی یوسف خواجه وفات کرده وان سرحد خالی مانده ونزدیك دشمن است چون رقم سلطنت قم وسلطانیهٔ وهمدن ، وقزوین ، وری وآن دیار باسم همایون شاهزادهٔ جوانبخت صاحب قران غیاث الحقّ والدین ابی نصر محمد بهادر سلطان زده بودند بدان حضرت تفویض شد وچند تومان جهت خرجّی بخزانهٔ عامره واصل کردند و امرا وفرزندان خودرا مثل امیر ابو سعید فیروز شاه وامیر سعادت امیر خاندشاه وفرزندان یوسف خواجه وبعفر امراء نامدار ملازم آن حضرت کردند وکفتند هر آینه چنان سرحدّی چنین شاهزادهٔرا میزیبد بدین قرار کرده حضرت خاقان بجانب مقرّ سلطنت رجوع کرد شاه زاده با لشکر خویشتن متوجّه قم شدند با دولت وسعادت وشادمانی

ذکر ابتدای سلطنت عالیحضرت سلطان اعظم (333a) غیاث الحقّ والسلطنة

والدنیا وادین سلطان محمد بهادر خلدّ الله ملکه

چون خاقان [1] سعید متوجهّ دار السلطنت هراة شد و شاهزادهٔ جوانبخت کار منازل قطع کرده با رایت نصرت و آیت ینصرك الله[1] بحوائی قم رسیدند از اطراف داروغکان ممالك واهالی واشراف باستقبال بیرون آمدند وبطالع سعد بقم نزول فرمودند

باقبال و دولت ببخت جوان * بتأیید ونصرت بهوش وتوان
جهان بنده وفتح و عزّت قرین * سعادت غلام وعنایت معین
بروز همایون ووقت[2] سعید * باقبال و دولت سوی قم رسید
چو کنجی در آن شهر ویرانه شد * قم از مقدمش خلد کاشانه شد
دکر قم جوانی هم از سر کرفت * سربر سعادت بدو فر کرفت
بر انداخت جور و جفا وستم * بر افراخت از عدل وداد او علم
چو آمد شهنشاه عالم بقم * بدولت خرد بانده بر زد که قم
جهانداوری خبسروی نامدار * پدر بر پدر در جهان شهریار
چو کسری بعدل وچو خاتم بجود * قران کرده در طالع او سعود
دل ودست او همچو دریا وکان * خجل نزد جودش همین وهمان
مسمّی محمّد که همچون علی * بود ختم بر ذات او پردلی
بزد کوی دولت بهوی مراد * چو چوکان دولت بدو بخت داد
زنو هر دمش دولتی یار باد * جهان آفرینش نکهدار باد

چون مقدم همایون بقم فزول فرمود واز اطراف ممالك از ساوه وکاشان وقزوین ودیکر مملك از ساری و اصفهان و فیروزکوه و سلطانیه و آذربایجان نثار و پیشکش بدرکاه آوردند امیر حسین طارمی با فرزندان ببساط بوس عالی مشرّف شدند با امیر شاه قاضی وملك بهمن امیر کیومرث بنوازش خشروانه سر افراز کشتند وقم بزّبان حال میکفت

[1] Kor. 48, 3.

[2] Cod. ووقی

شعر

امید هست که از دولت وعنایت شاه * شود چو خلد برین قم بفر ودولت وجاه
رعیّت وضعفا از قدوم دولت او * نکو شود همه‌را کاروبارهای تباه

وچون در قم ساکن شدند اسب واستر و پنجهزار دینار کبکی جهت مولاناء اعظم فرید عصر ووحید دهر مخدوم (333b) شرف الحقّ والدین علی‌را بفرستادند وجمعی مخصوصان در محفّه آن جناب را بقم بردند وباعزاز و اکرام در قم نزول فرمودند وجمعی از مخصوصان جهت مهد اعلی ملکهٔ عظمی بطرف یزد فرستاده وکارسازی کرده امیر چقماق وحرم او باعزازی هرچه تمامتر مهد اعلی ملکهٔ کبری رافعة رایات العزّ والسعادات واصفة [1] قوانین المعدلة بین البرایا المختصّة[2] بعنایة الله خالق البریّات صفوة الحقّ والسلطنة والدنیا والدین عمة الاسلام والمسلمین پاینده سلطان خلّد الله تعالی عمتها توجّه قم نمودند وشاه‌زادهٔ جوانبخت صاحب قران جهت مشایعت تمام امرا و خواتین و اهالی و اشراف تا کاشان استقبال نمود و آن حضرت باعزازی هرچه تمامتر بجانب قم آوردند و در آن فصل زمستان بسعادت در قم مکان ساختند

شعر

مهر سعادت وخورشید ملک‌راست قران * زهی سعادت ودولت زهی قرار جمعان
دو در درّج عدالت خوشست دریك عقد * دو لعل خاتم دولت خوشست از یك‌کان

ذکر محاربهٔ بندکیٔ شاه‌زادهٔ جوانبخت وحاجی حسین وفتح آن حضرت وقتل حاجی حسین و تسخیر همدان و کاورود

و چون شدّت سرمای دی در آخر شد وزاغ از باغ بیرون رفت واز فرّ فروردین وارد بهشت صحن باغ و زاغ رشك فردوس برین کشت وبلبلان خوش آواز بر شاخسار اشجار در نوروز عجم حسینی وار بخلاف مخالف شتا بنوا در آمدند شاه‌زادهٔ جوانبخت خلّد الله ملکه‌را هوای دامن کوه الوند وعیون ماما شادوود درّ سر افتاد وعزیمت سوق بلاغ فرمودند امیر کیومرث معلوم کرد نثار وپیشکش بفرستاد وعرضه داشت که این کمینه بندهٔ از بندکان آن حضرتم وغلام

[1] Cod. و اصفیه
[2] Cod. المختص

پیر آن خاندانم وعزیمت بساط بوس آن حضرت دارم اکر لطف فرمایند حاکمند

شعر

زجانم غلام شه کامران * کمین بندهٔ کمترین بندکان
ندارم بجز بندکی هیچ کار * سر ما وخاك ره شهریار
بحکمی که صادر شود بنده ایم * زانعام آن پادشه زنده ایم

وچون فرستاده آن نامه بعرض رسانید شهزادهٔ جوانبخت خلّد ملکه عنایت فرمود فرستاده اورا مقضیّ المرام بازکردانید واز اطراف پادشاه مازندران (334a) وجهانشاه پیشکش[1] وبیلاك فرستادند چنانچه عادت وشیمهٔ آن شاهزاده است همهرا بذل کرد

ذکر محاربه با حاجی حسین ومقتل او

امّا چون دولت از حاجی حسین برکشته بود ووبال[2] دامن اوکرفته ودرآن نزدیکی عمّ خودرا که بمثابت پدرست غدر کرده وکشته بود پسرت پای بوس مشرّف نمیشد وفرستدهٔ آن حضرترا موقوف میداشت چون توجّه آن جانب نمودند امیر سعادترا جهت نصیحت وپند او بفرستاد تا قصّه بفیصل انجامد آن بیدولت امیر سعادترا هم موقوف کرد وچون قضاء مبرم دامن عمر اوکرفته بود پشت[3] بحصار کاورود باز نهاده بود که حصینترین قلاع آن دیارست وجمعی اذلّ بروی جمع شده دیکر بار ایلچی فرستاده که بر خیز با امیر سعادت ببساط بوس مشرّف شو که از سر جریمهٔ تو در کذریم بدین التفات نکرد وشاهزادهٔ جوانبخت صاحب قران خلّد الله ملکه بفرمود تا لشکریان عزیمت حرب حاجی حسین مصمّم کردند وعساکر منصوره متوجّه همدان شدند وآن بردولت خاجی حسین لشکر خودرا از حصار همدان تعبیه کرده بیرون آورد وترتیب جنك ساخته توجّه نمود

شعر

بفرمود شهزادهٔ نیکبخت * خداوند تاج وسزاوار تخت
مسمّی محمّد شه کامران * فریدون خصال وسکندر[4] توان

[1] Cod. وپیشکش
[2] Cod. واوبار
[3] Cod. وپشت
[4] Cod. om

که لشکر سوی دشمن آرند روی * کنند تلخ بر دشمنان ارزوی
جوانان خنجرزن نامدار * بمانندهٔ کیو واسفندیار
همه در که رزم شیر ژیان * همه شیر مردان ونام آوران
بخبخر دل خاره کرده دونیم * زکس شان نبد باك واز تیغ بیم

چون حاجی حسین از شهر بیرون آمد و لشکر خود تعبیه ساخت ومتوجّه شد چون قراول بهمدیکر رسیدند قراول حاجی حسین مجال مقاومت نداشتند راه فرار در پیش کرفتند وبهادران ایشان‌را همچون کلهٔ میش در پیش کرفتند وبعضی‌را اسیر کردند.
چون این خبر بحاجی حسین رسید بغایت وهن کرد وکفت

شعر

اکر بار خارست خود کشتهٔ * وکر پرنباتست خود رشتهٔ
روزی دیکر

شعر

چو شاه روم سر برزد زکردون * بشد چتر سیاه‌رنده وارون
منوّر شد جهان از نور خورشید * (334б)جهانرا تازه شد از مهر امیّد
دو لشکر ساز عزم جنك کردند * بخون یکدکر اهنك کردند
علمهای بنفش وسبز والوان * زباد معرکه آمد بجولان

هر دو لشکر برابر یکدیکر صفّ کشیدند جوانغار وبرانغار وغول ساز کردند وشاه‌زادهٔ جوانبخت صاحب قران مثل رستم دستان در قلب قایم شد وسنجق جهانکیری به بلند فتح ونصرت بجلوه در آمده بود وهر دو لشکر بنظر سیاست در یکدیکر دیدند واز هر دو جانب صلوات دادند وطبل جنك فرو کوفتند وبسیار محاربه آغاز کردند آن بی‌دولت با جمعی سوار بر جوانغار حمله کرد بعضی بهم بر آمدند وبر برانغار تاخت وجنك در پیوست و از هر دو جانب بهادران بسنان نیزهٔ آبدار در کارزار در آمدند وسرها در میدان همچون کوی کردان شد وشاه‌زادهٔ جوانبخت صاحب قرآن خلد ملکه وسلطنه چون جرات آن بی دولت بدید جنیت طلب کرد وسوار شد وتیغ آبدار بر کشید وبر دشمنان حمله کرد ونعرهٔ زد که منم محمّد بهادر بن بایسنغر وهیچ اندیشه

ازان لشکر نکرد وهمچون شیر دمان بر آن لشکر زد وبهر ضربی سواری در هاك می‌افکند ومی‌گفت

شعر

بتوفیق خدای فرد واکبر * بروح مصطفی وحب حیدر
همیزد تیغ بردشمن بدانسان * که از خرد وسپر بگذشت وخفتان
چو شیر شرزه میزد ضرب شمشیر * به پیش لشکری مانند نخچیر

چون حاجی حسین دانست که با آن حضرت مقاومت نتواند کرد راه فرار در پیش گرفت ولشکریان او بعضی التجا بطوق همایون آوردند وبعضی همچون جراد منتشر پراکنده شدند وحاجی حسین روی بحصار همدان نهاد وچون بنزدیك شهر رسید دروازهارا بسته دید ومردمان بر بارو با تیر و سنك متحصّن یافت التماس وصول در همدان کرد اهالی کفتند که چون سعادت ابدی روی از تو بر تافته است وسودای محال با خود خیال بستی وبر روی مخدومزادهٔ خود تیغ کشیدی وملعون ابد شدی باز کرد واکرنه جواب تو تیر رسنده است چون دید که ویرا در شهر نخواهند کذاشتن پشت داد وروی بقلعهٔ کاورود آورد وجماعتی که از عقب او آمده بودند بوی رسیدند واورا از اسب (335a) پیاده کردند ودست وکردن در بند آوردند وباز کشتند[1] و چون این فتح دست داد شاهزادهٔ جوانبخت بر سریر سلطنت در سراپردهٔ خلافت متمکّن شد وامراء دولت‌را همه تربیه فرمود وهر کس از لشکری آنچه غنیمت کرده بر ایشان مسلّم داشت حاجی حسین‌را بمجلس حاضر کردانیند و اورا بوارثان عمّش داد که بناحقّ عمّ خودرا که بمثابت پدر بود کشته بود تا بحکم الحّر بالحّر والعبد بالعبد والانثی بالانثی[2] بقصاص رسانیدند وآیة وفی القصاص حیوة یا اولو الالباب[3] برو خواندند ونوّاب آن حضرت ضبط اموال از صامت وناطق بکردند وآنچه ازو باز مانده بود بعطا وبذل صرف فرمود وکاورود باسهل وجوه در تصرّف امد ودر کزین وازوا داروغکان آن حضرت درآن ولایت معیّن شدند واهالیٔ همدان

1 Cod. کشتن
2 Kor. 2, 173.
3 Kor. 2, 175.

از سادات وقضاة ومشائخ واکابر با نثار وپیشکش ببساطبوس مشرّف شدند وبغوازش
وعاطفت خسروانه سرافراز کشتند وتمام ولایت همدان ونهاوند وورودجرد وخرم آباد
وانشام آن کمر متابعت بر میان بستند وفرمان جهان مطاعرا منقاد کردیدند
وزمانه بزبان حال میکفت

شعر

صاحب قران عهد تویی وملك ازان تست * یرلیغ حکم تابع نام ونشان تست
پیرند چرخ وانجم وبخت تو نو جوان * اقبال وبخت تابع برای جوان تست
بیشك که سر زصدق رساند برآسمان * آنرا که روی صدق برین آستان تست

وایلچی به پایهٔ سریر اعلیٔ خاقانی فرستادند وازین فتح مژده رسانیدند وبهجت
وسرور افزوده شد وخبر آن فتح همایون در ممالك آذربایجان وعراق وفارس وخراسان
وماوراالنهر انتشار یافت و خرمّی کردند

ذکر محاربهٔ عساکر منصوره با کیومرث

وچون بسعادت ابدپیوند دو سه روزی در همدان نزول فرمودند عزیمت مصمّم
کردند وبطرف فیروزکوه ترجّه نمودند ولشکر آراسته بدانجانب روانه شد وایلچی
روانه کرد وبکیومرث نوشت

شعر

اکر نیك باشی نکویی تراست * که بدرا بدی نزد خالق جزاست
هر آنکس که بد کرد بد باز یافت * بد اخر بسوی بدیها شتافت
نکو شو که نیکی بـه پیش آیـدت * همان نیکویی قسم خویش آیدت
چو فرجام کار بدان هم بدست * (335б) هر آن بد که آید ترا از خودست
بدانرا بدی آمد از روزکار * که نیکان بنیکی شوند رستکار

مریدوید که چون واقف شوی بدرکاه همایون آیی وبنوازش خسروانه مشرف
شوی واکر خلاف این کنی شنیدی که با حاجی حسین چه رسید تو نیز در معرض
سخط باشی چون کیومرث ازین واقف شد آیة مانعتهم حصونهم را[1] کاربند شد وآیة

[1] Kor. 59, 2

یخربون بیوتهم بایدیهم وایدی المومنین[1] فراموش کرده متحصّن شد شاهزادهٔ جوانبخت صاحب قران خلّد ملکه وسلطانه وعساکر منصوره بصوب لارجان روانه شد وبهادران همچون شیر غران عزیمت بحرب آن دیار جبلی کردند ودر درهٔ لارجان در آمدند وکیومرث با بعضی پسران ومردان از قلعه بیرون آمدند وبرابر لشکر صفّ کشیدند وجنك در پیوستند

شعر

تو کفتی که دریا در آمد بجوش * بکردون رسید آن فغان وخروش
ده وکیر ودار از دلیران بخاست * زکشته زمین کشته با کوه راست
بغلطید بسیار سر همچو کوی * روان شد زهر کوشه خون جوی جوی

بعد از محاربه آیت ینصرك الله نصرا عزیزا[2] وارد شد وکیومرث بعزیمت بسوی قلعه رفت وبعضی پسران ولشکریان در قید آمدند وقریب سیصد تن از لشکریان کیومرث کشته شدند وغنیمت بسیار عساکر منصوره بیافتند وازانی بدامن دماوند نزول فرمودند وخبر این فتح در ممالك منتشر شد ودوستان خرّمی کردند وکیومرث در قلعه متحصّن شد و زمانه بزبان خال این شعر میکفت

شعر

جان نخواهد بردن این بی‌دولت ازشاه * رستم ودیو سفید وبیشهٔ مازندران
بیضه شکزفی نهد من بعد در فیروز کوه * کم همای از کشتهٔ تیغ بویابد استخوان

وعساکر منصوره بسیران در آمدند وقرق سلطانیه چند روزی قرین ساختند واز اطراف پیشکش وبیلاك ارسال کردند وبسعادت باز مراجعت کردند

ذکر انکیز کردن اکابر اصفهان نزد شاهزادهٔ جوانبخت

امّا چون مدّت مدید بود که خواجکان صاحب دیوان اصفهان در پایهٔ سریر اعلی بودند وباز آمدن بجانب اصفهان متصوّر نبود با هم مشورت کردند که چارهٔ خلاص ما در آنست که مبلغی کثیر تعبّل کنیم که از خود ورعایا حاصل کرده بخزانهٔ

1 Ibid.
2 Kor. 48, 3.

عامره واصل کنیم وبا خواجه (336a) غیاث الدین پیر احمد در میان نهادند وچند تومان تقبّل کردند وخواجه محمود وحیدر وامیر احمد چوبان وخواجه محمّد کلّه‌کار ودیکر خواجکان خطّ باز دادند وامیر محمّد قوزی‌را محصّل ساخته روانهٔ اصفهان شدند وباصفهان در آمدند وآنچه تعبّل کرده بودند متصوّر نبود که حاصل کردد ونه آن خواجکان از خاصّهٔ خود چیزی داشتند که بوجه نشانند واز رعایا آن قدر حاصل نمیشد که اخراجات محصّلان شود وهر چند مطالبات مینمودند حاصلی نبود وبا همدیکر مشورت کردند که ما اکر میخواهیم که ازین ورطه خلاص یآبیم مارا دست در دامن اعتصام شهزادهٔ جوانبخت مرباید زد تا ازین ورطهٔ مهلکه جاّن خود بر کنار اندازیم همه بزرکان اتّفاق نمودند مثل شاه علاء الدین ومولانا امام الدین قاضی ومولانا عبد الرحمن ومولانا افضل الدین ترکه وامیر عماد الدین وامیر قطب الدین ودیکر خواجکان وعرضه‌داشت نزد شاه‌زادهٔ جوانبخت کردند خلّد الله ملکه و احوال عجز خود باز نمودند وچون آن حضرت بر حاّل ایشان واقف شد خلعت خاص جهت ایشان بفرستاد وبمکاتیب علیّه سر افراز کردانید وفرمود که هیچ اندیشه بخود راه مدهید که موکب همایون ما بدین صوب معطوف خواهد شدن دفع آن مضرّت ازیشان کرده شود وبعنایت خسروانه سرافراز کردند ومزید تربیت واحسان در بارهٔ ایّشان خواهد بود وچون فرستاده برسید وخلعت اکابر بیاورد وملبّن بلباس خسروانه شدند واطمینان ایشان‌را حاصل آمد

ذکر آمدن موکب همایون شاهزادهٔ جوانبخت صاحب قران غیاث الحق والدنیا والدین ابی نصر سلطان محمّد بهادر خلد ملکه باصفهان

امّا چون مدّت مدید بود که اصفهان‌را حکومت متعلّق بامیر فیروزشاه بود واوّل برادر او امیر خاندشاه حاکم اصفهان بود وبعد ازو چون وفات کرد امیر محمود شاه بود ودر آن نزدیکی اَمیر محمود شاه رنجور شد بغایت امیر سعادت بن امیر خاند شاه بدیدن عمّ آمد وبعیادت نزدیك او شد از نزد حضرت شاه‌زادهٔ جوانبخت خلّد الله تعالی ملکه عنقریب امیر محمود شاه وفات کرد وامیر سعادت قایم مقام شد وعرضه‌داشت پایهٔ سریر اعلی کرد والتمّاس امارت اصفهان کرد مبذول افتاد وامارت (336б) اصفهان بدو قرار کرفت امّا خاطر شاه‌زاده ازو کرانی داشت وچون سال

خمسین وثمانمئه در آمد ومحرّم بآخر رسید در ماه صفر شاهزادهٔ جوانبخت‌را هوای اصفهان وکنار زنده‌رود شد ومتوجّه اصفهان کشت وچون این خبر باصفهان رسید امیر سعادت وهن کرد وعیال خود بر کرفت واز اصفهان بیرون رفن واز اکابر اصفهان امیر علی کلباری با وی موافقت نمود واو لز سرداران شهر بود وچون موکب همایون بدار الامان اصفهان رسید اکابر واصاغر واهالئ شهر با نثار وپیشکش بدرکاه آمدند وآن خضرت در قلعهٔ نقشی جهان در آمد وبر سریر سعادت ودولت مکان کرد وجمعي علوفه خواران از عقب امیر سعادت وامیر کلباری بفرستاد وبدیشان رسیدند وامیر سعادت‌را در قید آوردند وچون اجل موعود رسیده بود امیّر علی‌را بقتل آوردند وسر اورا وامیر سعادت‌را بشهر در آوردند وشاهزادهٔ جوانبخت بفرمود تا مردهٔ امن وامان در دادند وتفصیلهاء تقبّلی وخارجی پاره کردند ومنادی در دادند یکدینار هیچکس از کسی مطالبت ننماید وخلائق از دست محصّلان خلاص یافتند وبدعای دولت روز افزون زبان بکشادند واهالئ شهر وروئسارا همه خلعت خاص دادند وتربیت[1] کردند ودر نقش جهان بر سریر دولت ابدی قرار کرفت وزمانه بزبان حال این شعر میکفت

شعر

چکونه ملك کند شکر نعمت یزدان * که پادشاه جهانرا مسخّرست جهان
بافتاب کجا اصفهان در آرد سر * که سایه بر سرش انداخت سایهٔ یزدان
لطیفهٔ که سعادت بخواب میدیدش * بدیدبخت به بیداری آن لطیفه عیان
بلی چو رحمت حق بسایه برجهان افکند * جفا وجور مبدّل شود بامن وامان
بیمن ومعدلت شاه‌زادهٔ اعظم * پناه وپشت سلاطین وپادشاه زمان
غیاث دنیی ودین بانئ مبانئ ملك * که هست خسرو کردون شکوه عالی شان
جهان فتح ابی نصر آفتاب ملوك * که بر سریر جلالست از شرف سلطان
سمّی ذات شریفش[2] محمّد است بحق * زجدّ وزپدر[2] پادشاه وشاه‌نشان
بکام تا باید سریر ملّت وملك * نکاه دار تنش بادخالق سبحان

[1] Cod. وترتیب
[2] Cod. add. اوست

وحکم همایون ان حضرت صادر شد واستمالت نامهٔ رعایا بممالك فرستادند وجناب امیر قطب الدین ورزنه که از مخصوصان (337a) حضرت بود بیزد آمد واستمالت نامهٔ بر منبر بخواندند ومردمان دعاء دولت روز افزون بتقدیم رسانیدند وامیر شمس الدین محمّد بن امیر جلال الدین چغماق که داروغهٔ یزد بود بانثار وپیشکش وبیلاك پادشاهانه متوجّه اصفهان شد وسولاناء اعظم مجد الدین فضل الله قاضی روانهٔ اصفهان شد واز ابرقوه مرتضیٔ اعظم شمس الدین علاء الدوله وسادات ومشائخ از ابرقوه متوجّه اصفهان شدند واز کرمان امیر حاجی محمّد پیشکش ونثار بفرستاد وهمهرا نوازش خسروانه فرمود واصفهان ذکر جوانی از سر کرفت وبزبان حال میکفت شعر

چکونه کنند شکر این اصفهان * که دروی در آمد شه کامران
نیارد فرو سر بچرخ بلند * که بر سر ورا شاه سایه فکند
صفاهان که ازجور ویرانه بود * ستمرا درو جای وکاشانه بود
شد از مقدم خسرو تاجدار * چو خلد برین خاصّ[1] وقت بهار

واز طرف کاشان امیر محمّد امیر عزّ الدین با خزانه بپای‌بوس مشرّف شد وامیر حسین فطنزی وبزرکان اردستان ببساط بوس مشرّف شدند وهرچه از اطراف بدانحضرت آوردندی همهرا عطا کرد وهیچ در خزانه ضبط نشد بعد از چند روز اعلام نوّاب آن حضرت کردند که امیر محمّد قوزی سر مخالفت داود وراه[2] انفرار طلب میکند فرمان صادر شد وامیر محمّدرا در قید آوردند ومحبوس ساختند وامیر سعادترا همچنان محبوس کردند واز اطراف ممالك جوانان وبهادران روی باصفهان آوردند ودو پسر اسکندر بن قرا یوسف سلطان محمد وامیر قاسم با جمعی بهادران ترکمان متوجّه شدند وشاهزادهٔ جوانبخت امرا واکابررا باستقبال ایشان فرستاد و ایشانرا اعزاز واکرام کردند وچند اسب وخیمه وخرکاه ونقد وجنس پیشکش ایشان کرد که در حساب نیامد ومقدور هیچ پادشاه نباشد وقریب سی هزار مرد جمع شدند وبزرکان اصفهان وپیادکان که هر یك در روز رزم بهمن واسفندیار بودند عرض دادند

[1] Cod. خاصه
[2] Cod. او راد

ذکر ابتدای وحشت میان حضرت خاقانی وشاهزاده

وچون شاه محمود یساول‌را حضرت خاقانی بعراق فرستاد وجهت اموال تقبّلی چون بعراق آمد وشوکت شاهزاده‌را بدید وکرم وعطای او ونصرفّ اموال کاشان ونطنز واردستان ومطالبت (3376) خزائن از ذکر مواضع بیام باز کردید وبپایهٔ سریر اعلی رفت واز شوکت وآوازهٔ شاهزادهٔ جوانبخت بکفت وکفت اکر چنانچه اندك روزکاری دیکر بکذرد او تمام عراق وخراسان در تصرّف می‌آورد وکار مشکل میشود فرمان صادر شد که او باز کردد وامیر چغماق‌را که بجهت تقریر بپایهٔ تخت اعلی میبردند از راه باز کرداند تا بیزد رود وضبط یزد بدهد وامیر ترخانرا که داروغه بود باز بابرقوه رود وضبط ابرقوه دهد شاه محمود امیر چغماق‌را باز کردانید وبیزد آمد وضبط یزد بداد وامیر ترخان بابرقوه رفت وضبط ابرقوه بداد وبرج وباروی شعر محکم کرد وشاه محمود بشیراز رفت وایشانرا محکم کرد ومهد اعلی کوهرشاد[1] سعی نمود که مارا بعراق می‌باید رفت واین نایرهٔ فتنه‌را باز نشاندن وکوشمال او بنوعی دادن که دیکرانرا عبرت باشد از اطراف نام برداران ولشکریان ویاساقیان طلب کردند وبا جیب خانه وخیمه وخرکاه ولشکریان دو چندان که باذربایجان برده بودند جمع شدند وامیرزاده علاء الدوله‌را جهت محافظت خزانهٔ ارك مقرّر کردند ولشکریانرا اکلکا دادند وعزیمت عراق مصمّم کردند

ذکر توجّه حضرت خاقانی بطرف عراق

امّا چون عزیمت جزم شد وبندکئ حضرت خاقانی توجّه نمودند بطرف پل سالار نزول کردند مرضی برآن حضرت تاری شد وخستکی دست داد و همچنان آن مرض باقی بود وبطرف فوشنج رفتند ودو سه روزی در آنجا مقیم شدند وخستکی تخفیف یافت واز راه جام توجّه نمودند واز مقدمه امیرك احمد بن امیر فیروز شاه وامیرزاده ابو الفضل وامیر سلطانشاه باسی هزار سوار بایلغار تعیّن شد وحضرت اعلئ خاقانی از سمنان توجه بری نمودند ولشکر ایلغار روانه شدند

[1] Cod. کوهر شادی ·

ذکر رفتن شاهزادهٔ جوانبخت صاحب قران خلّد الله ملکه بفارس ومحاصره کردن شیراز

وچون از اطراف پیشکش بیاوردند واز شیراز نفرستادند ومخالفت ظاهر شد فرمود که مارا اوّل شیراز مسخّر می‌باید کرد که بعد ازان مملکت بتمام ازان ما باشد امرا واکابر ورؤسا واسفهسالار وپیادکان جلد ورعداندازان وتخش اندازان سوار وپیاده قریب سی هزار (338a) جمع شدند وتوجّه بفارس نمودند ودرین اوّلی امیر شمس الدین محمّد بن امیر چغماق‌را که در دیوان نصب فرموده بود باقوای جمعی راه انفرار در پیش کرفت در راه جمعی براةداران بوی رسیدند وابو سعید که از امراء او بود بقتل آوردند واورا محبوس باز باصفهان آوردند وشاهزاده از سر جریمهٔ وی بکذشت واورا محبوس کرده متوجّه شیراز شدند

شعر

روان کشته با لشکری بی شمار * همه پهلوانان مردان کار
سوار وپیاده در آهن نهان * سوی فارس کشته سراسر روان
سواران پر دل جوانان مرد * که از کوه ودریا بر آرند کرد
همه پهلوانان میدان جنك * چو شیران شرزه چو ببحا وپلنل

وچون بطرف یزدخواست فزول کردند داروغه پیشکش وکلید قلعه بپایهٔ سریر اعلی آورد وبنوازش مفتخر شد وازانجا منازل منازل قطع کردند وچون خبر بشیراز رسید امیر ابو سعید محمّد درویش وخدای قلی وابو سعید کوکلتاش ودیکر امرا وکولویان ورؤسا وامراء کرد وشول جمع شدند ومشورت کردند وآخر بدان متّفق شدند که شهر بر خود حصار کیرند ومحاربه کنند وچون خبر آمد حضرت خاقانی متواتر میرسید بامّید اونك عنقریب برسد ضبط شهر بدادند وکفتند مارا در صحرا مقابلی کردن مصلحت نیست وشهر بر خود حصار کرفتند ولشکر از جانب مآیین روان شدند مآینیان انقیاد نجستند ولشکر از جانب ایشان چون مخالفت معلوم کرد[1] فرمان صادر شد که مایین‌را تاراج کردند وازانجا متوجّه کرك ورباط شکر اله شدند وعزیمت

[1] Cod. کردن

شهر کردند وامیر ابو سعید کوکلتاش با سی هزار سوار برسم قراولی بیرون امد ولشکر شاهزادهٔ جوانبخت بدو رسیدند واورا وآنك مصاحب او بود بکرفتند واز کنار آب رکنی وشاه‌آباد لشکر متوجّه شیراز شد وامیرحسین طارمی در پی آن سواران کرده تا دروازهٔ سعادت بیامد وطوق همایون وچتر قمرفرسای شاهزادهٔ جوانبخت از تنك الله اکبر ظاهر شد ولشکریان طلب قشون قشون غرق آهن کجین انداخته ورقد اندازان و تخش اندازان کمانهارا بزه کرده سورن انداختند چنانچه (338б) شیرازر بلزه در آمد وبدان شوکت از راه بر بزاز بدروازهٔ سلم آمدند وبرابر شهر دف زدند ورعد اندازان رعد وبیکبار سورن انداختند که از هیبت آن چندین زن آبستن بچه بینداختند پیادکان با سپرها وچپرها عزیمت کنار خندق کردند شیرازیان انکشت تعجّب بدندان تفکّر کرفتند ومتحیّر بماندند واز خوف دل در بر ایشان طپیدن کرفت وسراپردهٔ شاهزادهٔ جوانبخت صاحب قران مقابل دروازهٔ سلم برپای کردند وخیمهارا طناب در یکدکر کشیدند ولشکریان هر یک بمقام خود ساکن شدند پیادکان چپرها بنزدیك خندق بزدند ونهادند وچون شب در آمد طلایه بیرون رد ند شعر

چو شب بکذشت وآمد روز روشن * زجوشن شد جهان چو کوه آهن
بر آمد شیههٔ اسبان تازی * همی کردند کردان نیزه بازی
زبرق تیغ وبانك کوس جنکی * زبانك برغو ونای فرنکی
تو کفتی رستخیز آمد بدیدار * جهان از کرد شد همچون شب تار
چپرها وسپرها ساز کردند * در آنجا جنك‌را آغاز کردند

طوق خسروی وچتر همایون بر پای کردند و آواز کوس کوش فلك کرساخته وبهادران وجوانان باز اصفهانیان زانو زدند واجازت خواستند که آن حضرت اشارت نماید بضرب کرز وکوپال وتیغ آبدار شهر شیرازرا قاعاصف (sic) صفا کنیم شاهزادهٔ جوانبخت فرمود که عبد الله بچه است وامرای او رای وتدبیر مملکت داری ندارند واو هم ثمرهٔ سلطنت است مبادا که درین حادثه آسیبی بوی رسد بعد ازان پشیمانی سودی ندارد وچون حرب شود از طرفین جمعی کشته شوند ومردی به بسی سال کمال می‌یابد حیف باشد که بضایع هلاك شود وقتل مردم جایز نیست

ودربند آن می‌باید کرد تا بتنك آیند وخود شهر بسیارند هر چند اراذل شیراز بر
بارو نعرها زدند وطبل وسرنا ودهل فرو کوفتند بد ملتفت نشدند وآن روز لشکر
فرود آمدند واز ایل چغتا کردان وشولان بسیاری بعساکر منصوره پیوستند ولشکریان
از هر طرف بیرون رفتند ودربندان متمادی شد .

ذکر آمدن رایت همایون حضرت خاقانی بجانب عراق

Н. А. НЕВСКИЙ

От „Московии“ к СССР

(Октябрь и японский язык)

Россия была известна Японии еще в феодальный период японской истории под именем Orosha, которое мало-по-малу вытеснило собой более древнее Musukobiya, известное через посредство голландского Muscovia.

Не имея постоянных сношений с Россией и русскими, японцы того времени не имели точного представления ни о размерах, ни о местонахождении государства. «В нашем государстве, — говорит Kankai-ibun (произведение начала XIX в.), — название Orosha существует с недавних периодов An-ei (1772—1780) и Temmei (1781—1788). Хотя и неизвестно, в каком направлении находится эта земля, но об ней часто приходится слышать из уст людей.[1] Это та самая земля, которая 100—150 лет тому назад называлась Musukobiya. В «Gojiryaku» почтенного Хакусэки[2] говорится, что Musukobiya отстоит от Японии приблизительно на 14 200 с лишком ри. Страна эта славится кожей. Варварские (= голландские) корабли этот иноземный продукт привозят в нашу страну, и по месту его производства торговые люди называют и кожу. Посему в мире среди видов кожи (для выделки кошельков и кисетов), называемых inden, kobito, orusha и amakawa, есть также и musukobiya. Следовательно, musukobiya также одно из названий кожаных товаров...»

Из этой цитаты видно, что пока Япония не входила в непосредственные сношения с Россией, последняя была известна лишь феодальной торговой буржуазии и спецремесленникам своими кожаными товарами, доставлявшимися в Японию голландскими купцами, и помимо вышеприведенных слов musukobiya и orosha (сюда, может быть, нужно отнести и название вида кожи orusha) лексического материала, имеющего отношение к России, не было и не могло быть.

[1] В конце XVIII в. в Японию приезжало русское посольство Адама Лаксмана.

[2] Араи Хакусэки — известный японский kangakusha (1657—1725).

Случайные встречи отдельных японцев с русскими почти неизменно обогащали японскую географо-этнографическую литературу того времени сведениями о России и небольшим количеством русских слов, которые, конечно, никакого серьезного влияния тогда не имели.

В первой половине XIX столетия мы находим уже несколько небольших сборников русских слов. Так, например, в 1813 г. один японский корабль, встретившись с сильнейшим штормом близ берегов провинции Идзу, более чем 2 года носился по волнам Тихого океана, и из всего экипажа, погибшего от голода, спасся только один человек, некий Огури Сигэкити. На севере, куда его занесло течением, он познакомился с русскими, от которых записал свыше 350 слов. Вернувшись к себе на родину в Нагоя, он этот список издал под названием **Orosha-no kotoba** «Русские слова». Выход в свет такой книжки безусловно был обязан экспедиции Крузенштерна и Резанова (1803—1806), показавшей японцам, как трудно сноситься с иностранцами, не зная их языка. Вышеупомянутый список слов носит чисто случайный характер, и некоторые слова показывают, что он действительно был собран на севере — Сахалине или Камчатке. Для характеристики этого сборника приведу некоторые слова: **yuruta** «лачуга», (→юрта), **mujiki** «крестьянин» (→мужик), **zena** или **kasaika** «жена», **sowoni** «сегодня», **horonna** «холодно», **bennyasuka** «бедняжка», **gen** «день», **gengi** «деньги», **kameshi** «бамбук» (→камыш). Некоторые слова восприняты неправильно; сюда можно отнести: **yasuna** «пасмурно», **bigu** «корова» (→бык), **korowa** «бык», **arepa** «редька» (→репа), **arechica** «репа» (→редька), **sena** «трава» (→сено), **gina** «земля» (→глина), **mashika** «кошка» (от названия кошки «Машка») и другие.

Еще более интересно появление **orosha-kotoba** («русские слова») в качестве приложения к небольшому словарику айнских слов «Эдзо-госэн», вышедшему в 1854 г. и являющемуся сокращением известного японско-айнского словаря «Мосиогуса». Это небрежно ксилографированное «приложение» с перепутанными буквами и неаккуратно поставленными знаками звонкости зачастую делает русское слово совершенно неузнаваемым. Так, например, на ряду с **rubaha** «рубаха», **reba** «рыба», **ishiwohota** («ись охота») «голоден», **seneri** (←шинель) «дождевой плащ» и др. находим такие слова, как **majiki** вместо **yajiki** «язык», **buriyaraha** вместо **buriyauha** (читай **buryōha**) «брюхо», **kofuni** вместо **yufuni** (читай **yūni**) «июнь», **herateri** вместо **heburari** февраль» и т. п.

Издание подобных сборников русских слов несомненно было вызвано не простой экзотикой и любовью ко всему экстраординарному, а неоднократ-

ным появлением русских военных судов, так называемых kurobune («черных судов»), у берегов Камчатки, Курильских островов, Эдзо и, наконец, Нагасаки, что, конечно, для феодального правительства Bakufu, не имевшего настоящего военного флота, являлось прямой угрозой, могущей повести за собою непоправимые последствия.

В 1854 г., т. е. в тот год, когда был издан второй из вышеприведенных словников, в Нагасаки явился фрегат «Паллада», и адмиралу Путятину в январе 1855 г. удалось заключить торговый договор с Японией, подобный тем, какие уже были заключены этой страной с США и некоторыми европейскими государствами, благодаря чему начали понемногу раскрываться для Запада и его капитала закрытые двери «страны восходящего солнца».

После «реставрации» Мэйдзи (1867 г.), когда эти двери были раскрыты совсем и извне начал наступать западный капитал, а внутри создалась новая промышленная буржуазия; последняя, выставив своим лозунгом европеизацию, бросилась в «борьбу за скорейшее перенесение и укрепление в Японии капиталистической системы Запада», другими словами за капиталистическое строительство, которое одно только, как правильно было учтено тогда новым классом, «должно было способствовать предотвращению опасности для Японии превратиться в полуколонию Запада».[1]

Передовые кадры новой промышленной буржуазии, перестраивая науку и технику на новый лад, целиком отдались самовооружению в смысле усвоения социально-политического мировоззрения Запада и принялись за перевод иностранной литературы, которая, как показал проф. Конрад, сначала была «научно- и политико-просветительная», а в дальнейшем и художественная.

Таким образом, наряду с массой английской, немецкой и французской литературы стала переводиться и русская художественная литература, сначала через посредство английских и немецких переводов, а потом и непосредственно с русского языка. Русские понятия, по преимуществу имевшие отношение к предметам материальной культуры, не находившие точного эквивалента в японском языке, как и в большинстве западных, оставались в таких переводах не переведенными, а в оригинальной своей форме, японизированной, конечно, в духе фонетики языка. Таким образом

[1] Цитаты заимствованы из статьи Н. И. Конрада «Первый этап японской буржуазной литературы». См. Проблемы литературы Востока в трудах Института Востоковедения АН СССР, стр. 10—11.

в литературу, а за ней и в японский стандартный язык (кокуго), т. е. искусственно создавшийся язык промышленно-капиталистической буржуазии, проникли такие слова, как bararaika «балалайка», kopekku «копейка», rūburu «рубль», pēchika «печка», samowāru «самовар», toroika «тройка», uotsuka или uokka «водка», rubashika или rupashika «рубашка», zā, zāru (с англ. czar) или tsuā, tsuāri «царь», interigencha или interigentsuia «интеллигенция» (переводится chishikikaikyū), kozakku «казак», suteppu (переводится heigen или sōgen) «степь», tsundora (перев. taigen) «тундра», urā «ура!», tosuka (перев. kunō или sekaiku; последнее слово, собственно, является переводом немецкого Weltschmerz) «тоска», harashō «хорошо» и другие.

Благодаря установившимся регулярным сношениям с Россией в вышеназванной переводной литературе слово Orosha умерло окончательно и заменилось словом roshiya или roshia, и в обиходный язык вошло даже слово rosukī, или чаще с японизированным окончанием — rosuke, которое стало употребляться в презрительном смысле для обозначения русских.

Идеи русских романов, в общем, имели гораздо меньше влияния на умы японской промышленно-капиталистической буржуазии, чем английские, но все же идеи Тургенева, Достоевского и Толстого оказали несомненное влияние на часть этой буржуазии, на так называемых roshiyabiiki «руссофилов» и roshiyatsū «знатоков России». В больших промышленных центрах образовались общества изучения Толстого и его идей, которые стали известны под именем torusutoizumu, т. е. «толстовства». Небольшие группы этих roshiyatsū время от времени объединялись в небольшие компании, носившие разные экзотические имена вроде «Samowaru-kai» — «Общество Самовар» и др. Буржуазная молодежь, одеваясь в бархатные и вельветные rupashika и щеголяя в них по улицам Токио, воображала себя настоящими roshiyatsū.

Но вследствие того, что производителями всей массы переводной русской литературы, равно как и ее потребителями, была главным образом буржуазия, то как вышеприведенные русские слова, так и русские идеи были ограничены этим классом, точнее небольшой сравнительно группой внутри этого класса, и не проникали в громадные массы японского пролетариата. Если и наблюдалось случайное влияние русского языка на язык пролетариата, то это, конечно, только на рыбных промыслах Камчатки и на Сахалине, но такое влияние можно назвать лишь местным, налетным, на то лишь время, пока пришлое рабочее население северной Японии жило в этих местах на отхожих промыслах и пока имело там столкновение с русскими.

Но вот пришла Октябрьская революция, jūgatsu-kakumei[1] или просто okuchāburi, Октябрь — освободившая пролетариат Советского Союза, и открывшая широкие исторические перспективы перед пролетариатом всего мира. Пролетарии Японии начали прислушиваться и присматриваться к русским событиям и на них яснее ясного поняли разницу между yūsan-kaikyū или burujua (буржуазия) и musan-kaikyū или puroretariāto (или puroretaria) или короче между buru и puro. Подобно тому как передовые кадры промышленной буржуазии эпохи Мэйдзи всецело отдались самовооружению, усваивая социально-политическое мировоззрение буржуазного Запада, точно так же передовые кадры японского пролетариата после Октября принялись за идеологическое перевооружение и самовоспитание, переводя на японский язык и изучая творения основоположников марксизма (marukusu-shugi или marukishizumu) и ленинизма (rēnin-shugi или reninizumu), т. е. труды Marukusu, Engerusu и Rēnin'а. Другими словами, пролетарии, а за ними и передовая интеллигентская молодежь, принялись за изучение kagakuteki-shakaishugi «научного социализма»; занимающиеся им получили название marukisuto, или marukishisuto, marukushisuto, т. е. марксистов. Увлечение идеями Маркса, Энгельса и Ленина, охватившее большую часть учащихся в высших и специальных школах, неизбежно должно было вызвать появление, главным образом среди буржуазной молодежи, таких молодых людей, которые, познакомившись поверхностно с 2—3 брошюрами Маркса или Ленина, стали воображать себя настоящими марксистами. Такие марксиствующие барчуки получили кличку marukusu-boi (Marx-boy) или сокращенно mabo («марксята»), а подобные же представительницы прекрасного пола стали называться «энгельсовыми девочками» — engerusu-gāru (Engels-girl) или сокращенно ega (впрочем, иногда можно встретить и слово marukusu-garu — Marx-girl).

Благодаря переводу «Капитала» (Shihon-ron) и других работ по марксизму — ленинизму в японский язык вошла масса новых экономических и социальных терминов или в переводе на японский язык, или в оригинальной форме, приноровленной к фонетике языка, или, наконец, и в той и в другой параллельно.

Сюда должно отнести такие понятия, как shihonshugi или kyapitarizumu (капитализм), teikokushugi или imperiarizumu (империализм), kin-yū-

[1] Иначе и даже чаще, пожалуй, называется jūichigatsu-kakumei «ноябрьской революцией» так как октябрь старого русского стиля соответствовал ноябрю нового, еще со времени Мэйдзи принятого в Японии; равным образом Февральская революция обычно называется sangatsu-kakumei «мартовской революцией».

shihonshugi, «финансовый капитализм», shihonshugiteki-teikokushugi «капиталистический империализм», tsūka-bōchō или infurēshon «инфляция», tsūka-shūshuku или defurēshon «дефляция», jōyo-kachi «прибавочная стоимость», shihonshugiteki daisanki «третий период капитализма», teikoshugi-sensō «империалистическая война», dokusen «монополия», kyōkō буквально «паника», употребляющееся в значении мирового экономического кризиса, rōdōkumiai «профсоюз», shakaiminshushugi «социал-демократия» (как учение), shakaiminshutō «социал-демократическая партия», shakai-fuashisuto «социал-фашисты», kyōsan-shugi или kommyunizumu (коммунизм), kyōsantō «компартия», kyōsantō-sengen «Коммунистический Манифест» и идущий из него лозунг пролетариата bankokuno musansha danketsu seyo «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», musankaikyū-sensei или musankaikyū-dokusai «диктатура пролетариата», kaikyū-tōsō «борьба классов», minshushugi-kakumei «демократическая революция», puroretaria-kakumei «пролетарская революция», kakumeiteki-rōdōsha «революционные рабочие», kokusai-shakaishugi-dantai или intānashonaru «Интернационал» (имеется в виду II Интернационал), и понятия о daiichi-, daini- и daisan-intānashonaru, т. е. о первом, втором и третьем Интернационале и так называемом mosukō-intānashonaru «Московском Интернационале» (иначе sekishoku-rōdōkumiai-intānashonaru), известном более под русским наименованием purofuinterun (Профинтерн), kokusai-kyōsantō или kominterun (Коминтерн) и др.

Вся эта терминология наводнила ежедневную, еженедельную и ежемесячную прессу, благодаря чему быстро была усвоена японским пролетариатом и передовыми кадрами интеллигентской молодежи. И те и другие начали знакомиться с материалистической диалектикой «benshōhō» и изучать yuibutsubenshōhō «диамат» (иначе benshōhōteki- yuibutsuron).

В японской литературе появились термины: kaikyū-ishiki «классовое сознание», shinkyōkaikyū «восходящий класс», в то время как капиталисты (shihonka) и помещики (jinushi) стали открыто наделяться кличкой kiseikaikyū, т. е. «класса паразитов».

Революционная практика заставила создавать, усваивать и применять на деле, как методы революционной борьбы, такие понятия, как jiiundō или demonsutorēshon «демонстрация», которая короче называется просто demo (от этого последнего слова должно отличать dema, являющееся сокращением слова demagōgu «демагог»), puropaganda (пропаганда) или сокращенно — puro, сочетание последних сокращенных слов в purodemo «пролетарская демонстрация», ajipuro «агитпроп» (с англ. agitation + propa-

ganda), kampaniya (кампания) или сокр. kampa, purokaru(to) (с англ. proletarian culture) или musansha-kyōiku «пролетарское воспитание», sōdōmeihigyō или zeneraru-sutoraiki (с англ. general strike) «всеобщая забастовка» (данное понятие чаще всего употребляется в сокращенной форме zenesuto), sōgidan «стачечный комитет», idōhombu «передвижной ц.-к.», руководящий ревдвижением и вынужденный постоянно менять свое местопребывание, чтобы скрываться от японской полиции, surogan (с англ. slogan) «лозунг», darakan (сокращение из daraku-kambu) «разложившаяся верхушка», arukan (сокращение из arukōru-kambu, где arukōru — алкоголь) «пьяная верхушка» и пр. (в применении к «желтым» профбюрократам).

Понятия «левый» и «правый», «красный» и «белый» стали употребляться в японском языке с теми специфическими оттенками классовой борьбы, которые они давно уже имеют на Западе, но которые прежде были чужды японскому языку. Таким образом появились слова вроде sayoku-undō «левое (т. е. революционное) движение», sayoku-shōnibyō «детская болезнь левизны» — термин, заимствованный из произведения В. И. Ленина того же названия, переведенного на японский язык. Этот термин, быстро привившийся среди японского пролетариата и получивший весьма широкое распространение, часто сокращается в shōnibyō «детская болезнь», и выражение shōnibyōme стало употребляться как ругательное слово для обозначения крайних левых загибщиков. Сюда же должно отнести понятия ukei «правого уклона», sakei «левого уклона» и kyokusayoku или, короче, kyokusa «крайней левизны» в смысле «левого загиба».

К человеку и его идеям стали применять слова akai «красный» и shiroi «белый» (Советский Союз начал иногда называться akai-kuni «красной страной») и к массе понятий прилагать в качестве эпитетов слова sekishoku «красный цвет» и hakushoku «белый цвет» (например, hakushoku-tero «белый террор»). Наряду со словами sekieigun или sekigun, являющимися переводом русского «Красная армия», вошел в обиход и термин hakueigun или hakugun «белогвардейцы», употребляющийся в смысле контрреволюционеров вообще (между прочим, «русские белые» иногда так буквально и переводятся roshiyano shiro). Врожденный японский юмор и любовь к конкретным сравнениям применил слово akadaikon буквально «красная редька» (один из видов редьки с красным внешним покровом, редиска) к лицам, внешне окрашенным в красный цвет, по существу же остающимся белыми. Появился также новый термин sekka буквально «окраснение» в значении «большевизация» и от него глагол sekkasuru «большевизировать».

Сокращенные слова buru и puro, которые мы видели выше, тоже породили новые глаголы burugaru «корчить из себя буржуя» и puroburu «подделываться под пролетария».

Зорко следя за всеми событиями в СССР, японская пресса быстро перевела на японский язык новые советские термины, многие из которых поступали и продолжают поступать в оригинальной, японизированной в духе языка форме, и последняя зачастую даже доминирует над японским переводом и в таком виде усваивается японским пролетариатом.

Таким образом в современный японский язык вошли слова нашего государственного механизма, в роде shikkōiinkai «исполком», chūōshikkōiinkai или tsuīku «Центральный Исполнительный Комитет» (ЦИК), jimmin-iinkai или narukomu «нарком(ат)», jimmin-iin или komissāru «коммисар», rōnōseifu «рабоче-крестьянское правительство» (также rōheikai «Совет рабочих и солдат»), которое стало называться также savēto, soueto, sovietto т. е. «советами». Последнее слово (в различных фонетических передачах) сделалось почти постоянным эпитетом ко всему «советскому», официальным переводом слова СССР стало skakaishugi-sovietto-kyōwakoku-rempō. Понятие kagekiha, которое можно перевести словом «максималисты» и которое в Японии первое время после Октября употреблялось (и отчасти еще продолжает употребляться) для обозначения большевиков, в последние годы почти окончательно вытеснено словами borushievikku (большевик) и borushievikī (также borushibīki), сокращаемыми иногда в boru; последние противопоставляются menshieviku, menshieviki «меньшевикам», равно как borushievizumu (большевизм) противопоставляется menshievizumu (меньшевизм) и torotsukīzumu или torokkīzumu (троцкизм). Любопытно здесь отметить, что приложение окончания — изм к собственным именам тоже нашло отклик в современном японском языке, где так были образованы слова fukumotoizumu (фукумотоизм) и yamakawaizumu (ямакаваизм) для обозначения левого и правого уклонов в японской компартии (от собственных имен Фукумото и Ямакава).[1]

Слово interigencha или interigentsuia, заимствованное, как мы видели выше, еще в период Мэйдзи, утратило после Октября свой ореол, обязанный русской буржуазной литературе и в сокращенной форме interi стало употребляться скорее в значении интеллигентщины, чем старого интеллигенция. Такой оттенок данное слово носит, например, в таких соче-

[1] От русских собственных имен подобное образование помимо уже упомянутого «толстоизма» находим в слове korontaizumu (коллонтаизм) или korontaishugi, под которым понимаются взгляды т. Коллонтай на брак.

таниях, как interigurūpu «интеллигентская группа», interide «выходец из интеллигентов», и rumpen-interi; последнее слово создано по ассоциации с rumpenpuroretaria (с нем. Lumpen-Proletariat).

Из русских слов, вошедших в японский язык за последние годы, должно еще назвать: purofu-sayūzu «профсоюз», tsuentorosoyūzu «Центросоюз», purompuran «промплан», puromubyurō «промбюро», gosupuran (переводится — sovetto-kokka-keizai-keikaku-iinkai) «госплан», gosubanku «госбанк», gosukino «госкино», orugubyūro «оргбюро», piyachiretoka или gokanenkeikaku «пятилетка», piyachizunefuka (или isshū-itsuka-sei) «пятидневка» (сравни также renzoku-shūkan-sei «непрерывка»), komusomōru или kyōsanseinendōmei (сокращенно kyōsei) «комсомол», komusomōruka «комсомолка», pionēru или pionīru (переводится sekishoku-shōnendan или kyōsan-shōnen-dōmei) «пионер» (отличать от paionia с английского pioneer — в обычном общеевропейском значении), koruhōzu или koruhosu (перев. kyōdōnōjō, kokueinōjo, kyōdōkeiei) «колхоз», sofuhōzu (перев. kokkakeiei) «совхоз», torakutā (перев. ken-inki или ken-insha) «трактор», yachieka (также yachieika) или saihō «ячейка»,[1] narōdo «народ» и narodoniki «народники», isukura «Искра», puraudа «Правда» и др.

Кроме уже упомянутых советских сокращенных терминов в современном японском языке мы находим еще neppu или shinkeizaiseisaku «нэп», neppuman «нэпман», esueru «с.-р.», chieka «ч.-к.», gēpēū «ГПУ», uokusu «ВОКС», erukāpē «РКП», kūtobe «КУТВ», (перев. tōyō-rōdōshakyōsan-daigaku), moppuru или (kokusai-) sekishoku-kyūenkai «МОПР», wappu «ВОАПП», mappu «МАПП», rappu «РАПП» и др. По ассоциации с последними объединениями советских писателей, группа японских пролетписателей (purosakka) тоже объединилась в nappu и стала издавать журнал данного наименования. Название это в латинице пишется NAPF и восходит к эсперанто Nippona Artisto Proleta Federacio. Данная ассоциация просуществовала до ноября 1931 г., когда все японские пролетписатели объединились в koppu ← KOPF (Federation of Proletarian Cultural Organisations in Japan).[2]

В короткой статье абсолютно невозможно перечислить все новообразования и заимствования в японском языке, обязанные Октябрьской революции, тем более, что постоянные переводы марксистско-ленинской литературы, с одной стороны, и художественной пролетлитературы —

[1] Любопытно, что для перевода русского слова «ячейка» японцы воспользовались тоже биологическим термином saihō (или saibō).

[2] В 1933 (?) году данное объединение подверглось репрессиям со стороны правительства и было ликвидиривано.

с другой, а также оригинальная продукция массы новых японских пролетписателей с каждым днем обогащают язык новыми словообразованиями и заимствованиями. Конечно, неизбежно, что некоторая часть всей массы новых слов и словообразований, выступивших на арену японского языкового мышления, не привьется и сойдет со сцены, но, в общем, можно сказать, что почти ни одно из этих слов не носит того специфического оттенка, который так характерен для русских заимствований эпохи Мэйдзи и который может быть назван экзотикой.

Ведь в период Мэйдзи, как мною уже было сказано выше, производство и потребление новых слов обязано было исключительно промышленной буржуазии, для которой при капиталистическом строительстве были наиболее актуальны наука и техника, а вместе с ними и вся терминология передовых государств Запада; а так как Россия в то время не могла похвастать, что стоит в этом отношении на одном уровне с западными странами, то увлечение ее идеями со стороны некоторой части японской буржуазии (особенно в эпоху Тайсё) может рассматриваться именно как экзотика, как некоторое отвлечение от западного шаблона.

После Октября положение изменилось. В новых заимствованиях, вошедших или в оригинальной русской форме непосредственно из русского языка, или через посредство английских и немецких книг, или в виде слов — переводов на японский язык — уже нет никакой экзотики, отдаленной от жизни, наоборот, усвоенные термины оказываются близкими пролетариату и тотчас же применяются к жизни. Например, слово kabeshimbun, являющееся буквальным переводом русского «стенгазета», не осталось забытым на страницах журналов и пролетлитературы (purobungaku), а вызвало появление реальных kabeshimbun в некоторых пролетарских ассоциациях и на заводах, как одного из средств воспитания пролетариата в духе революционной борьбы. По ассоциации с этим словом родилось слово kabeshōsetsu «стенроман», которое тоже воплотилось в действительности. Слово «синяя блуза» было переведено буквально aofuku и стало употребляться в значении «рабочий», и по образцу Советского Союза в некоторых городах (например, в Киото, Мацумото и др.) появились театры aofukuza, работающие с агитационными целями среди рабочих и крестьян. Японский пролетариат заговорил о puroretaria kagaku (сокр. purokagaku) «пролетарской науке», puro-geijutsu «пролетарском искусстве» и пр.; деятели пролетарского кино объединились в союз, названный purokino; появилась пролетгазета Musansha Shimbun (сокр. mushin). Пролетарии Японии не только заговорили о новых профсоюзах, но и сами стали объединяться в такие союзы. Таким образом

появились Zen-Nihon-musan-seinen-dōmei «Всеяпонский союз пролетарской молодежи», zenkoku-rōdō-kumiai-dōmei «Общегосударственный союз рабочих профсоюзов», Nihon-nōmin-kumiai «Японский крестьянский союз» и пр. Пролетарии больших промышленных центров стали ежегодно выступать с демонстрациями в день 1 мая, называемый по-японски mēdē (с английского May-day) или иначе rōdōsai (рабочий праздник) или rōdōdē (день рабочих) и праздновать подобным же образом kokusai-fujindē «международный женский день», kokusaiseinendē «Мюд» и прочие пролетарские праздники.

Русское слово tavārishichi («товарищ») и его перевод dōshi стали фигурировать во всех печатных обращениях и воззваниях к пролетариям, вытесняя исконное kun (или shokun при обращении к массе). Слова tawārishichi и dōshi стали проникать и в устную речь японского пролетариата и употребляться иногда даже в порядке русского синтаксиса, т. е. перед фамилией, а не после нее, как того требует японский язык.

Вся вышеприведенная новая терминология, вызванная из небытия к бытию исключительно благодаря Октябрьской революции, живет на страницах японской пролетлитературы, переходит на уста японского пролетариата и претворяется в живую действительность. Представители «реформизма» (kairyōshugi) и так называемые shimpasaizā (с англ. sympathizer) или сокращенно shimpa «сочувствующие», т. е. левый фронт японской буржуазии, на страницах реформистских журналов тоже уже говорят новым языком, чтобы быть понятными подымающемуся пролетариату.[1]

Советская Россия во всех этих журналах и пролетлитературе обычно называется soueto-roshiya или sovetto-rempō (сокращенно sorempō), т. е. «Советский Союз»; о феодальном названии orosha нигде нет и помину, а о musukobiya никто даже и не знает.

---

[1] Отмечу здесь еще слово hiyorimishugi «оппортунизм», образованное из слова hiyori-mi «высматривание хорошей погоды», и слова shugi «принцип», употребляющегося для перевода европейского окончания -изм.

А. Д. НОВИЧЕВ

Аграрный вопрос в Турции накануне кемалистской революции

«Большей же частью хозяйство ведется крепостническое, то есть помещики кабалят крестьян, как было и сто и триста и пятьсот лет тому назад, заставляя их крестьянской лошадью, крестьянскими орудиями обрабатывать помещичью землю. Это не капитализм. Это не европейский способ хозяйства... Нет, это совсем не по-европейски. Это по старо-китайски. Это по турецки. Это по крепостнически».

Ленин о русском помещичьем хозяйстве. Собр. соч., 2 изд., т. XVI, стр. 459. (Подчеркнуто Лениным).

ФЕОДАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ В ТУРЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ

Производственные отношения, господствовавшие в турецком сельском хозяйстве накануне войны, характеризовались слабым развитием капиталистических отношений и преобладанием феодальных пережитков, являвшихся основным препятствием развитию его производительных сил. Наиболее выпукло эти феодальные пережитки выступают в землевладении и аграрных отношениях вообще.

Приведем данные о том, как распределялась земля в Турции до войны между отдельными социальными группами турецкой деревни.

По данным переписи, произведенной накануне войны, охватившей 1 миллион дворов, занимавшихся сельским хозяйством, обрабатываемая земля фактически распределялась следующим образом (см. табл. 1, стр. 56).[1]

[1] И. Бутаев «Проблемы Турции», изд. «Прибой», Л., стр. 45. Последняя колонка вычислена нами.

Таблица 1

Категории владельцев	Колич. дворов	% к общему колич. дворов	Площадь обрабатыв. земли в тыс. денюмов	% ко всей обрабатыв. площади	Колич. денюмов земли в среднем на 1 двор
Крупные земельные собственники	10 000	1	30 000	39.3	3000
Мелкие помещики . . .	40 000	4	20 000	26.2	500
Труд. крестьянство . .	870 000	87	27 300	34.5	31.4
Безземельные	80 000	8	—	—	—

Как видим, крупным земельным собственникам, которые составляют всего 1% всех дворов, принадлежит свыше $^1/_3$ всей обрабатываемой площади, в среднем на 1 хозяйство этой категории приходится 3000 денюмов, т. е. свыше 300 десятин земли. Мелкие помещики, также составляющие ничтожный процент дворов — 4%, владеют 26.2% всей обрабатываемой площади. Мы эту группу называем группой мелких помещиков в отличие от И. Бутаева, который ее именует кулацкой. Такая огульная характеристика этой группы как кулацкой, по нашему мнению, неверна. Такого большого слоя кулачества в Турции нет и сейчас, а в те времена не было и подавно. Известная часть кулачества есть в этой группе. Но по методам эксплоатации крестьянства большинство представителей этой группы ничем не отличалось от крупных полуфеодалов.

Точно так же последняя группа названа Бутаевым неточно — батраки. Это точнее — безземельные. Не все безземельные — батраки, т. е. сельскохозяйственные рабочие. Огромная часть этой группы арендует землю в порядке издольщины, владея иногда орудиями производства и даже скотом.

Несомненно, что таких безземельных издольщиков надо отличать от батраков, работающих за зарплату в порядке найма у кулака или у помещика.

Во всяком случае ясно, что огромное большинство земли было сосредоточено у небольшой кучки ее владельцев, в то время как почти вся крестьянская масса — 95% — владела лишь 35% земли, т. е., в среднем, считая вместе с безземельными, по 27.3 денюма на двор. Считая двор в 5 душ, мы получаем, что на 1 душу приходилось примерно $5^1/_2$ денюмов, т. е. полдесятины земли.

По данным ряда авторов в Турции до войны были крупнейшие поместья. Так, например, хорошо осведомленный Bruck пишет:

«До войны существовало небольшое количество крупных землевладельцев, которые владели земельной площадью размером от 1000 до 15 000 га, из которой они, однако, обрабатывали лишь часть. Затем было среднее сословие земельных собственников, владевших 200, 500, 600 га, и очень большое количество мелких владельцев, которые владеют лишь 10 га. Во всяком случае 1/3 находилась в руках более крупных владельцев».[1]

Немец Richard Hermann, живший в Турции ряд лет, отмечает большую распространенность в Турции крупных частных поместий. Ему лично были известны поместья, насчитывавшие свыше 20 000 га.[2]

Кто они, эти крупные землевладельцы? При отсутствии статистических данных трудно ответить на этот вопрос со всей определенностью. Но во всяком случае крупные земельные собственники в большинстве своем являются потомками старых феодалов-деребеев.[3] Кроме последних среди крупных землевладельцев было много представителей городской буржуазии. До войны отмечалось следующее явление. «Так как по закону всякая годная для обработки земля, которая три года подряд остается необработанной, переходит в собственность государства, а такие случаи еще несколько десятилетий тому назад, вследствие редкого народонаселения и малой доходности земледелия, происходили довольно часто, то государству доставались обширные земельные пространства, которые обращались в продажу с аукциона и обыкновенно по очень низким ценам (1—5 франков за денюм, т. е. по 11—55 франков за гектар) приобретались городскими капиталистами».[4]

Путь, указанный автором, был одним из путей приобретения земли городской буржуазией. Значительная часть приобреталась ею в порядке обращения имущества крестьян в свою пользу за долги, а также в порядке обыкновенной покупки.

Покупка городской буржуазией земель имела место в довольно значительных размерах, ввиду того, что большая часть турецкой буржуазии, лишенная возможности вследствие захвата торговли иностранными капиталистами и инонациональной буржуазией вести большие торговые операции, вкладывала свои капиталы в землю и ростовщичество. Тем самым значительная часть турецкой торговой буржуазии превращалась в полуфеодалов, не желавших, понятно, бороться против феодальных пережитков, без

[1] Bruck. Die türkische Baumwollwirtschaft, Jena, 1919, 67.

[2] Richard Hermann. Anatolische Landwirtschaft auf Grund sechsjähriger Erfahrung, Leipzig, 1900, стр. 39.

[3] См. V. Totomianz und E. Toptschjan. Die social-ökonomische Türkei, Berlin, 1901, стр. 44.

[4] А. Руппин. Современная Сирия и Палестина, пер. с нем., 1919 г., стр. 63.

ликвидации коих ей же, торговой буржуазии, было нельзя двигаться вперед.

Крупнейшим землевладельцем было мусульманское духовенство, которое владело в виде вакуфов огромными поместьями, садами, оливковыми рощами и т. д. Bruck утверждает, что эти вакуфы охватывали три четверти всей обрабатываемой площади. То же утверждает и другой немецкий исследователь турецкого сельского хозяйства Enders. Это утверждение расходится с данными приведенной выше таблицы о распределении земли. Нам, однако, кажется, что это — кажущееся противоречие. Дело в том, что землевладельцы часто передавали свою землю мечетям для того, чтобы спасти ее от конфискации и от уплаты государственных налогов и тем самым, поскольку эти налоги сдавались откупщикам, и от грабежа последних. Эта передача производилась владельцем либо путем приношения в дар, либо путем продажи вакуфам за незначительную сумму дома или земли, причем владелец оставался пожизненно арендатором за маленькую ренту (иджарие) и сохранял за собой право передать пользование землей своим наследникам или продать это право[1] еще при жизни какому-нибудь постороннему лицу, на которое переходили все права прежнего владельца; в случае отсутствия наследников или если недвижимость не была никому передана, она переходила в собственность вакуфов.

Так скоплялись в руках духовенства огромные земельные пространства, а само духовенство, тесно сращенное с государственной властью, становилось крупнейшим феодальным эксплоататором крестьянства. Таким образом, при данных о рассмотрении распределения земли, которое указано в таблице, надо иметь в виду, что она в значительной части принадлежала вакуфам.

Кроме такого крупного землевладельца, как духовенство, крупным землевладельцем был также сам султан и султанская семья, наконец, существовали еще крупные государственные поместья.

Что же, наряду с наличием столь широко распространенного в Турции крупного землевладения, землепользование тоже было крупное? Отнюдь нет. «Крупный землевладелец никак не проявляет себя как инициатор и пионер сельскохозяйственного прогресса; он избегает земли, он выполняет в столице какую-нибудь государственную службу или живет как уже установившийся чиновник в провинциальных центрах. Свои поместья он отдает кому-нибудь в управление или сдает в аренду. Он категорически

[1] Формально, собственно, не продать, а передать, но фактически — продать.

брезгует заниматься какой-нибудь хозяйственной деятельностью», — пишет Sack.[1]

Чрезвычайно интересны указания Rougon'а, бывшего генеральным консулом Франции в Смирне, о методах землепользования в более передовой западной Анатолии. По его словам, в крупных имениях — чифтликах, площадью от 200 до 8000 га, применяется почти исключительно издольщина. Чифтлики от 50 до 200 га эксплоатируются обычно самими собственниками при участии издольщиков. Более же мелкие участки — от 1 до 50 га, как правило, и в Айдынском и Смирнском вилайетах обрабатываются непосредственно их собственниками с применением в момент урожая наемной рабочей силы.

Экстенсивная система культур применяется в крупных и средних поместьях, ограничивающих обрабатываемую территорию, система же интенсивная и экстенсивная применяется мелкими фермами.[2]

Из этого указания долго жившего в Смирнском районе автора можно сделать вывод, что носителем капиталистических отношений в Смирнском районе был больше кулак, нежели помещик.

Крупное землевладение и мелкое землепользование — вот на что указывают десятки авторов как на явление, характерное для турецкой деревни. Никакого различия в этом смысле между отдельными видами крупной земельной собственности не было.

Кто был этим мелким землепользователем? Турецкий крестьянин. «В большинстве случаев, — пишет Schulmann, — латифундии разделены на парцеллярные хозяйства и сдаются на основе натуральной аренды.

Натуральные арендаторы оставлены в деревнях, из которых они первоначально происходили, когда деревня и земля были их собственностью. Эти деревни, однако, очень мало отличаются как внешне, так и внутренне от свободных деревень. Их жители социально стоят наряду с крестьянами, потому что ведь они все самостоятельно хозяйствующие мелкие крестьяне и отличаются от них по бедности и нужде очень мало.

...Не меньше трудности представляет различать крупное землевладение от коронных владений (чифтликов) и эти оба в свою очередь от владений мертвой руки (вакуф). Способ производства на всех этих поместьях подобен мелкому производству крестьянина».[3]

[1] Sack. Ackerbau und Viehzucht. В сборнике «Frech, Honig und Sack. Grundlagen türkischer Wirtschaftsverjüngung», Berlin, 1916, стр. 176.

[2] F. Rougon, Smyrne, 1902, p. 73.

[3] Schulmann. Zur türkischer Agrarfrage, Weimar, 1916, стр. 43—44.

Итак, земли крупных землевладельцев обрабатываются крестьянином, его же допотопными орудиями производства. В каком порядке? В порядке издольщины. Издольщина — феодальный пережиток, пережиток барщины — вот основная форма эксплоатации турецкого крестьянства. Так было в начале XIX в., так было и в начале XX в. Сущность этой издольщины состояла в том, что обработка земли поручалась крестьянским семьям за определенную долю урожая, другая часть урожая отдавалась землевладельцу. Размер долей зависел от средств обработки, вносимых землевладельцем и издольщиком. Издольщик поставлял, как правило, свою трудовую силу и тот сельскохозяйственный инвентарь, который он сам может изготовить, а землевладелец кроме земли давал скот и часть остального инвентаря, которая должна быть закуплена на стороне. Урожай в таких случаях, с изъятием зерна для посева, делился поровну между землевладельцем и издольщиком.

Все эти факторы чрезвычайно разнообразились в зависимости от времени и района, а потому и отношения между землевладельцем и издольщиком также были весьма разнообразны.

Чем далее отстояло поместье от города, где живет землевладелец или арендатор,[1] тем большую долю урожая обычно получал издольщик: с увеличением расстояния усложнялся и затруднялся контроль помещика за издольщиком. Конечно, никаких писаных контрактов между издольщиком и землевладельцем не существует, и крестьянин находится полностью в руках у владельца земли. Арсланиан указывает, что отсутствие таких контрактов «имеет свои неприятности как для землевладельца, так и для издольщика, а также приносит хозяйственный ущерб». Для первого неприятности могут заключаться в том, что издольщик может удалиться после уборки урожая, не предупредив землевладельца, в каковом случае, если землевладелец не был предупрежден и не принял никаких соответствующих мер, его поле в будущем году может остаться необработанным. «Но может также случиться, что землевладелец сам отстранит после жатвы издольщика, а если последний не сможет сейчас же подыскать себе занятие, то часто ему ничего не остается другого, как только просить милостыню, так как значительную часть урожая он обыкновенно или отдает за сделанные в течение года долги, или он затрачивает на покупки в городе. Правда, обычно, когда землевладелец отстраняет издольщика, он должен указать причины, но их всегда легко найти, так что как только издольщик хоть отдаленно заподозрит, что хозяин отстранит его сейчас же после жатвы, то он становится из нужды или злобы ненадежным, особенно при жатве, даже если подозрение ничем не обосновано.

[1] Издольщик будет уже таким образом субарендатором.

Издольщика надо не только при собирании урожая строго контролировать, но надо также принимать меры для обеспечения бережного отношения и рационального применения вверенного ему скота и инвентаря».

Навряд ли нужно подчеркивать, что случаев второго рода и бывает гораздо больше, чем первого рода. Крестьянину некуда податься — от одного землевладельца к другому и только, — вот его выбор.

Для того чтобы иметь издольщиков, землевладельцу нужно, чтобы крестьянин вынужден был итти в издольщики. Но обеспеченный крестьянин не пойдет. «Поэтому большинство помещиков видит в богатстве издольщиков значительное зло, которое они стараются устранить тем, что они ставят непременным условием вновь прибывающим издольщикам продажу своих земель и скота тому, кто предлагает за это больше, или ему самому (помещику). В случае, если помещик сам покупает скот, то его использование он снова предоставляет издольщику; кроме того, он ссужает издольщика деньгами и продуктами, чтобы привязать последнего к поместью».[1]

Приведенные слова автора, хорошо знающего Турцию,[2] показывают, какую огромную задерживающую силу для развития производительных сил в земледелии представляет издольщина. В этом отношении кроме приведенных факторов нужно еще указать на то, что никто из издольщиков не получал надолго свой участок, и издольщики часто меняли участки. Вследствие этого издольщик не был заинтересован в хорошей обработке полей, так как он знал, что поле ему придется сменить. Одновременно с этим издольщик против введения усовершенствованных с.-х. машин, так как это усиливало его зависимость от помещика и уменьшало его долю. «Он неохотно соглашается употреблять машины, которые он не сможет ни сам

[1] Арсланиан. Система землевладения в Оттоманской империи. Русск. литогр. изд. ЛВИ, перевод, стр. 43.

Владимир Ильич Ленин, характеризуя русскую издольщину, писал: «Отработки — это прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки — это переход от барщины к капитализму. Сущность отработков в том, что помещичьи земли обрабатывают крестьяне своим инвентарем за плату, частью денежную, частью натурой (за земли, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.). Известная под именем испольщины форма хозяйства есть одна из разновидностей отработков. Для отработочного помещичьего хозяйства необходим наделенный землей крестьянин, имеющий хоть самый плохенький живой и мертвый инвентарь, необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала вместо свободы есть необходимый спутник отработков. Помещик выступает здесь не как предприниматель-капиталист, владеющий деньгами и всей совокупностью орудий труда. Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешево» (подчеркнуто Лениным). Ленин. Аграрный вопрос в России к концу XIX в., т. XIX, 2 изд., стр. 14—15. См. также по этому вопросу: Развитие капитализма в России, т. III, стр. 135.

[2] Автор родился и жил в Турции; отец его был крупным откупщиком ашара.

соорудить, ни купить, которые, таким образом, должны быть куплены помещиком на свои средства, так как в таком случае он должен уступить своему хозяину большую часть урожая. Как-раз в этом видит он зло не потому, что он менее зарабатывает, а потому, что благодаря этому его положение по отношению к помещику еще более ухудшается.

Приблизительно то же может быть сказано относительно мелиорации земли».[1]

Чем больше, однако, в земледелии вводится усовершенствований, чем больше оно специализируется по линии производства технических культур, чем больше землевладелец вкладывает средств в хозяйство, тем меньше становится доля издольщика, тем меньше становится его заитересованность в хозяйстве как участника в доле и тем больше он превращается в простого рабочего, в батрака, нанимаемого на определенный срок для определенных работ, хотя всю плату за работу он продолжает очень часто получать натурой.

Поэтому Арсланиан делает правильный вывод, что «издольщик не совместим с прогрессом и именно по двойной причине: он является препятствием для прогресса, и каждая ступень прогресса несет в себе зерно, разрушающее издольщика».[2]

Наряду с преобладанием в Турции издольщины как основной формы эксплоатации крестьян, в Восточной Анатолии действовали еще почти полностью феодальные отношения.

Чиновник Переселенческого управления Министерства земледелия и одновременно доцент С.-Петербургского университета Н. А. Ленский, изучавший во время войны по заданию русских властей земельные отношения в Турецкой Армении после занятия значительной части этой территории русскими войсками, пишет: «Для уяснения современного правового положения землевладения в армянских вилайетах Азиатской Турции нужно еще заметить, что во многих частях, преимущественно, Битлисского и Ванского вилайетов до сих пор существуют своего рода феодальные отношения обыкновенно между армянским крестьянином и курдским бэком, реже между курдским бэком и курдским же земледельцем... Во всех горных областях Ванского и Битлисского вилайетов еще сохранилось состояние, сходное с крепостничеством. Там крестьян покупают и продают как товар. В долинах Армении это приняло более мягкую форму и легло всею тяжестью на

[1] Арсланиан. Там же, стр. 47.
[2] Там же, стр. 47.

землю. Борьба крестьян с беями и землевладельцами есть, таким образом, борьба за личное и экономическое освобождение».[1]

Феодальный гнет от крестьянских беев и ага особенно сильно терпели армяне-крестьяне, которых эти беи грабили и угнетали, будучи поощряемы к тому султанским правительством, стремившимся перевести недовольство масс с классовой борьбы на рельсы национальной розни. Они могли тем более произвольно грабить население, что часто в их руках сосредоточивалась местная государственная власть.

Курдские феодалы взимали с крестьян особую дань, последние выполняли для них барщину и ряд повинностей. В качестве иллюстрации можно привести следующие данные о налогах, уплаченных одной деревней (Минсурия в каймакамлыке Батан) в 1893 г. правительству и курдскому феодалу.

Правительству	
Налоги, взысканные сверх полученных по закону .	7000 пиастров
Стоимость взятых жандармами продуктов	2000 »
Итого	9000 пиастров
Феодалу Мустафе-паше	
Надбавка к ашару	1500 пиастров
Стоимость вреда, причиненного на полях (путем выгона овец феодала на крестьянские поля) . .	2000 »
Итого	3500 пиастров

Вся сумма налогов, взысканная с этой же деревни в том же году, по закону равнялась 1400 пиастров, взысканная сверх закона властями и феодалом — 12 500 пиастров.

По записям одного деревенского священника, деревня Хосан (в том же каймакамлыке), насчитывавшая 60 дворов, выполнила в 1893 г. для феодала Магомета-аги следующие повинности:

30 человек в течение 2 дней перевозили муку Магомета-аги	150 пиастров
Он получил наличными	1120 »
Он же получил 15 кусков сукна	150 »
500 человек убирали его урожай	1500 »
50 чел. в течение 3 дней чинили его дорогу	487 »
Работа 450 человек и 14 животных по сбережению его пшеницы на зиму	1160 »
Постройка для него дома 150 человек	375 »
Снабжение его 2000 палаток	554 »
Дано ему 4 больших дерева для стропил по 50 пиастров	200 »

[1] Н. А. Ленский. О правовом положении землевладения в Турецкой Армении, Пгр., 1916, стр. 17.

Кроме того жители деревни должны были весь его хлопок превратить в пряжу и соткать из нее материал, причем они должны были возместить потери в весе.[1]

НАЛОГОВАЯ ЭКСПЛОАТАЦИЯ КРЕСТЬЯН

Наряду с индивидуальной эксплоатацией феодалом и полуфеодалом (крупным, средним и мелким) турецкого крестьянства имела место чрезвычайно тяжелая эксплоатация его этими же элементами, но уже в форме государственной власти при помощи налогов, также носивших на себе жирную печать феодализма.

Наиболее тяжелым из налогов был так называемый ашар, т. е. десятина с продуктов земледелия, прежде всего с зерна, который взимался натурой, за исключением некоторых садоводческих культур, с которых он взимался в деньгах.

Ашару наряду с ростовщичеством исследователи Турции посвятили самые мрачные страницы, как явлениям, которые действовали наиболее разрушительным образом на турецкое земледелие. Ашар и ростовщичество заслоняют у этих исследователей основную причину, благодаря которой действовали эти чрезвычайно разорительные для турецкого крестьянства факторы — сохранение феодальных методов эксплоатации турецкого крестьянства в самом производстве. Вместе с тем, губительное влияние турецкой налоговой системы и в особенности ашара на все турецкое земледелие было чрезвычайно глубоким. Дело в том, что помимо того, что сам ашар составлял не одну десятую, а одну восьмую урожая, он взимался еще через откупщиков, которым взимание его с определенных местностей продавалось с торгов за внесение всей суммы налога вперед. Эти откупщики (мультезимы) и свора их агентов (ушурджи) при помощи государственного аппарата грабили с крестьян не $^1/_8$, а гораздо больше, фактически 40% урожая (они же были и главными торговцами хлебом).[2] Откупщик брал на откуп ашар с крупного района, а затем делил район на части и продавал свое право взимания ашара откупщикам помельче, но уже с соответствующей надбавкой. Последний в свою очередь делал то же самое, так что часто право взимания налога проходило через три, четыре, а то и пять рук, пока оно доходило до непосредственного сборщика ашара. Вся тяжесть возросшего в результате этой спекуляции налога падала на крестьян, с которых непосредственный сборщик взимал не только уплаченную им сумму, но делал к ней значительную

[1] V. Totomianz und E. Toptschjan, цит. соч., стр. 59.

[2] См. Bruck, цит. соч., стр. 38.

надбавку. Однако, этим тяжесть ашара далеко не исчерпывалась. Власти, стремясь как можно выгодней сдать на откуп сбор ашара, выжидали наиболее выгодных предложений от откупщиков, между тем крестьяне не имели права снять урожай до появления последних. Часто случалось, что урожай погибал от непогоды только потому, что не явился еще ушурджи (сборщик ашара) для оценки урожая. Большей частью размер ашара устанавливался произвольно чиновниками и арендаторами, от которых зависело также, взять ли ашар в натуре или в деньгах. В последнем случае они устанавливали цену на злаки. При высоких ценах на зерно они требовали натурой и, наоборот, когда цены на зерно стояли низкие и сбыт его был затруднен, они требовали деньгами. Понятно, что именно в такое время денег у крестьян не было и они были вынуждены обращаться к ростовщику, часто к тому же самому откупщику. Насколько колебалась откупная сумма за ашар в зависимости от цен на зерно и размера урожая, показывает следующий факт:

В маленькой деревушке Тузу возле Афиун Кара-Хиссара в 1896 г.— в год хорошего урожая — ашар был откуплен за 17 000 пиастров; в 1897 г., там же, за 82000 пиастров. Основными причинами такого роста откупной суммы являлись большой урожай и благоприятная рыночная коньюнктура, а также и рост посевной площади вследствие проведения железных дорог.[1]

Грабеж откупщиков был, как мы уже отмечали выше, одной из главнейших причин, благодаря которым турецкое духовенство мобилизовывало в своих руках все большую часть крестьянской земли. Однако, не только духовенство, но и частные собственники в лице турецкой знати пользовались этим для концентрации земли в своих руках. Откупная система была одной из причин роста издольщины. Вот что пишет по этому поводу Schulmann.

«Дальнейшая причина продажи земель влиятельным городским жителям... заключается в том, что крестьяне не хотят иметь дела с налоговым откупщиком и поэтому стремятся продать землю какому-нибудь эфенди в городе, которому они затем отвозят определенную часть урожая, обычно от одной четверти до $^1/_5$, за что крестьянин также освобожден от уплаты налогов».[2]

Говоря о тяжести ашара, нельзя пройти мимо заслуживающего внимания замечания Артура Руппина о том, что ашар, при взимании которого не считались с различиями в производственных издержках, больше всего обременял крестьян, у которых земля худшая и издержки относительно выше. «Сельский хозяин, — пишет Руппин, — который со 100 денюмов

[1] Richard Hermann, цит. соч., стр. 43.
[2] Schulmann, цит. соч., стр. 53.

хорошей и легко обрабатываемой земли, с затратою 500 франков, собирает брутто 10 000 кг пшеницы, стоимостью в 2000 франков, т. е. получает чистого дохода 1500 франков, точно так же должен отдать 1263 кг пшеницы (автор имеет в виду только официальную норму. *А. Н.*) на сумму 282 франка в виде ашара, как и другой сельский хозяин, который с 200 денюмов плохой и трудно обрабатываемой почвы, с затратою 1200 франков (или даже больше), собирает брутто тоже всего лишь 10 000 кг пшеницы стоимостью в 2000 франков, т. е. получает всего 800 франков чистого дохода. В первом случае ашар составляет 16.8% чистого дохода, а во втором 31.8%. Таким образом, крестьянина, земля которого дает скудный урожай, ашар обременяет гораздо тяжелее, чем владельца хорошей земли, тогда как справедливость требует как-раз обратного. Ашар является далее также препятствием по пути всякой мелиорации, связанной с затратами, так как владелец наперед знает, что ему достанется не весь достигнутый благодаря мелиорации избыток, который быть может окупил бы проценты на мелиорационный капитал, а лишь $^7/_8$ этого избытка, что делает выгоду уже сомнительной».[1]

Ашар был не единственным налогом, взимавшимся с крестьян. Кроме него крестьяне облагались еще целым рядом других налогов — на скот, поземельный налог, налог на строения, всякого рода повинности (дорожная и др.). Так как основной налог — ашар — взимался откупщиками, местные власти стремились компенсировать себя при взимании всех прочих налогов. Так, например, крестьяне должны были освобождаться от промыслового налога (теметтю), но на деле он часто взимался с многих крестьян, на том основании, что они занимались каким-нибудь ремеслом на дому или уходили на заработки. Точно так же крестьяне могли либо уплатить дорожный налог (16 пиастров), либо отработать взамен этого 4 дня. Но часто бывало, что глава местной власти взимал налог в деньгах, которые он присваивал себе, и гнал крестьян на работы. Никаких сроков уплаты налогов не было, и налоговая кампания начиналась тогда, когда из центра — Константинополя — получалось требование денег. Тогда начинался сбор налогов, размер коих зависел от произвола местных властей и который был всегда выше норм, установленных законом. Разница шла местным властям, начиная от мухтара (старосты) и кончая вали (губернатором). Крестьянство было основным носителем тяжести налогового бремени. На сельское хозяйство падали $^6/_7$, а на городское $^1/_7$ всей суммы налогов (прямых и косвенных). Разоренный

[1] А. Руппин. Сирия и Палестина, стр. 335.

феодальной эксплоатацией, налогами, откупщиком, лишенный средств, необходимых для того, чтобы продолжать свое производство, турецкий крестьянин неминуемо попадал в руки ростовщика.»

РОСТОВЩИЧЕСТВО

«При продолжительной невозможности удовлетворить сборщика податей или купить семена на следующий посев, — пишет Карлайль, — крестьянин земледелец бросается в роковые сети ростовщика: а раз он в них попал, его разорение может заранее считаться неизбежным. При отсутствии всякого легального запрещения этот пагубный промысел производится одинаково мусульманами, христианами и евреями и более всего служит причиной хронической бедности земледельца. Правда, Коран осуждает ее и гласит, что всякий, кто живет ростовщичеством, в день общего воскресения восстанет пораженный рукой сатаны; кто же, поняв вред ростовщичества, оставит его, тот получит прощение за прошедшее, а кто и тогда станет продолжать отдавать деньги в рост, будет ввергнут в огонь, где останется на всю вечность. Но правила Корана, за исключением среды улемов и крестьян, давно потеряли для остальных свою силу, и ростовщичество сделалось столь же известным уклонением от древней нравственности, как и возрастающий вкус (между официальными сословиями) к иоркским окорокам и вдове Клико».[1]

Турецкий крестьянин, платя 60 и больше процентов, попадал в перманентную задолженность ростовщику, так что каждый год, как говорит Bruck, он начинал всегда со старого долга.

Превращение части налогов в денежные еще более усиливало зависимость крестьянства от ростовщика, благодаря чему происходил процесс перехода земли в руки последнего. В большинстве случаев в качестве ростовщика выступал тот же откупщик и торговец. Ростовщиками часто были и крупные представители власти — высокие должностные лица, городская знать и др. Весьма любопытно, что в качестве ростовщиков выступали иногда... иностранные консулы. Это явление наблюдал Карлайль. Вот что пишет он по этому поводу: «Сам сборщик податей почти всегда соединяет ссуду денег с другими своими обязанностями, но он имеет всегда сильных соперников в высоких должностных лицах провинции и даже в иностранных консулах.

Я лично знал двоих, которые тучнели на этой спекуляции и были самыми успешными и самыми неумолимыми практиками, хотя может быть

[1] Мак Коан Карлайль. Наш новый протекторат, пер. с англ., 1884, стр. 296.

не под своим именем, а под фирмою местных агентов, которые, считая себя сильными под этой замаскированной опорой, обирают крестьян со строгостью, много превосходящей простого частного заимодавца.

Справедливо заметить, что Порта не в силах вырвать это зло. Запретить его своим подданным — значило бы создать монополию для иностранцев».

Автор далее пишет, что «правительство несколько раз обращалось к содействию посланников, чтобы совершенно его уничтожить, но их превосходительства, желая может быть приобщить турка к здравому учению Бентама о несообразности всякого ограничения при денежном обращении, всегда отказывались принять участие в этом вопросе. Таким образом, ростовщичество продолжало развиваться и процветать, распространяя все глубже свои ядовитые корни в жизненные силы государства, так что теперь почти невозможно преувеличить степень зла, продолжающего свое разрушение в каждой деревне и в каждом городе империи».[1]

Карлайль писал это в начале 80-х гг. прошлого столетия. В дальнейшем, с развитием империалистического гнета в Турции, участие иностранцев в ростовщическом ограблении турецкого крестьянства было более «организованным» и происходило через иностранные экспортно-импортные общества и банки, подчинившие и поставившие себе на службу местный торгово-ростовщический капитал.

Единственным учреждением, имевшим своей формальной задачей противодействовать ростовщичеству и оказывать дешевый кредит для нужд сельского хозяйства, был Сельскохозяйственный банк, основанный в 1888 г. и перенявший актив и пассив созданных еще в 1867 г. по инициативе Мидхат-паши ссудных касс для кредитования сельских хозяйств. В 1892 г. банк выдал кредит на сумму 1384 тыс. лир, в 1902 г. на 3067 тыс. лир и в 1914 г. на 6125 тыс. лир. Размер этого кредита был явно недостаточным. Однако некоторую часть крупных земельных собственников банк кредитовал более или менее крупными суммами. Банк выдавал кредит как под ипотеку, так и под солидарную ответственность. Размер ссуды колебался от 50 до 150 лир в зависимости от капитала филиальной дирекции, выдающей ссуду. Можно сказать, что ипотечный кредит оказывался крупным земельным собственникам, а кредит под солидарную ответственность — крестьянам; при этом первый значительно преобладал над вторым по своей сумме.

Мы не располагаем, к сожалению, отчетами Сельскохозяйственного банка и поэтому не можем это продемонстрировать цифрами, показывающими сумму оказанного банком кредита в целом, но это можно доказать на дан-

[1] Карлайль, цит. соч., стр. 296—297.

ных, приведенных А. Руппиным в отношении Сирии. По его данным в конце 1912—1913 г. было оказано по Сирии:

45 054 ссуды на сумму 54 229 739 пиастров (около 12 млн. франков) под ипотеки,
25 593 » » » 4 438 309 пиастров (около 1 млн. франков) под солидарную ответственность.

Из общей суммы кредита в 58.7 млн. пиастров на долю ипотечного кредита падало 93%. Средний размер ссуды под ипотеку равнялся 1204 пиастрам и под солидарную ответственность 175 пиастрам, т. е. почти в 7 раз меньше. В 1912—1913 г. банк выдал в Сирии вновь 9031 ссуду на сумму в 14 585 062 пиастра, из них 6421 ссуду под ипотеку на сумму в 13 856 836 пиастров и 2610 ссуд на 728 226 пиастров под солидарную ответственность. Интересно при этом, что из общего количества ссуд под ипотеку 127 лицам оказан кредит в размере от 10 001 пиастра до 15 000, и 346 лицам от 5001 до 10.000 пиастров. Примерная сумма кредита, полученная этими двумя группами в количестве 473 человек, составляет 4183 тыс. пиастров. Другими словами 7.9% общего количества лиц, получивших кредит под ипотеку, получили 30.0% всей суммы ипотечного кредита. Если же принять в расчет весь кредит, оказанный банком, включая и кредит под солидарную ответственность, то мы получаем, что на 5.2% общего количества ссуд приходится 28.8% суммы кредита. Такая картина была, понятно, по всей Турции, а не только в Сирии. Нужны ли еще большие доказательства того, что Сельскохозяйственный банк оказывал кредит главным образом крупным земельным собственникам? Особенно этому содействовала реформа банка, выполненная уже во время войны в 1916 г., о которой мы скажем ниже. Крестьянские же массы попрежнему вынуждены были обращаться за кредитом к ростовщикам.

Существеннейшей особенностью турецких аграрных отношений до революции было то, что ростовщиками, скупщиками сырья и часто откупщиками ашара были большей частью армяне и греки, которые были тесно связаны с иностранным капиталом, обслуживая его в качестве внутренней агентуры. Это обстоятельство позволяло временами и Абдул-Гамиду и младотуркам переводить классовую борьбу на рельсы национальной розни.

ЗАПУТАННОСТЬ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ

Полуфеодальным производственным отношениям в сельском хозяйстве соответствовали феодальные же пережитки в формах землевладения и чрезвычайная запутанность и сложность этих форм.

Мири (государственные), вакуф (земли духовенства), мюльк (частнособственнические земли), метруке (земли общего пользования), меват (мертвые), личные поместья султана и его семьи, несколько форм вакуфного владения, земли мири, находившиеся в общинном пользовании и в личном, и т. д.— вот основные разновидности этих форм. Запутанность и сложность этих форм являлась огромным препятствием развитию капитализма в сельском хозяйстве. Господствующий феодальный класс, борясь за сохранение в своих руках основы своей силы — земли, всячески препятствовал вовлечению земли в товарооборот. Юридически вся земля, за исключением мюльковой, принадлежала государству, которое сдавало ее (кроме вакуфных земель, которые сдавались самим духовенством) в пользование, во временное владение, выдавая при этом в особой канцелярии (так наз. тапу) за особый сбор (тоже называвшийся тапу) документ на право владения (также именовавшийся тапу), почему и вся форма землепользования называлась — владение на праве тапу. Кроме земель мюльк, вся прочая земля была юридически неотчуждаема — ее нельзя было ни продать, ни заложить, ни дарить, передача ее по наследству была ограничена очень узким кругом наследников. Так это было юридически. Фактически земля, во-первых, принадлежала в огромной части крупным и средним земельным собственникам; с развитием товарно-денежных отношений земля при помощи всяких ухищрений, которыми обходили юридические путы, вступила в товарооборот, делалась товаром. Но вместе с тем никак нельзя недооценивать значения существовавших феодальных пережитков в юридических нормах как огромного препятствия развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Вдобавок надо учесть, что не было никакого кадастра; записи и документы, доказывавшие право собственности или владения, были чрезвычайно запутаны, никакой уверенности в своем имуществе ни у кого не было — в любой день можно было согнать собственника или владельца земли и отдать ее другому, что за взятки часто и делалось. Все это чрезвычайно затрудняло приложение капитала к земле, улучшение методов земледелия, и следовательно препятствовало развитию производительных сил в сельском хозяйстве.

Нарождавшиеся капиталистические элементы вели борьбу с этими пережитками. Вопрос о борьбе буржуазных начал с феодальными в турецком аграрном строе требует особого исследования. Надо, однако, сказать, что вплоть до младотурок особо существенных изменений в области аграрного права не удалось добиться. Младотурки приняли несколько законов, кото-

рые, хотя и не затрагивали основ феодальных пережитков, но все же имели известное значение для развития капитализма в сельском хозяйстве. Но они были приняты уже незадолго до мировой войны. Наиболее важные из них вообще не были проведены в жизнь, а те, которые нашли свое применение, сыграли свою роль лишь во время самой мировой войны, способствуя переходу крестьянского землевладения в руки кулаков и помещиков. Основными являются пять следующих временных законов, принятых в 1913 и 1914 гг.:

1) закон о кадастре (от 5 февраля),

2) закон о передаче недвижимого имущества (от 21 февраля),

3) закон о владении недвижимым имуществом юридическими лицами (от 22 февраля 1913 г.),

4) закон о предоставлении недвижимого имущества в качестве обеспечения долга (от 25 февраля 1913 г.),

5) закон относительно владения недвижимым имуществом (от 30 марта 1914 г.).

По закону о кадастре предположено было создать кадастр по европейскому образцу, произвести размежевание всех земельных участков и дать собственнику участка выпись из земельной книги с указанием стоимости и с планом расположения. Предполагалось, следовательно, произвести межевание, точно определить границы землевладения каждого и выдать владельцу соответствующие документы на право владения. Таким образом, законом о кадастре младотурки стремились закрепить участки за владельцами земли, создать устойчивые отношения в области землевладения и тем самым расширить возможности введения земли в товарооборот — то, чего не было и отсутствие чего было большим препятствием развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве, в частности отсутствие кадастра препятствовало развитию технических культур.

Ленский пишет, что «едва ли не основной причиной земельных непорядков в Оттоманской империи была полная неопределенность границ отдельных площадей: в Турции не было межевания. На документах эти границы указывались очень приблизительно и сбивчиво, а указанные в документах пограничные признаки не совпадали с поставленными в натуре знаками».[1] Точно так же и Bruck указывает, что отсутствовал кадастр, основывающийся на точном обмере участка. Имелись лишь книги, в которых значились записи, произведенные 50 лет назад, и которые не соответствовали действительности. Это создавало состояние правовой неуверенности в области земельных отношений. Земельные непорядки вследствие отсутствия кадастра

[1] Ленский, цит. соч., стр. 12.

особенно сильно давали себя чувствовать в восточных вилайетах, населенных армянами, которые вдобавок ко всему испытывали еще и национальный гнет, где курдские и турецкие беи сгоняли армян с земли также и путем предъявления фальшивых документов на право владения данным участком.

Земельные непорядки на почве отсутствия кадастра были свойственны, конечно, всей Турции.

Попыток составить кадастр было в Турции несколько. В 1860 г. была произведена попытка составить кадастр, но дальше городов Константинополя и Брусы дело не пошло. Затем проекты кадастра объявлялись в 1874, 1895 и 1900 гг., но они не были реализованы.[1]

Точно так же и новая попытка, предпринятая младотурками, тоже фактически не была проведена в жизнь, и тем самым не было устранено крупное препятствие созданию устойчивых правовых отношений в области землевладения.

Важное значение с точки зрения усиления буржуазных начал в земельном праве имел закон о передаче недвижимого имущества, значительно расширявший круг наследников, к которым могла переходить земля мири и вакуфная. Новый закон допускал к наследованию супругов и родственников до третьей степени, т. е. деда и бабки и их потомства.[2] С целью облегчения применения капитала к земле был издан закон о владении недвижимым имуществом юридическими лицами, по которому разрешалось приобретать землю правительственным и муниципальным учреждениям, действующим на основании специальных законов, оттоманским торговым, промышленным, строительным и сельскохозяйственным обществам, при условии, что они состоят из оттоманских подданных, которым и принадлежат акции с.-х. обществ и при условиях, чтобы земельные владения находились вне деревень, крепостей и т. п. Землю, по этому закону, могут приобретать также и оттоманские благотворительные общества и учреждения (но только в деревнях и местечках).

Одновременно с двумя вышеприведенными законами был принят и важный закон о предоставлении земли в качестве обеспечения долга. Этим законом разрешалось частным банкам или обществам оказывать ипотечный кредит, что раньше не допускалось. Впервые этим законом введено понятие ипотеки. Закладывалась земля и раньше — у частных лиц, главным образом, ростовщиков. Но ипотечные ссуды давались таким образом, что закладчик земельного участка продавал его кредитору с оговоркой права

[1] Georg Jong, Corps de droit ottoman, vol. VI, стр. 90.
[2] Imval ğayri menkul kanunlari. Deri saadet. 1332.

обратной покупки. Это вело к особым трудностям, особенно если учесть запутанность земельных отношений в Турции. Однако, этот закон дозволял ипотечным учреждениям оказывать кредит под земельные участки только в городах или торговых пунктах; таким образом, крестьянин почти не мог извлечь пользу от этого закона. Предполагалось, очевидно, что кредитование сельского хозяйства должно быть функцией главным образом правительственного сельскохозяйственного банка. Но так как этот банк оказывал сельскому хозяйству незначительный кредит и притом преимущественно крупным земельным собственникам (к тому же из-за невероятных формальностей крестьяне не хотели связываться с банком), то масса турецкого крестьянства продолжала обращаться к ростовщику.

Schulmann уже во время войны констатировал, что «ростовщический кредит является к сожалению еще и сегодня единственным выходом для современного голодающего и хиреющего турецкого крестьянина».

Наконец, для укрепления законной гарантии земельной собственности был предназначен последний из перечисленных нами законов — закон относительно владения недвижимым имуществом, который тесно связан с законом о кадастре. Согласно этому закону, все операции по владению землями мири и вакуфными должны были совершаться исключительно в земельном управлении и владельцам должны были выдаваться надлежащие свидетельства. Владение землей без удостоверения в местах, где произведена опись земель, а также выслушивание претензий и жалоб в духовных и гражданских судах и выполнение каких-нибудь операций в правительственных учреждениях касательно тех участков, на которые не будут предъявлены надлежащие свидетельства, запрещались.

Чрезвычайно важное значение имела ст. 5 этого закона, согласно которой каждый владеющий землей мири и вакуфной на основании государственного свидетельства может ее продать как окончательно, так и с условием ее обратного выкупа, может сдать ее в аренду, заложить ее и т. д.

Как видим, младотурки шли по пути известного очищения страны от феодальных пережитков, стремясь создать законную гарантию земельной собственности, ввести землю в товарооборот и облегчить капитализму возможность проникнуть в сельское хозяйство. Но младотурки делали это весьма непоследовательно, они не касались основного — феодальных методов эксплоатации крестьянства, а устранения этого основного недостатка можно было добиться лишь революционным путем, на который младотурки не были, конечно, способны. Тем самым все их законодательные мероприятия, изложенные выше, не могли дать больших результатов. К тому же они были

предприняты уже накануне мировой войны и в значительной мере не были даже реализованы. Так, не был проведен в жизнь важнейший закон о кадастре и связанный с ним закон 1914 г. о владении недвижимым имуществом.

Тот факт, что до войны не удалось добиться существенных результатов в деле уничтожения феодальных пережитков в аграрных отношениях, объясняется тем, что сами капиталистические элементы были еще чрезвычайно слабы, и самое главное — что в позднейшую эпоху появилась новая сила, ставшая основным препятствием развитию Турции, консервировавшая феодальные пережитки, — это иностранный капитал.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ И ТУРЕЦКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Иностранный капитал, втягивая турецкую деревню определенных районов в обслуживание европейского рынка сырьем, содействовал развитию в ней товарно-денежных отношений и тем самым — усилению социальной дифференциации. Но он, вместе с тем, не только не содействовал тому, чтобы деревня втягивалась в капиталистическое производство, но, наоборот, усиленной феодальной эксплоатацией турецкого крестьянина с целью обеспечить себе дешевое сырье и сверхприбыль всячески этому препятствовал. Иностранный капитал выступал по отношению к турецкой деревне как купец, покупатель сырья, подчиняющий себе производство. В самую деревню иностранные капиталисты не могли проникнуть в силу незнания местных условий и языка и на службу им пришли местные представители торгово-ростовщического капитала. Положение масс крестьянства в результате ухудшилось. В эпоху империализма, когда характерным стал не экспорт товаров, а экспорт капитала, консервирующая роль иностранного капитала резко усилилась.

При анализе этого вопроса надо иметь в виду, что экспорт иностранного капитала в Турцию носил непроизводительный характер, так как он импортировался главным образом в виде займов. На втором месте после займов стоит экспорт капитала на железнодорожное строительство. Но последнее в Турции никогда не было связано с ее собственными интересами. На первых порах в эпоху промышленного капитализма оно имело целью стимулирование экспорта сырья и импорта товаров, а в империалистическую эпоху оно было главным образом орудием борьбы между крупными империалистическими государствами за мировое господство и передел колоний.

В промышленность иностранный капитал вкладывал очень небольшие средства, и только в те отрасли, которые были связаны с экспортом, т. е. в промышленность по первичной технической обработке сырья. Сюда устремлялся в известной мере и туземный капитал. Что касается других отраслей, то иностранный капитал всячески препятствовал их росту, дабы не ограничивать возможностей импорта своих товаров. Таким образом, капитал, накопленный в торговле и ростовщичестве, не имел сферы приложения и вновь обращался в землевладение и ростовщичество. Торговцы сращивались с полуфеодалами и становились на службу иностранному капиталу в качестве приводного ремня между ним и турецким крестьянством. Одновременно с этим разоряемые крестьяне не могли уйти в город, в промышленность, так как таковой почти не было и росла она чрезвычайно медленно, а продолжали жалкое существование издольщиков, понижая лишь свой жизненный уровень и превращаясь в пауперов.

Этим, однако, картина эксплоатации империализмом турецкого крестьянства не исчерпывается.

Кроме сказанного, иностранный капитал сам становился в непосредственные отношения к турецкому крестьянину, вмешиваясь в самое производство. Такова была табачная монополия «Régie de tabacs». Эта организация, созданная в 1883 г. Венским Credit-Anstalt, берлинским обществом Bleichröder et C-ie и Оттоманским банком, как одно из основных предприятий Администрации турецкого публичного долга (с капиталом в 4.4 млн. тур. лир), получила исключительные права (на 30 лет, с возможностью дальнейшего продления) в области регулирования табачного производства, переработки, продажи и экспорта табака. Без разрешения монополии крестьяне не в праве были производить табак. В тех местах, где условия по мнению «Régie» благоприятствовали разведению табака, общество давало крестьянам авансы, закабаляя таким методом крестьян-табаководов. В других случаях, там, где условия разведения табака были по мнению общества недостаточно благоприятны, там крестьяне вынуждались прекратить производство табака (разрешение не давалось на участки менее полденюма, участки, не обнесенные забором, расположенные внутри или на расстоянии менее 3 км от города с населением свыше 15 000 чел.). «Régie» имело свои отделения во всех районах разведения табака (так наз. назареты, которые имели в более мелких провинциях так. наз. мудириеты и мемуриеты). Через своих инспекторов оно осматривало возделанные под табаком участки и определяло ожидаемый сбор, дабы воспрепятствовать продаже табака на сторону. В целях борьбы с контрабандой монополия имела многочисленный

штат так наз. колджи, т. е. сторожей — агентов по борьбе с контрабандой, в том числе и верховых.

После сбора урожая табаковод должен был сдать весь табак в ближайшее отделение «Régie», где он его хранил вначале — в течение полугода бесплатно, а затем в течение $1^1/_2$ лет за плату. Если в течение этого времени табак не будет продан ни «Régie», ни экспортеру (но под контролем «Régie»), то последняя была вправе продать табак с аукциона.

Для того чтобы иметь хотя бы известное представление о той эксплоатации, которой подвергала «Régie» турецких табаководов, достаточно сказать, что она покупала (в 1893—94 г.) у крестьян табак по 4.31 пиастра за кг, переработка табака стоила 4.12 пиастра за кг, а продавала в среднем по 30.91 пиастра за кг.[1]

Аналогичная монополия в пользу «Régie» была введена и на томбеки (особый сорт табака, употребляемый для водяного кальяна, — наргиле). Табаковод мог продавать томбек и на внутреннем рынке, но при условии уплаты в пользу «Régie» акциза в размере 4 пиастров за килограмм.

Кроме этого правительство уступило «Régie» право взимания ряда сборов:

1) сбора с табака в районах, где не применялась бандерольная система, установленная в 1874 г., — это провинции Мосул и Багдад,

2) ввозную пошлину на сигары, трубочный и нюхательный табак, составлявшую 75% ad valorem с сигар и трубочного табака и 100% с нюхательного табака,

3) экспортную пошлину с табаков, экспортируемых в страны, входившие в состав Оттоманской империи,

4) акциз на томбек (в 1892 г. было основано в Париже особое Общество томбека, коему были переданы монопольные права на томбек, аналогичные правам «Régie»),

5) сбор за разрешение продажи табака.

Взамен этих прав общество «Régie» было обязано вносить Администрации публичного долга по 750 000 лир ежегодно, выплачивать акционерам 8% чистой прибыли и давать основателям определенный процент. Остаток прибыли распределялся между Администрацией долга, правительством и «Régie» по следующей шкале:

[1] Aralanian. Vilayet d'Angora, стр. 124.

Остаток прибыли от	до	Администрации	Правительству	«Régie»
		в процентах		
	500 000 лир	35	30	35
500 000	1 000 000 »	34	39	27
1 000 000	1 500 000 »	30	52	18
1 500 000	2 000 000 »	20	70	10
свыше	2 000 000 » . . .	15	75	10

Приведенные данные показывают, какими огромными правами пользовалась компания «Régie». Прибыли этой компании, равнявшиеся в 1887—1888 г. 105 365 лирам, увеличивались из года в год и достигли в 1906—1907 г. 469 049 лир.[1] Для того чтобы источник роста прибылей был достаточно ясен без комментариев, укажем, что стоимость купленного монополией табака составляла в 1884—1885 г. 35% стоимости проданного табака, в 1894—1895 г. этот процент равнялся уже только 26.7, а в 1906—1907 г. упал до 22.7. При обрисованных условиях ясно, что компания «Régie» была сильным препятствием должному развитию табаководства в Турции.

Эксплоатация крестьян при помощи феодальных методов была тем источником, из которого погашались займы, уплачивались проценты по ним и выплачивались прибыли железнодорожным концессиям в виде так называемой километрической гарантии, потому что основным источником этого был налог ашар.

С того времени, когда в Турции была создана организация по урегулированию долгов, так наз. Администрация оттоманского публичного долга, т. е. с 1881 г., к которой для обеспечения платежей перешел ряд налогов с крестьян, с того времени империалистический капитал сам непосредственно стал сталкиваться с турецким крестьянином в качестве его феодального эксплоататора. Зерно или какой-либо другой продукт турецкого издольщика попадали непосредственно на склады вышеуказанной империалистической организации.

Для характеристики этой Администрации как феодального эксплоататора можно еще указать на такой факт: Администрации оттоманского публичного долга было передано право взимать за разрешение на право ловли рыбы сбор в размере 10 пиастров, одну пятую часть всего улова в крупных водоемах (морях, крупных озерах и впадающих в море реках) и одну десятую часть улова в мелких водоемах (притоках рек и мелких озерах). Не говоря уже о самом феодальном характере этого налога, необходимо

[1] A. Heidborn. Les finances ottomanes, Wien — Leipzig, 1912, стр. 196 и сл.

указать, что Администрация долга сдавала этот налог на откуп за определенную годичную сумму, а откупщик взимал этот налог с рыбаков.

«Вследствие такого обложения и скудости улова, — пишет Руппин, — цена на рыбу довольно высока (в среднем 7 пиастров = 1.5 франка за килограмм), так что рыба нигде не стала действительным продуктом народного питания, а появляется только на столе у более или менее состоятельных людей».[1]

Подобного рода деятельность иностранного капитала могла протекать лишь благодаря принуждению населения со стороны государственной власти, которая сводилась при этом на роль политического аппарата для эксплоатации турецкого крестьянина в пользу империалистического капитала.

Иностранцы сопротивлялись всяким попыткам рационализировать поступление налогов. Schulmann[2] указывает, что были неоднократные попытки рационализировать поступление налогов, но они всегда наталкивались на сопротивление иностранных послов, опиравшихся на капитуляционные права. В качестве примера автор приводит неудачную попытку модернизировать поступление промыслового налога «теметтю». Это приводило к переобложению крестьянства.

Таким образом иностранный капитал в Турции, содействуя разрушению натурального хозяйства, втягиванию части турецкого сельского хозяйства в мировой товарооборот и развитию в турецкой деревне товарно-денежных отношений, вместе с тем не уничтожал, однако, докапиталистических форм эксплоатации и кабалы, а, наоборот, либо непосредственно, либо при помощи своей туземной агентуры использовывал эти формы в своих интересах, сделавшись таким образом крупнейшим препятствием на пути развития производительных сил в сельском хозяйстве Турции.

В этом — в противоречии между начавшимся развитием капитализма в сельском хозяйстве и сдерживавшими его при помощи империализма феодальными пережитками — и заключалось основное противоречие в турецком аграрном строе до войны. Благодаря неразрешенности этого противоречия, благодаря тому, что вдобавок к феодальному гнету, который тяготел над турецким крестьянством, присоединился еще гнет империалистический, благодаря этому турецкий народ, по выражению исследователя Bruck'а, был «приведен через голод и страшные болезни к вырождению и умиранию», благодаря этому турецкое сельское хозяйство до войны характеризовалось чрезвычайной отсталостью».

[1] А. Руппин, цит. соч., стр. 117.
[2] Schulmann, цит. соч., стр. 96.

ОТСТАЛОСТЬ ТУРЕЦКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Земледелие, составлявшее основное занятие турецкого населения, характеризовалось повсеместно невероятной отсталостью. Карлайль писал в 80-х гг. прошлого столетия:

«Ныне во всей этой стране от Скутари до Эрзерума и от Синопа до Мокко в повсеместном употреблении подобие того плуга, которым может быть еще Ной царапал долины возле Арарата. В таком же первобытном состоянии находится и сбор податей и произведений полей. К счастью, обилие пахотной земли восполняет недостаточность производительности, происходящей от несовершенного состояния земледелия. Когда поле обнаруживает признаки истощения, земледелец переносит свою деятельность на девственную или залежную почву, и таким образом идет кругом, возвращаясь к первому участку, где почва успела оправиться.[1]

Результаты, получаемые от подобного хозяйства, конечно, составляют минимум того, что могла бы дать разумная обработка в пользу самого земледельца и государственного казначейства, коего доходы основаны, главным образом, на десятине в деньгах или в натуре взимаемого продукта.

Можно поэтому сказать, что земледелие в провинциях вообще находится в младенчестве, обработка земли производится повсеместно первобытными способами и приносит результаты, нисколько не соответствующие плодородию земли, к которой оно прилагается. Насколько мои личные наблюдения над четырьмя из числа пяти полос, разделяющих страну, дают мне право говорить утвердительно, таково повсеместное состояние земледелия, за исключением нескольких ферм около Скутари и Брусы и одной около Яффы».[2] Это писалось в 80-х гг. прошлого столетия, но примерно то же самое писал подполковник Вронченко в 30-х гг.

«Земледельческие орудия анатолийцев очень просты и грубы, особенно у племен кочующих. Соха часто есть не что иное, как обтесанное бревнышко с крепким косвенным суком, на который надевается плоский железный наконечник».[3]

Но вот уже в г о д ы в о й н ы G. Herlt, долго живший в Турции и также хорошо знающий состояние ее сельского хозяйства, писал т о ж е

[1] Подчеркиваем эту крайне отсталую систему землепользования, как единственный способ восстановления естественного плодородия почвы, истощаемой благодаря хищническому способу ее использования. *А. Н.*

[2] Мак Коан Карлайль. Наш новый протекторат. Описание географических, этнографических и экономических свойств Малой Азии, перев. с англ., изд. 1884 г., стр. 282.

[3] Вронченко. Описание Малой Азии в ее нынешнем состоянии, 1840, стр. 269.

самое. Он писал, что турецкий крестьянин не знает никакого севооборота и никакого удобрения и работает с примитивным инвентарем. Поля засеиваются постоянно одним и тем же продуктом, пшеницей или ячменем, и остаются после урожая на один год пустовать.

Как видим, турецкое земледелие до войны находилось на крайне низкой ступени, и если угодно дать известное цифровое выражение отсталости турецкого земледелия, то достаточно сказать, что в пределах нынешних границ Турции использовывалось всего 17.51% ее годной площади для земледелия и что на душу населения Турции приходилось всего около 440 кг валового сбора хлебов (пшеницы, ржи, ячменя, овса, кукурузы и риса), в том числе 227 кг пшеницы, и что товарность турецких зерновых культур не превышала 8% от общего валового сбора этих культур.[1]

Использование площади под земледелие, правда, было крайне неравномерным. Процент использования площади сильно падает при движении с запада на восток и с периферии вглубь страны. Это можно продемонстрировать следующими данными, вычисленными на основе цифр, приведенных у Mears'а (на 1910 г):[2]

Вилайет	Уд. вес годной для землед. площади в общ. территории вилайета[3]	% использования годной площади
Айдын	25.70	41.1
Ангора . . .	17.33	43.9
Трапезунд . .	33.51	52.4
Адана	47.07	27.0
Эрзерум . . .	37 66	11.6
Харпут . . .	47.53	10.1
Ван	45.13	3.4
Диарбекир . .	77.97	1.5

Проценты, приведенные во второй колонке, надо увеличить, учитывая преобладание двухпольной и трехпольный системы севооборота. Таким образом, в районах наибольшего сосредоточения турецкого крестьянства площадь была использована в довольно высокой степени. Лишь районы восточной и отчасти центральной Анатолии имеют огромные неиспользованные земельные площади. Но в известной степени имеются они и в других районах. Надо тут же сказать, что одним из важнейших условий расширения использова-

[1] Товарность вычислена нами на основе данных сельскохозяйственной переписи 1913—1914 г., которые приведены в статье проф. Гофмана (см. Prof. Hoffman, Die Getreideproduktion der Türkei. Weltwirtschaftl. Archiv, Bd. 12, H. 2).

[2] Mears. Modern Turkey. New-York, 1924, стр. 284.

[3] Не считая пастбищ и лугов.

ния площади под земледелие является постройка сооружений для искусственного орошения, которое играет для Турции огромную роль. Большая часть площади центрального плоскогорья зависит от искусственного орошения, в чем большую отрицательную роль сыграло истребление населением лесов; точно так же на западе, где осадков гораздо больше, но где по характеру производимых там технических и садовых культур необходимо гораздо больше влаги, нежели для зерновых культур, требуется постройка ирригационных сооружений для регулирования течений рек, причиняющих своими разливами большие разрушения сельскому хозяйству этих районов. Ввиду большого значения орошения, население и земледелие сосредоточены возле источников орошения, по долинам рек и на равнинах, где крестьянство ютится в небольших селениях, внешность которых, по выражению Карлайля, «мало изменилась с тех пор, как Ксенофонт описал их прототипы двадцать столетий тому назад».

Отметив выше неравномерность освоения площади по районам, мы вместе с тем подчеркиваем факт незначительного использования площади под земледелие и огромный разрыв между количеством годной площади и степенью ее использования.

Скотоводство — вторая важнейшая отрасль турецкого сельского хозяйства, игравшая в ряде районов первенствующую роль — точно так же являло картину чрезвычайной отсталости. При отсталости турецкого земледелия иначе и быть не могло. Никакого правильно поставленного производства кормовых ресурсов для целеустремленного выращивания скота не было. Основной кормовой базой турецкого скотоводства было пастбище; значительная часть стада концентрировалась у полукочующих турецких и в особенности курдских племен, населявших центральную, северо-восточную и восточную Анатолию, где скотоводство, а не земледелие играло первенствующую роль; и даже под самой Смирной кочевали юруки со своими стадами. Основной массой турецкого стада был мелкий рогатый скот. Так, по данным Mears'а, состав стада в 1913 г. был таков (в тыс. голов).[1]

Буйволы	300.3	Мулы	144.6
Быки	2397.3	Ослы	1373.7
Волы	175.1	Овцы	12347.8
Коровы	2501.0	Ягнята	5373.8
Телята	1158.5	Козы	14424.2
Лошади	506.8	Ангорск. козы	2039.0
Пони	204.4	Верблюды	314.0
Вьючные лошади	339.4	Разные	30.0

[1] Mears, цит. соч., стр. 289.

Из общего количества в 44 627 тыс. голов 35 185 тыс. голов, или 79% всего стада, приходится на мелкий рогатый скот. Коров было очень мало. Чтобы иметь представление о качестве турецкой коровы, достаточно привести следующие данные: корова давала ежедневно в течение 3—4 месяцев 1—2 окко молока, столь бедного жиром, что для получения одного окко масла требуется 25—28 окко молока. Лучшую корову подобного рода можно было купить за 4 лиры = 72 марки, а похуже за 150 пиастров или 27 марок.[1]

Продукты основных видов турецкого стада в ряде районов, особенно внутренней Анатолии и в меньшей степени юго-восточной Анатолии — мясо, шерсть, сыр — были уже издавна предметами внутреннего товарооборота. С проведением железных дорог товарность турецкого скотоводства значительно увеличилась, особенно шерсти, в связи с появлением большого спроса на этот продукт со стороны иностранных рынков.

РАЗВИТИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Констатируя чрезвычайную отсталость турецкого сельского хозяйства и, в частности, весьма низкую товарность зерновых культур, мы вместе с тем отметим, что за последние десятилетия стали сильно проникать товарно-денежные отношения в область зернового хозяйства и пробивать брешь в натуральном хозяйстве. Огромную роль в этом деле сыграли железные дороги. Этот процесс имел место как во внутренней Анатолии, так и, в особенности, в прибрежных районах.

Развитие товарно-денежных отношений во внутренней Анатолии

Что касается внутренней Анатолии, то многочисленные исследователи отмечали, что при отсутствии дорог и при сопряженной с этим дороговизне перевозки, разведение злаков в количестве, превышавшем местные потребности, было в начале сосредоточено главным образом в соседстве морей. По мере удаления от моря, даже в окрестностях Ангоры, Сиваса, Харпута и Мосула, злаки почти переставали быть предметом вывоза.[2] Вследствие этого существовала колоссальная разница в ценах провинции и центра. До постройки железной дороги в Константинополь тонна пшеницы (летом) стоила в этом го-

[1] Richard Hermann, цит. соч., стр. 51.
[2] См. Карлайль, op. cit., стр. 149.

роде 130 марок, а в Анкаре 45 марок, тонна ячменя соответственно 92 и 36.[1]

По мере роста сети железных дорог росла и поставка зерна на рынок турецкой деревней. Это достаточно убедительно демонстрируется следующими данными о перевозках по железной дороге (в тоннах).[2]

По железной дороге Хайдар-Паша—Анкара, соединяющей Константинополь с внутренними районами страны, было перевезено в 1893 г. 51 390 т хлебов, в 1910 г. 151 306 т (294.4% к предыдущему) и в 1911 г. 262 146 т (510% по отношению к перевозкам 1893 г.). Мы видим довольно быстрый рост перевозок зерновых культур.

Рост вывоза зерна из внутренней Анатолии вызвал там значительный рост цен. Так, в Анкарском вилайете цены выросли на 30—80% в зависимости от района. В связи с этим имел место и рост продукции. В 1890 г. продукция злаков Анкарского вилайета равнялась 3.2 млн. гектолитров в 1893 г. уже 5412 тыс.[3]

Однако, значительный рост производительных сил в зерновом хозяйстве не имел места, так как производственные методы остались те же и почти не обновились. Несмотря на отдельные попытки немецких железнодорожных концессионеров уже в позднейшие годы, накануне войны, протолкнуть в деревню сельско-хозяйственные машины, они ощутительных результатов не получили. Буржуазные писатели отмечали странную консервативность турецкого (вообще восточного) крестьянина, который де не хочет употреблять с.-х. машин, и искали объяснения этому факту в идеологии мусульман, в быте турок и т. п., и, конечно, ничего не находили. Объяснения надо было искать в социальных условиях, в тех производственных отношениях, в которых работал турецкий крестьянин и которые мы обрисовали выше.

Наряду с зерновыми культурами, вследствие открытия железнодорожного сообщения с центром страны развилась и товарность скотоводства как в связи с резким усилением экспорта могера, так и в связи с усилением вывоза скота на мясо в Константинополь и другие центры. Уже в первые годы открытия Анатолийской железной дороги экспорт могера начал резко возрастать. В 1893 г. стоимость его экспорта равнялась 35 506 556 пиастрам, в 1894 г. 54 772 719 и в 1895 г. 73 275 667 пиастрам.[4] Наряду с этим, вследствие импорта по этим путям огромной массы европейского

[1] V. Totomjanz und E. Toptschjan, цит. соч., стр. 82.

[2] M. Hecker. Das Eisenbahnwesen der Asiatischen Türkei. Archiv für Eisenbahnwesen, 1914, 6, стр. 1539.

[3] Arslanian. Le vilayet d'Angora, p. 11—12.

[4] Totomjanz und Toptschjan, цит. соч., стр 71.

текстиля, заглохла развитая до того времени местная суконная промышленность, вырабатывавшая сукна из могера. По этой причине внутренняя промышленность не могла быть таким же потребителем могера, каким она была раньше. Если до открытия железных дорог она поглощала его основную часть, то в дальнейшем она потребляла уже только одну четверть общей продукции, а три четверти ее шло на экспорт. При этом произошло большое снижение цен на могер. Так в 50—60-х гг. прошлого столетия килограмм могера в Анкаре стоил 30—40 пиастров, в 90-х годах уже он стоил всего 12—16 пиастров. Понижение цен произошло главным образом вследствие того, что за этот период англичане сумели вывезти производителей ангорских коз из Турции и вырастить в своих колониях огромные стада последних. Не малое значение при этом имело и появление на рынках огромного количества китайского и японского шелка.[1] Увеличился и вывоз мелкого рогатого скота на мясо. Из Анкарского вилайета вывозилось ежегодно 200—250 тыс. голов. Это количество могло бы быть доведено до 500 тыс. голов, если бы высокие тарифы на железной дороге этому не препятствовали. Рост вывоза скота из внутренней Анатолии вызвал рост цен на мясо в городах. Так, в Анкаре, до открытия железных дорог, килограмм мяса стоил от 40 до 80 сантимов, после же открытия цена его поднялась до 1 франка 50 сантимов, зато она значительно упала в Константинополе. В последующие годы цена мяса упала и в Анкаре.[2]

Одним из существенных препятствий развитию товарности в турецком зерновом хозяйстве был захват рынков пшеницы и муки крупнейших потребительских центров Турции иностранным капиталом.

Крупнейшим импортером муки и пшеницы были Франция (50% импорта муки), Россия (20% импорта муки и 35% импорта пшеницы), Италия (15% импорта муки), Румыния (15% импорта муки и 20% импорта пшеницы) и Болгария (25% импорта пшеницы).

Немалым препятствием развитию товарности зерновых культур и скотоводства была и тарифная политика железнодорожных компаний. Железнодорожные тарифы в Турции были значительно выше европейских. Так, например, на Анатолийской железной дороге злаки транспортировались в вагонах, по 15000 кг в каждом, по 6 сантимов за тонно-километр, в то же время протекционный тариф в Германии не превышал и половины этой суммы, а на железной дороге Чикаго — Нью Иорк — одной четверти. В России железнодорожный тариф колебался в довоенное время в зависимости от

[1] Arslanian. Le vilayet d'Angora, p. 21.
[2] Там же, стр. 79.

расстояния, от 2—2.8 коп. за тонну-километр и падал до 1.5—1.7 коп. при расстоянии в 400—500 верст и 0.75—0.6 коп. при расстоянии свыше 1000 верст до порта.

Бараны и овцы должны были перевозиться укомплектованными вагонами, содержащими от 80 до 100 голов, по 330 франков за вагон с обязательной гарантией отправки 100 вагонов в течение года. В противном случае тариф увеличивался в 4 раза.

При таких условиях нет ничего удивительного в том, что верблюжьи караваны успешно конкурировали с железнодорожным транспортом.[1]

Не менее высоки были и пассажирские тарифы. В 1-м классе стоимость проезда 1 км равнялась $15^5/_8$ сантима, а в 3-м классе 3.5 сантима. В то же время в Австрии проезд в 1-м классе стоил 9 сантимов за 1 км, а в 3-м классе 3.5 сантима.[2]

Иностранные железнодорожные концессионеры меньше всего интересовались развитием производительных сил страны. В экспорте турецкой пшеницы иностранцы не были заинтересованы. Наоборот, многие из них как импортеры были заинтересованы в обратном. Железнодорожные концессионеры не были также особенно заинтересованы в развитии грузооборота с целью увеличения доходности, так как доход был обеспечен километрическими гарантиями. Таким образом, иностранные капиталы препятствовали должному использованию такого мощного орудия для развития товарности сельского хозяйства, как железнодорожный транспорт.

Тем не менее, даже при существовавших тарифных условиях строительство железнодорожного транспорта вызывало сильный рост товарности зерновых культур. Этого обстоятельства, между прочим, серьезно боялась Россия, не желавшая иметь в лице Турции конкурента в области экспорта злаков. Оно же было также одним из важнейших мотивов, вызывавших противодействие со стороны России строительству железных дорог в Турции.

«Главный вред, который может нанести немецкое предприятие экономическому росту России, как земледельческой страны, это конкуренция на хлебном рынке Европы» — пишет подполковник Томилов об Анатолийско-Багдадской ж. д.[3] В доказательство своих слов он приводит собранные им данные о чрезвычайной дешевизне хлеба в районах Турции, не имеющих железнодорожной связи с портами, и данные о портовых ценах.

[1] D. Arslanian. Le vilayet d'Angora, p. 86.

[2] Totomjanz und Toptschjan, цит. соч., стр. 80.

[3] Подполковник Генер. штаба Томилов. Отчет о поездке по Азиатской Турции, ч. I, 1907, стр. 356.

Вот эти данные:

Города	Базарная цена за пуд хлеба в копейках: пшеница	ячмень	просо	кукуруза	чечевица
Моссул	40—45	20—25	10	20—25	67
Окрестности его	35—40	17—20	—	—	—
Мардин	33—35	21	17	25	57
Диарбекир . . .	33	20	—	20	60
Айнтабн	55	28	—	—	78
Алеппо	60—75	40—50	—	50—55	87—95

Эти цены были зимой 1903—1904 г. «перед самым временем нового посева и следовательно в период довольно благоприятный для повышения цен на хлеб. Цены, как видно, сильно падают по мере удаления от Средиземного моря вглубь страны, на восток».[1]

В то же время в Мерсине в 1903 г. экспортная цена пуда пшеницы равнялась 1 руб. 17 коп. за пуд, а пуда ячменя — 61 коп. за пуд, в Александретте средняя экспортная цена пуда злаков (пшеницы, ячменя, овса и пр.) равнялась 65 коп. за пуд. Эта большая разница в цене существовала вследствие отсутствия железной дороги. «С проведением Багдадской железной дороги масса хлеба сейчас же потечет из Месопотамии и Сирии сперва к Средиземному морю, а затем в Европу, что быстро поднимет земледелие в этих богатых странах, которые и станут самыми серьезными конкурентами России на хлебных рынках Западной Европы».[2]

Этот взгляд не был только личным взглядом цитированного автора, но его разделяли правительственные круги империалистической России. Препятствуя железнодорожному строительству в Турции, Россия тем самым создавала большие преграды развитию производительных сил в сельском хозяйстве, в особенности в зерновом.

После всего сказанного понятно, почему рентабельность зернового хозяйства, в особенности мелкого, была крайне низкой. Хозяйство в 15 га давало накануне войны чистый доход в размере 17 марок на 1 га, т. е. всего 260 марок в год; другие от 25 до 30 марок на 1 га. Лишь крупные поместья в Киликии, которые сеяли и хлопок, давали по 40 марок чистого дохода на га.[3] Но крестьянская масса не обладала хозяйством в 15 га.

[1] Томилов, цит. соч., стр. 356.

[2] Там же, стр. 356—357.

[3] O. Warburg. Die Landwirtschaft der Türkei. В сборнике «Das Türkische Reich» под. ред. J. Hellauer'a, 1918, S. 182.

«При таких условиях,— пишет тут же Warburg, — нет ничего удивительного в том, что число свободных крестьян скорее сокращается, чем увеличивается.

Крестьянская земля составляет в ряде провинций от 15 до 50% всей обрабатываемой земли, остальное принадлежит вакуфам, правительству или крупным земельным собственникам, которые, однако, за редкими исключениями опять же обрабатывают землю издольщиками, большей частью прежними свободными крестьянами».

Промышленные и садовые культуры, в которых иностранный капитал был заинтересован как потребитель, отличались, в противовес зерновым, гораздо большей товарностью. Такими культурами являлись табак, хлопок, опиум, шерсть, шелк-сырец, изюм, фиги, орешки и др. — все это культуры, которые почти целиком экспортировались. Главным центром производства этих культур было побережье, в особенности западное и южное.

Развитие товарно-денежных отношений в прибрежных районах

Начиная уже с 40-х годов прошлого столетия значительно усилились торговые связи западного побережья Турции с европейскими рынками.

Это видно по данным об экспорте из Смирнского порта, являвшегося в прошлом и являющегося и сейчас центром притяжения экспортной продукции не только из районов западного побережья, но и из районов более глубоких, например, из западных районов Конийского вилайета. Данные о динамике стоимости вывоза из этого порта таковы:[1]

За период		1839—1848	29 411 000	франков
»	»	1849—1858	49 378 400	»
»	»	1859—1868	101 352 140	»
»	»	1869—1878	106 462 350	»
»	»	1879—1888	111 915 050	»
»	»	1889 г.	135 000 000	»

Особенно резкий скачок экспорта вверх мы видим в годы 1859—1868, т. е. в годы строительства смирнских железных дорог.

В последующие годы динамика грузооборота Смирнского порта была такова (по данным консульских агентов Франции):

	Экспорт	Импорт
1898 г.	249 500 т	217 604 т
1902 г.	384 925 »	297 530 »
1906 г.	403 268 »	336 622 »

[1] F. Rougon. Smyrne, p. 131.

Тоннаж судов, прошедших через Смирнский порт, равнялся в 1901 г. 1 940 240 т, в 1904 г.— 2 212 169 т и в 1908 г.— 2 835 567 т.

Росли и обороты главного южного порта — Мерсины.[1] В 1890 г. годовой оборот этого порта равнялся 8 909 290 руб., в 1903 г. 12 591 296 руб., в том числе вывоз соответственно — 5 711 290 и 8 082 018 руб. и ввоз соответственно 3 198 000 и 4 509 278 руб. При этом значительно выросли обороты с самой Турцией, что доказывает рост внутреннего товарооборота.

Так, обороты с самой Турцией составляли:

Годы	Вывоз	Ввоз	Годовой оборот
1890	592 125 руб.	706 875 руб.	1 299 000 руб.
1903	3 344 209 »	1 745 880 »	5 090 089 »

Все же, основная часть оборота Мерсины приходилась на внешнюю торговлю. Тоннаж судов, прошедших через Мерсину в 1890 г., равнялся 294 912 т, в 1903 г.— 462 885 т и в 1907 г. 560 354 т.[2]

Росту экспорта сопутствовал рост продукции главных экспортных культур. Так, например, в 1884 г. было под табаком 192 262 денюма, в 1900 г. было уже 370 310 денюмов, а в 1911 г., накануне балканской войны, было 814 162 денюма; в последующие годы площадь сократилась благодаря потерям, связанным с балканскими войнами (сокращение территории и др.). Соответственно выросла и продукция табака — с 22.5 млн. кг в 1884 г. до 63.5 млн. кг в 1911 г.[3] Росло также и хлопководство. Еще в 1896 г. Аданский район дал всего лишь 2000 кип хлопка (по 200 кг. в каждой). Уже в 1905 г. сбор хлопка в этой долине равнялся 4500 кип, а в 1914 г. 135 000 кип.[4] Продукция хлопка в этом районе выросла в частности под воздействием германского синдиката — германский империализм пытался здесь создать себе хлопковую базу — причем площадь под хлопком выросла незначительно, но урожай с акра возрос с 75 до 95 фунтов, а также значительно улучшилось и качество хлопка. Росло производство и других технических и садовых культур.

Рост товарности специальных культур вызвал рост цены на землю под эти культуры.

Виноградник в долине реки Буюк Мендерес-чай и Гедиз-чай стоил в зависимости от состояния лоз и качества винограда от 100 до 250 фран-

[1] Подполковник Генерального штаба Томилов. Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г., ч. 1-я. СПб., 1907 г., стр. 43.

[2] L. Vannatuelli. Anatolia Meridionale e Mesopotamia. Roma, 1911, стр. 151.

[3] Istatistik Jıllıgı, cilt 5, 1931, 32, стр. 197.

[4] Sevketi Sureyya. Cihan Iktisadiyatinda Türkiye, 1931, стр. 35.

ков за денюм, а в некоторых районах даже от 300 до 400 франков. В Смирнском каза цена земли была не ниже 450 франков. Фиговые плантации стоили от 150 до 300 и даже от 400 до 500 франков за денюм сообразно качеству земли и состоянию деревьев.[1]

Земля под злаками (пшеница, ячмень, бобы, сезам и пр.) стоила от 30 до 40 франков за денюм в санджаке Сарухан и от 10 до 200 франков в Айдынском санджаке, а в Караманском санджаке, например (Конийского вилайета), орошаемая земля стоила 20 франков за денюм, а неорошаемая 2 франка.

Хлопковое поле стоило от 100 до 200 франков за денюм в Смирнском санджаке и от 40 до 200 франков в Айдынском.

Точно так же в Константинопольском районе высоко ценились земли под овощами. Земля под овощами в районе Измида — главного овощного центра, снабжавшего овощами Константинополь и ряд других городов, — стоила уже в начале 900-х гг. от 15 до 20 тур. лир за денюм (от 400 до 520 франков), причем ее вообще трудно было найти; в то же время денюм обычной земли стоил 2 лиры.[2]

Вместе с ростом производства технических и садовых культур, т. е. вместе с ростом специализации турецкого сельского хозяйства по мере подчинения его иностранному рынку, в известной мере проникали и капиталистические отношения. Появилась необходимость в наемной рабочей силе, в частности, большого количества рабочих требовало хлопковое производство в период уборки. В начале 90-х гг. Rougon отмечал слабое употребление машин в западной Анатолии. Но незадолго до войны в районы крупного хлопкового производства начали уже проникать машины. Так, например, Bruck писал: «Необходимо признать, что в последние годы перед возникновением войны у отдельных крупных землевладельцев. между ними меньше чистых турок и больше греков, армян, сирийцев и др., все больше наблюдалось понимание более современных производственных методов для более высокой продуктивности. В последнее десятилетие до войны в Аданском вилайете было не меньше 1000 косилок, 100 паровых молотилок, 25 двойных паровых плугов, 85 обыкновенных паровых плугов вошло в производство».[3] Вместе с увеличением производства специальных культур и ростом применения сельскохозяйственных машин росло и применение наемной рабочей силы. Для Аданского хлопкового района, например, рабочая сила

[1] F. Rougon. Smyrne, p. 75.

[2] Richard Hermann. Die Anatolische Landwirtschaft u. s. w., стр. 108.

[3] Bruck, цит. соч., p. 17.

становилась серьезной проблемой. Чтобы собрать урожай хлопка в этом районе, требовалось привлекать из других районов 50—70 000 странствующих рабочих. Большое количество сельскохозяйственных рабочих, большей частью тоже временных, требовали табачная и другие культуры. Стоимость рабочих рук в Западной Анатолии в 90-х годах прошлого столетия была такова. Для обычных земледельческих работ от 1 франка 50 сантимов до 2 франков в день в Смирнском санджаке, от 60 сантимов до 2 франков в санджаках Сарухан и Айдын и от 0.75 франка до 1 франка в санджаке Ментеше — без питания.

Не в период урожая рабочие руки были дешевле и стоили от 1 до 1.10 франка мужские и в среднем 0.70 франка — женские.

В Конийском вилайете, где рабочие руки употреблялись лишь в случае весьма обильного урожая, поденная плата равнялась 0.60 — 1 франку. При сборе хлопкового урожая были заняты преимущественно женщины, которые получали в среднем 1 франк в день. Мужчины получали 2 франка в день. В Айдынском вилайете во время сбора урожая хлопка женщины получали 60—70 сантимов в день. При очистке хлопка рабочие получали 5—6 пара за окко.[1]

Мы видим, сколь низка была заработная плата сельскохозяйственных рабочих. Оно и понятно. При преобладании издольщины уровень жизни турецкого крестьянина крайне низок. Европейцы постоянно умилялись исключительной нетребовательностью турецкого крестьянина. «Умеренность турка известна так же, как и его гостеприимство, — говорит Hermann.— Несомненно есть что-то красивое в довольствии малым, но я думаю, что анатолийский крестьянин мог бы больше производить, если бы он больше, и лучше ел».[2] При крайне низком уровне жизни турецких издольщиков и слабом развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве и ряде других причин (отсутствии организованной борьбы рабочих за свои интересы и пр.) зарплата сельскохозяйственных рабочих неминуемо должна была быть столь низкой, как указано выше.

В западных и южных прибрежных районах, как видим, дифференциация была наиболее сильной. Здесь больше уже было капиталистических помещиков, еще больше было здесь кулаков, либо полукулаков-полуфеодалов, сочетавших и феодальные и капиталистические методы эксплоатации;

[1] Rougon. Smyrne, p. 76.

[2] Hermann. Die Anatolische Landwirtschaft, u. s. w. p. 18. Автор пробыл в Турции 6 лет в качестве главного инспектора земледелия при Мин. земледелия, руд и лесов.

здесь, наконец, концентрировались основные кадры сельскохозяйственного пролетариата.

Итак, несомненно, что товарно-денежные отношения в турецком сельском хозяйстве начали со второй половины XIX столетия развиваться особенно сильно. Они существовали и раньше. Побережье Турции, в особенности западное и южное, было втянуто в европейский торговый оборот уже в течение столетий. Значительно слабее, но все же были втянуты в торговый оборот и отдельные города центральной Анатолии, лежавшие на главных, пролегавших через Турцию, путях в Индию, Иран и другие восточные страны. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве выразилось в росте поставки на рынок продуктов сельского хозяйства, и в росте специализации его. Но это развитие имело свои особенности. Последние заключались в том, что товарно-денежные отношения в турецком сельском хозяйстве росли не в связи с требованиями внутренней промышленности, а в связи с требованиями иностранного рынка. Экспорт в 1880 г. равнялся 8497.0 тыс. лир, в 1890 г. — 12 836.5 тыс. лир, в 1900 — 14 905.0 тыс. лир и в 1913 г. — 21'436.1 тыс. лир. Рос и импорт: в 1880 г. он равнялся 17 847.5 тыс. лир., в 1890 г.—22 914. 3 тыс. лир, в 1900 г.—23 841. 6 тыс. лир и в 1913 г. — 40 809.2 тыс. лир. Ни одна специальная культура не показала серьезного развития вследствие требований собственной промышленности и по простой причине — промышленность эта росла чрезвычайно медленно. В самом деле, под влиянием импорта дешевых европейских тканей заглохла развитая ранее в Турции шерстяная промышленность, насчитывавшая даже несколько мануфактур. Развитая в Турции ковровая промышленность, после того как командующее положение в ней занял английский капитал, в значительной степени перешла на изготовление ковров из иностранной пряжи.

Наиболее важными по своему удельному весу отраслями промышленности до войны были отрасли по первичной переработке продуктов сельского хозяйства на экспорт — хлопка, табака, шелка, шерсти, изюма, фиг и т. д. Но эти отрасли сами развились в связи с ростом экспорта перечисленных продуктов и от последнего они и зависели. Если снижался экспорт того или иного продукта, то вынуждена была сокращать свою деятельность и соответствующая отрасль промышленности.

Слабо развитая внутренняя промышленность не могла оказывать и большого влияния на развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Турции.

ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИСШЕДШИЕ В ТУРЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[1]

Мировая война резко ухудшила положение турецкого сельского хозяйства и сильно обострила классовые отношения в турецкой деревне.

Мобилизация в армию коснулась главным образом крестьянства. Сотни тысяч наиболее работоспособных крестьян были мобилизованы в армию и оторваны от своего хозяйства. Кроме самих крестьян был мобилизован и рабочий скот. В дальнейшем часто имели место массовые реквизиции скота. Мобилизация крестьян и рабочего скота вызвала резкое сокращение посевной площади. Если принять посевную площадь 1913 г. под злаками за 100, то к 1915 г. она сократилась до 46.8%, к 1916 г. — до 39.0% и к 1917 г. — до 46.8%.

Сокращение посевной площади в свою очередь привело к голоду крестьянских масс и скота, к развитию эпидемий, в результате которых погибли десятки тысяч людей, а также произошел массовый падеж скота. Размеры гибели скота достаточно ярко характеризуются следующими сравнительными данными за 1913 и 1919 гг. Если принять количество скота в 1913 г. по отдельным видам за 100, то к 1919 г. осталось: волов и буйволов, являющихся основным видом рабочего скота в Турции, — 13.5%, лошадей — 60%, мулов — 58.5%, ослов — 60%, овец и ягнят — 60%, коз — 12.6%, верблюдов — 32%. Самый большой урон, как видим, нанесла война тягловому и транспортному скоту. При общем сокращении всего стада с 44 627 тысяч голов в 1913 г. до 19 036 тыс. голов в 1919 г., т. е. на 57.4%, скот этого рода сократился соответственно с 5579.8 тыс. голов до 2013 тыс. голов, т. е. на 64%.

Надо иметь в виду, что от падежа скота пострадало главным образом трудовое крестьянство, так как крупные собственники не только имели большие возможности уберечь свой скот от реквизиций и мобилизаций, но младотурецкое правительство всячески помогало им не только сохранить, но и расширить свое хозяйство.

Для большой массы крестьянства, занимавшейся производством технических культур, огромной важности фактором, повлекшим за собой ее разорение, явилось прекращение торговых связей со странами-потребителями турецких специальных культур. Вследствие резкого ослабления спроса на эти культуры цены на них сильно упали.

[1] Подробно этот вопрос нами исследован в работе «Экономика Турции в период мировой войны». Издание Академии Наук СССР.

Например, в течение нескольких дней в самом начале войны стоимость окко опиума упала с 300 до 90 пиастров, шерсти ангорских коз с 20 до 8 пиастров.

В результате указанных нами причин продукция технических культур во время войны потерпела огромное сокращение.

Сведя в одну таблицу данные о сокращении площади или продукции по отдельным культурам, к которому привела мировая война, мы получаем следующую картину упадка турецкого сельского хозяйства в результате этой войны (в %).

Продукт	Объект сокращения	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Злаки	площадь	100.0	—	46.8	39.0	46.8	—
Табак	»	100.0	89.8	30.2	32.9	36.2	43.5
Табак	продукция	100.0	89.5	26.5	27.8	31.6	37.8
Хлопок	»	100.0	112.5	12.5	8.3	8.3	8.3
Опиум	»	100.0	100.0	88.3	93.2	93.2	104.5
Оливы	»	100.0	78.7	50.7	49.4	17.7	22.5
Изюм	»	100.0	82.4	64.5	55.0	45.2	40.4
Инжир	»	100.0	84.3	73.6	80.2	73.0	83.2
Шелк коконы	»	100.0	100.0	36.9	53.5	4.3	31.3

Незначительное сокращение продукции опиума объясняется тем, что на него существовал большой спрос со стороны турецкой армии и армий ее союзников.

Продукция инжира также сократилась значительно менее, чем продукция других культур. Это объясняется тем, что инжир стал употребляться на выработку нужного для армии спирта.

Как видим из приведенных данных, сельское хозяйство Турции понесло в результате войны огромные потери.

Мы уже упоминали выше, что вся тяжесть лишений пала на трудовое крестьянство, которое быстро разорялось; наоборот, крупные земельные собственники не только не понесли никаких потерь, но даже хозяйственно выросли, разбогатели на тяготах войны, причем им всячески содействовало в этом младотурецкое правительство и его фактический хозяин — немецкие империалисты.

Политика младотурок заключалась в содействии проникновению капитализма в земледелие, помощи крупным земельным собственникам и перекладывании всех тягот войны на трудящиеся крестьянские массы.

Правительство оказывало помощь семенами, сельскохозяйственными машинами, деньгами — все это попадало в руки крупных земельных собственников. Был освобожден от пошлин импорт сельскохозяйственных

машин, удобрений и т. п.—этой льготой опять-таки воспользовались крупные земельные собственники.

В 1916 г. была произведена немецкими специалистами реорганизация сельскохозяйственного банка, которая выражалась в том, что в отличие от существовавшего доселе порядка впредь банк был вправе выдавать ссуду без ограничения суммы и срока (до этого банк был вправе выдавать ссуду размером не свыше 150 лир максимум на 10 лет). Банк получил право выдавать ссуду под залог хлеба, а также покупать и продавать землю, рабочий скот, семена и сельскохозяйственные машины.

Все перечисленные мероприятия имели своей задачей обеспечить интересы крупных земельных собственников и кулаков и содействовали их обогащению. Эти слои нажились на поставке хлеба армии, на росте цен на хлеб (мешок пшеницы, стоивший до войны 0.7 лиры, стоил во время войны 51 лиру), голоде населения и на применении дарового крестьянского труда. Уже в начале 1916 г. была введена трудовая повинность для всего не взятого на войну сельского населения; в дальнейшем эта повинность была усилена и распространена на всех крестьян—мужчин и женщин начиная с 14 лет.

Было установлено, что крестьянин должен обработать каждой парой волов 35 денюмов земли (около 3.5 га). При наличии у крестьянина более одной пары волов излишек мог быть реквизирован.

Земельные владения, не обрабатываемые их собственниками, могли быть использованы под земледелие соседними деревнями и городами.

В то же время крупные земельные собственники освобождались от воинской повинности лично, а также они вправе были освободить от нее трех сельскохозяйственных рабочих на каждые 500 денюмов обрабатываемой земли.

Навряд ли эти мероприятия младотурок нуждаются в особых комментариях. Они совершенно ясно показывают, что вся аграрная политика младотурок во время войны как и до нее была направлена на обеспечение интересов крупных земельных собственников за счет трудящихся масс крестьянства. Большим злом для последних была реквизиция правительством продовольствия по твердым ценам, которые были в несколько раз ниже рыночных. По этим ценам крестьяне должны были отдавать одну треть валового сбора злаков, половину сбора олив и оливкового масла. Это в то время, когда цены на продукты крестьянского потребления, покупаемые в городе, как, например, сахар, керосин, выросли в сравнении с довоенным временем к 1918 г. в 80 (по сахару) и более 100 раз (по керосину), между тем как цены на продукты сельского хозяйства выросли значительно меньше.

Ко всему сказанному надо добавить что усилилось ограбление крестьян налогами. Ашар, поступавший военному ведомству, продолжал взиматься откупщиками, которые в обстановке острой нехватки продовольствия и возможности нажить огромные прибыли на поставке хлеба старались выжать из крестьян как можно больше продуктов. Далее, некоторые денежные налоги взимались с крестьян в золотом эквиваленте, например, налог на скот.

Мы видим, таким образом, что в результате войны сельское хозяйство Турции понесло огромные потери, причем основная тяжесть удара была перенесена младотурками и немецко-австрийскими империалистами на трудовые крестьянские массы; в то же самое время эксплоататорская верхушка турецкой деревни и помещики экономически выросли и вместе с тем выросли и капиталистические элементы деревни. Классовая дифференциация в ней усилилась, и к концу войны, с одной стороны, стоял задавленный, разоренный, попавший еще в большую кабалу к помещику, полуфеодалу, кулаку крестьянин, с другой — выросшие, окрепшие, обогатившиеся богатеи деревни и помещики, прибравшие к своим рукам значительную часть крестьянских земель.

Крестьянство не совсем безропотно сносило свое тяжелое положение. Массовое дезертирство, при котором отдельные армии теряли около 40% дезертирами, организация чет (партизанских отрядов), местами открытое возмущение — вот те формы, в которые выливалось недовольство своим невыносимым положением турецких крестьян, которые политически выросли во время войны, особенно благодаря воздействию революции в России.

Итак, накануне кемалистской революции аграрный вопрос в Турции заключался в следующем:

1) В турецкой деревне господствовали феодальные пережитки. Ослабленные в некоторой степени в результате проникновения товарно-денежных отношений, в особенности в западном и южном прибрежных районах, они все же господствовали. Повсюду хозяйство велось «по-турецки», во всех районах страны помещики закабаляли крестьян, «заставляя их крестьянской лошадью (вернее в турецких условиях — волами. *А. Н.*), крестьянскими орудиями обрабатывать помещичью землю» (Ленин). В восточной и особеннно юго-восточной Анатолии господствовали еще феодальные отношения, переплетаясь с отношениями родово-племенными.

2) Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве вызвало, главным образом, в тех же прибрежных районах и рост капиталистических отношений в сельском хозяйстве и вследствие этого усиление

классовой дифференциации в деревне. Однако, рост капиталистических отношений был очень слабым, медленным и мучительным.

3) Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве было вызвано не ростом внутреннего рынка, а втягиванием Турции в обслуживание европейских рынков сырьем. Специализация турецкого сельского хозяйства также происходила под влиянием требований иностранного рынка. Чем большее развитие показывали турецкие специальные культуры, тем более турецкое сельское хозяйство попадало в зависимость от иностранного капитала. Иностранный капитал препятствовал развитию туземной промышленности, препятствовал развитию внутреннего рынка для сельского хозяйства. В своих интересах он консервировал в сельском хозяйстве самые отсталые производственные отношения и не только поддерживал феодальных эксплоататоров, но и сам выступал в такой роли по отношению к турецкому крестьянству. Поэтому иностранный капитал являлся главным тормозом развитию производительных сил в сельском хозяйстве Турции.

4) Борьба против феодальных пережитков была немыслима без антиимпериалистической борьбы. Антифеодальная борьба переплеталась с антиимпериалистической. Турецкое крестьянство могло сбросить с себя феодальный гнет, лишь борясь одновременно и против феодального режима и против империалистов. Вместе с тем лишь при условии свержения господства империалистов и феодалов, уничтожения феодальных методов эксплоатации турецкого крестьянства, можно было обеспечить трудящемуся возможность широкого развития в нем производительных сил.

5) Во время войны резко ухудшилось положение крестьянства, вследствие того, что все тяготы войны младотурецкое правительство и немецкие империалисты перенесли на него. Во время войны турецкому крестьянину был дан в огромном масштабе еще один наглядный урок того, как переплетаются интересы господствующего слоя с интересами империалистов, и необходимости сочетать антифеодальную борьбу с анти-империалистической борьбой. Вместе с тем, во время войны усилилась классовая дифференциация в турецкой деревне. Турецкий крестьянин, выросший политически во время войны, попавший в еще большую зависимость от эксплоататорской верхушки деревни, был переполнен классовой ненавистью к своим эксплоататорам. Турция была беременна аграрной революцией.

Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

Письмо Шамиля из Калуги

Во втором томе Записок Инст. Востоковедения АН[1] акад. И. Ю. Крачковский указывает на то значение, какое имеют арабские письма Шамиля не только для характеристики личности знаменитого имама и главы дервишского ордена наḳшбендӣйе,[2] но и для изучения тех форм, в которых преломлялся арабский язык в условиях его развития на Кавказе. В указанной статье у акад. И. Ю. Крачковского перечислены известные до сих пор письма Шамиля как в русском переводе, так и в арабском оригинале.[3] Среди последних известно небольшое собрание писем Шамиля и его сподвижников, хранящееся в Азиатском музее, ныне — рукописном отделе Института Востоковедения Академии Наук,[4] письмо Шамиля из Калуги к проф. А. Казембеку,[5] опубликованное Garcin de Tassy в Journal Asiatique, sér. 5, t. XV, 1860, p. 271, и наконец, недавно изданное И. Ю. Крачковским письмо к генералу Д. Н. Богуславскому.

К этому списку можно еще добавить хранящиеся в Музее Грузии, в Тифлисе, три письма Шамиля. Два из них относятся к 1271/1855 г.[6]

[1] Неизданное письмо Шамиля. ЗИВАН, II, 1, Ленинград, 1933, стр. 1—7. Также «Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле», ibid., стр. 9—20.

[2] Об этом ордене см. В. А. Гордлевский. Баха-уд-дин Накшбенд бухарский (к вопросу о наслоениях в исламе). Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей. Ленинград, 1934, стр. 147—169.

[3] Русский перевод письма Шамиля к английскому спортсмену Чапману напечатан в газ. «Кавказ», 1862, № 74, 4; см. также Выдержки из записок Абдуррахмана сына Джемалэддинова о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем. Тифлис, 1862, стр. 3—4.

[4] Акад. И. Ю. Крачковский. Ibid., стр. 1—2; B. Dorn. Über die im Asiatischen Museum befindlichen Briefe Schamil's und seiner Anhänger. Mélanges Asiatiques, VII, 1873—1876, стр. 45—52. Среди них встречается письмо, написанное наполовину на арабском, наполовину на гази-кумухском языке (Dorn, ibid., стр. 47, 50—52, № 24).

[5] От 13/25 XII 1859 г.

[6] Одно, размером в 9.5 × 8.8 см, в семь строчек, написано 2-го ша'бāна 1271 г. (=20 апреля 1855 г.); другое, большего размера (3,2 × 22) в 13 строк, с последующим продолжением письма на полях (с правой стороны) имеет дату: في ٨ رمضان ١٢٧١ (=25 мая 1855 г.). На обороте к обоим письмам приложена печать Шамиля.

и адресованы барону Николаи (1820—1891 г.), а третье написано уже после переселения Шамиля в Калугу и является ответом Шамиля капитану А. И. Руновскому.

В настоящей статье мы ограничиваемся опубликованием лишь последнего из этих писем.

Письмо написано на листе желтоватой бумаги без водяных знаков, размером в 29.5 × 22.5 см и перегнуто пополам вдоль листа. Текст письма занимает левую половину первого листа (25 строк на первой странице и 16 на второй), так что правая половина первого листа и весь второй лист — чистые. Таким образом, размер самого текста 25 × 10.5 см на первой странице и 15 × 10.5 на второй, включая подпись Шамиля.

На 1ʳ помещена приписка на русском языке «№ 221 Получ[ено] в октябр[е] 1864 года.» В верхнем правом углу, другими чернилами — цифра: 368.

Текст имеет следующий вид:

الى جناب رفيقنا القديم الكفطان الـگوردى افلون رونوسكى[1] زيد قدره اما بعد فلما وَرَدَ الينا خطابكم وسوألكم عن امور[2] خمسة اجبناكم بما يطابق الواقع احدها[3] ماتقولون فى حقّ جبال عندال من چَرْبلى الى بيان هَل كانت لامرآء آوار[3] امْ لا وهَل جعلتموه[4] من بَيت المال اَمْ لا وبمَاذا ختِم الدّعوى بين قرْيه خَرَج وعندال فى حقّ الجبل الجواب لذلك اما جبال[5] عندال[6] من چَرَبلى الى قرْية بيان فقد وجَدتها[7] فى ايديهم[8] يتصرّفون فيها تصرّف[9] الملاّك بالبَيع والمنع و اَخذ الخراج مِمّن حَضرُوا الرّعىَ بالمواشى والاَغنام كما هو[10] مشهُور لدى اهالى

[1] В тексте над буквой س стоит цифра ٣.
[2] В тексте под этим словом стоит цифра ٣.
[3] В оригинале над буквой ر стоит ـ٥ـ (сукӯн).
[4] В тексте над ه стоит знак ـےـ, который в рукописи обыкновенно употребляется для обозначения двух точек: ـےـ, ـےـ = ـ̈ـ, ـ̤ـ.
[5] В тексте под этим словом стоит знак ء.
[6] Под буквой د стоит цифра ٣.
[7] В тексте под ها стоит ء.
[8] В тексте под этим словом стоит цифра ٣.
[9] В тексте после ف как будто стоит еще ط
[10] Над этим словом стоит знак, напоминающий хамзу.

چَرْبلى [1] وكُنْبت [2] وغيرهما وَلا اعلم كَوْنَهَا* لِامرآء آوار [3] وَلكِنْ اهالى اچكرى [4] كانوا يقولونَ بذلك [5] وَرِجالٌ عندال يأبونَه [6] وينكرُون عليهم فى ذلك بغاية الانكار وكنتُ لااصغى الى اقوالهم [7] لانه لايُوجد لامثال هذه الاقوال عُرْوة يمسكُ [8] بها لدى الشّرِيعَة مع رسُوخ التحاسد بين اهل الولايتين من الزمان الاول وَلم اجْعلها* من بيت المال غير انّى لما مَسَّتْ حَاجَتى الى مصالح الولاية واِقام السِّيَاسَةِ التمست منهم** خراج [9] جبالهم الذى يأخذونه [9] من اهالى اچكرى [4] ومن سائر قرى [10] چچان [11] حين ترعى اغنامهم [12] ومَواشيهم [13] فى تلكم الجبال فقبلوا التماسِى ذلك طوعًا وَرِضآء وَسَلّمُوا الخراجَ الماخوذَ مِنهم كل عام الى ايدى رُسُلى بعد اَن جَمْعُوهُ مِنهم (فكنت آخذه) [14] كما كنتُ آخذ خراجَ سائر جبال داغستان [15]

ايضا و بالجملة لم يكن فيها [16] جبلٌ ولا مرج ولا بقعة الا وكنت آخذ خراجه لكن لا لاجل كونها لامرآء اوار [17] وغيرهم [18] ولا لجعلها مِنْ بَيْتِ المَال بَل لتلك الضرورة

* В тексте под ها стоит ء.

** В тексте под этим словом стоит цифра ٢.

1 Слово выскоблено и вписано впоследствии.

2 Буква ت снабжена сверху сукӯном, снизу кесрой.

3 Над буквой ر стоит знак ـْـ (сукӯн).

4 В тексте под буквой ك стоит знак ـهـ.

5 В тексте под буквой ل стоит знак, похожий на хамзу.

6 В тексте под буквой ه стоит знак, напоминающий хамзу.

7 В тексте под буквой ه стоит знак ـعـ.

8 Над буквой س стоит цифра ٢.

9 В тексте под этим словом стоит цифра ٤.

10 В тексте под буквой ى стоит знак ـه.

11 Над буквой ن стоит сукӯн.

12 В тексте под буквой ه стоит знак ـه.

13 В тексте над ى стоит сукӯн.

14 Слова, поставленные в скобках, вписаны впоследствии, под словом آخذه стоит цифра ٤.

15 В тексте над буквой س стоит цифра ٢; под ت стоит знак ـه.

16 Под ها стоит знак ـه.

17 В тексте над буквой ر стоит сукӯн.

18 Слово вписано потом.

الماشّة ومَعَ ذلك لم آخذْ الاّ ممّا اعتيد اخذهُ وَبذلهُ بين اهالى داغستان [1]
بَعضهُم لبَعضٍ من الجبال وَالمُروج وَالبِقاع على سَبيل خراج الرّعى هذا
وأمّا ما بين قريتى خَرج [2] و عندال فقد ترافعوا الينا دعوى فى حقّ جبلٍ قدّام
قريتهم [2] ما وَرآء النهر فامْرت بختمه بالشريعة فغَلَبَ عندال وَغُلِبَ خرج
وَ ثانيها [3] مَا تقولون [4] فيما بين قريتى سِلْدَه [5] و هَعْمَدَه [5] من الجبل المشترك
بينهمَا الجواب لذلكَ انه لما طالَ [6] التشاجر بينهما فى ذلك الجبل المشترك ارسلتُ [7]
رسلا لاقطاعه لهُما بحسَب صِغر القريتين و كِبَرهَا [8] ثم [9] وَضع الحدّ بَين اهليْهما
بشرط ان لا يتجاوزوا من الجانبين الى حدّ الآخرهذا ثالثها [10] فيما وقع بين Verso
قريتى هَكِرَصِّل [11] و هِمَصِّل [11] الجواب لذلك انْ كانَ النزاع بينهما [12] فى حق المزارع
فقد طال شكوى هِمَصّل [13] عندى بأن هَكرَصِّل [14] (اى بعض رجالهمْ الذين لهم مزارع فى
مزارع هِمَصِل) [15] يفسدون فى مزارعهْم [16] بارسال
الدوابّ و نحوه حين جاؤا الحصّاد مزارعهم [17] المملوكة لهم [17] فى مزارع هِمَصّل [18]
بشرآء و نحوه فلا يقدرون [16] عَليْهم [17] فى المنع عن المفاسد لضعف قوتهم [16] و قلة

1 Над этим словом (у буквы س) стоит цифра ٢.
2 Под этим словом стоит цифра ٢١.
3 Под этим словом стоит цифра ٣.
4 Слово написано второй раз, но потом зачеркнуто.
5 Под этими словами стоят цифры ٤ (٢٢?); над ه — сукӯн.
6 Буквы طا вписаны впоследствии.
7 Над буквой س стоит цифра ٢.
8 В тексте над этим словом стоит цифра ٢٢ (?).
9 Над этим словом стоит знак ء.
10 Под этим словом стоит цифра ٣.
11 Под этим словом стоит знак ←; над ل стоит сукӯн.
12 В тексте буквы ه не видно; под ما стоит знак ←.
13 Под этим словом стоит знак ء; над ل стоит сукӯн.
14 Под этим словом стоит неопределенный знак +; над ل стоит сукӯн.
15 Слова, поставленные в скобках, вписаны потом; в слове هِمَصّل над ل стоит ـٓ.
16 Под этим словом стоит знак ء.
17 Под этим словом стоит неопределенный знак +.

عددهم [1] فنهيت رجَال هَكِرَصِّل[2] عن ذلك الضرر المحذور و منعتهم [3] من الدخول فى مزارعهم[3] بعْد بلوغ هذه الشكاية الينا و امرتهم [3] اما ببيع تلك المزارع لاهل هِمَصِّل[4] بثمن المثل او باجارتها لهم [1] باجرة المثل حسمًا لباب المفسدة

رابعها[5] فيما وقع بين اهل القريتين مِلِلطَه[6] و زَنْدَق[6] فى حق جبل طَمُغْ[7]

الجواب لذلك لم يُرفع الينا دعواهُ[8] فيما علمناه فلا ندرى حكايته هذا

خامسُهَا[9] فيما وقع بين اهل قريتى اَرْغُنَه[10] و بُرِتْنَه[10] فى حق جبل لَبَلْ رَقْن •

الجواب لذلك لا اتذكر الآن حقيقة ما فعلتُ بينهما [11] وَلكِنْ اظُنّ اَنّه لم نختم دَعْواهما بَل اسْكتّهمْ حتى نفرغ لمثلهِ[12] هذا هُو المَعْلُومُ عندنا يقينا وَاللّه تعالى اعلم بحقائق الامور و بيده مقاليد الخيور و[الشرور

هَذا وَقعَ تحريرا فى ١٩ من شهر ربيع الاول فى مدينة كالوكا سنة ١٢٨١ وانا الفقير الشيخ الهرم شمويل[13,14]

1 Под этим словом стоит ۶.
2 В тексте под этим словом стоит непонятный знак -+-, над ل стоит сукӯн.
3 В тексте под этим словом стоит знак -+-.
4 В тексте под этим словом стоит знак ۶; над ل стоит сукӯн.
5 В тексте под этим словом стоит цифра ۳.
6 Над последней согласной стоит сукӯн.
7 В тексте под этим словом стоит цифра ۴; над خ стоит сукӯн.
8 В тексте под буквой ه стоит цифра ۴.
9 В тексте под этим словом стоит цифра ۳.
10 Под этим словом стоит цифра ۳; над последней согласной стоит сукӯн.
11 В тексте под этим словом стоит цифра ۳; после этого слова стоит непонятный знак ح̃.
12 Над этим словом (у буквы ه) стоит маленькая буква ه.
13 В конце стоит непонятный знак (۲?).
14 Посредине бумаги помещена корона, по сторонам надпись: ТОВ ДИТ (два раза).

Мы уже отметили, что письмо хранится в Музее Грузии и входит в состав коллекции известного грузинского деятеля и журналиста М. Б. Туманишвили (Туманова). Оно вложено в перегнутый вдвойне белый лист бумаги с водяными знаками размером в 35.5 × 22 см и надписью «Имам Чечни и Дагестана Шамиль».

Весь этот материал вместе с другими письмами помещается в папке, на которой имеется надпись на грузинском языке: ავტოგრაფები (автографы). Очевидно владелец рукописи считал его автографом Шамиля, и действительно, если сравнить это письмо с другими, известными его автографами,[1] несомненно, что подпись нашего письма وانا الفقير الشيخ الهرم شمويل принадлежит самому Шамилю. Почерк здесь крупнее и увереннее, чем, например, в письме к генералу Богуславскому,[2] но начертания отдельных букв, как и целых слов (شمويل, الهرم, الشيخ) нашей подписи говорит за то, что она писана той же рукой.

Основной текст письма не принадлежит самому Шамилю. В этом сразу можно убедиться при сличении обоих почерков. Хотя по характеру начертания отдельные буквы основного текста имеют некоторое сходство с буквами, встречающимися в подписи Шамиля, но это объясняется тем, что и те и другие одинаково характеризуются распространенными на Кавказе особенностями арабского письма. В общем же несколько мелкий канцелярский почерк основного текста существенно отличается от смелого и уверенного почерка Шамиля.

К письму приложен русский перевод, который занимает четыре страницы перегнутого вдвойне листа белой бумаги, без водяных знаков, размером в 29.5 × 20 см. Размер самого текста 25 × 15 см. На первой странице 22 строки + четыре строчки позднейшей приписки. Вторая страница состоит из 24 строк, третья — из 25[3] и четвертая — из 19. В правом, верхнем углу первой страницы стоит цифра 365; она потом зачеркнута и взамен вписана другой рукой новая цифра 367. Кроме того, в левом верхнем углу второй страницы стоит неясная цифра (1?), а в правом верхнем углу третьей страницы цифра 372.[4]

[1] Акад. И. Ю. Крачковский. Неизданное письмо Шамиля. Зап. Инст. Востоковедения. Ленинград, 1933, II, I. Ср. факсимиле письма Шамиля от 22 июля 1869 г.; также Е. А. Вердеревский. Плен у Шамиля, СПб., 1856, III ч.; Русская Старина, т. XVIII, 1878. Приложение (гравированный портрет Шамиля с его подписью).

[2] ЗИВ, Ср. факсимиле письма Шамиля от 22 июля 1869 г., стр. 6—7.

[3] Кроме того, на полях этой страницы (с левой стороны) имеется приписка в три строки той же рукой, что и на первой.

[4] В рукописи не ясно, может быть 342 или 312.

Перевод имеет следующий вид:

Капитану гвардии Аполлону[1] Ивановичу Руновскому. Мы получили от Вас 5-ть запросных пунктов относительно[2] поземельных[2] споров между жителями Терской и Дагестанской областей. Запрос первый заключается в том: как могу объяснить я принадлежность андийских гор от Чаберлоя до Беноя — принадлежностью ли байтуль-мала, или бывшею собственностью аварских ханов, или ни тем, и[3] ни другим; и, наконец, чем окончилась между андийцами и ичкеринцами[4] тяжба за гору.

На этот запрос я даю такое объяснение. Горы, идущие по направлению от Чаберлоя до Беноя я застал в полном и непосредственном распоряжении андийцев как владетелей, которые позволяли пускать на них чужие стада, с пастухов таких стад брали за пастьбу плату или ясак, что хорошо известно обществам Чаберлой, Гумбет и др.; не знаю также, чтобы горы эти когда-нибудь были собственностью аварских ханов, хотя ичкеринцы и доказывают их права; настойчивость же противоречий андийцев в доказательствах прав собственности аварских ханов ичкеринцами доходит до крайних[5] пределов. Не обращаю и я внимания на показания ичкеринцев, как не заслуживающие вероятия, объем слов которых из-за одного упорства не в состоянии распространиться на слова Шариата и осилить его.[6] В казну[7] я не брал гор, а когда бывало случалась надобность поддержания в народе порядка и покоя, я обращался с просьбою кандийцам уступить мне доход их с гор, которыми они пользовались, получая от ичкеринских аулов и от аулов других обществ за пастьбу на горах их скота. Андийцы беспрекословно изъявляли полное согласие на мои просьбы и по собрании уже отдавали мне свой ежегодный ясак, вручаемый ими моим послам. Такие сборы я делал, впрочем, со всех дагестанских гор; не было в Дагестане[8] участка земли, горы, луга, на доход с которых не распространялось право мое, не из принадлежности земель аварским ханам и не из принадлежности их байтуль-малу, а из желания доставить народу по-

[1] В рукописи: Аполону.

[2] В оригинале слово повторено в скобках.

[3] Слово вписано потом.

[4] К этому слову приписано рукой капитана Руновского следующее примечание: «Тут ошибка или Шамиля, или переводчика: при Шамиле был у андийцев (в рукописи: Андийцов) один только спор — с харачоевцами, но не со всеми ичкеринцами, и притом именно не за горы (подчеркнуто в оригинале), а за одну гору. Капитан Руновский.»

[5] С этим словом текст переходит на оборот листа.

[6] Подчеркнуто в оригинале.

[7] В рукописи прибавлено в скобках: (гор).

[8] В рукописи прибавлено в скобках: (куска).

рядок и спокойствие. Тяжба между андийцами и харачоевцами за гору против аула Харачой, за речкой, восходила и до меня. Я разобрал ее по шариату, и андийцы выиграли дело.

Запрос[1] второй о том, чтó скажу я по поземельному же[2] спору между сильдагцами и гаамадагцами.

Когда дошли до меня сведения о неудовольствиях друг на друга обществ Сильдаг и Гаамадаг за права пользования горой, которой оба эти общества владели вместе, я послал от себя доверенных лиц, которые бы уравняли эти аулы в их владениях землею и тем покончили бы их несогласия. Граница была положена, и условие не переходить границу было сделано.

Запрос третий о деле обществ Гакирасиль[3] и Гимасиль.[4]

Относительно обществ Гакирасиль и Гимасиль, если говорится о споре за уничтожение посевов, то общество Гимасиль жаловалось мне на[5] жителей Гакирасиль, которые, отправляясь на свои покупные поля, находящиеся между нашими полями, собирать хлеб, истребляют гимасильские посевы, распуская по ним свой скот, и что гимасильцы, видя преимущество сил противников перед силами собственными и видя бóльшее число их, не могут воспрепятствовать им в том. Я запретил гакирасильцам[6] причинять вред обществу Гимасиль и не заходить и не пускать на поля их свой скот, а для избежания всех неприятностей продать[7] поля гимасильцам или же удовлетворять из за потраву.

На запрос о деле михлильтинском и зандаковском я не могу дать Вам ответа, за исключением одного, что спор этих обществ не доходил до меня.

Подробных обстоятельств дела аргуанинцев и буртунаевцев (за гору Лаберетляу),[8] как и моих распоряжений относительно его, я не припомню.

Думаю, однакож, что спор между ними за эту гору еще не решен, а[9] оставлен до окончания других, подобных ему. Это мы считаем таким объяс-

[1] Стр. 3; с этого места вплоть до конца страницы текст подчеркнут с левой стороны. На полях, слева, имеется, приписка в три строки рукой капитана Руновского: «Об этих делах запроса оффициального Шамилю не было, потому что оне. решены без его посредничества. Сообщил же я Шамилю об этом в частном письме.»

[2] Последние два слова вписаны впоследствии.

[3] В тексте к этому слову приписано карандашом: Хакуари.

[4] К этому слову имеется приписка карандашом: Химой.

[5] После этого слова в рукописи написано: об-, которое потом зачеркнуто.

[6] В подлиннике: гикарасильцам.

[7] С этим словом текст переходит на оборот второго листа (четв. стр.).

[8] Слова, поставленные в скобках, вписаны потом.

[9] В тексте сначала стояло *и*, которое потом переделано в *а*.

нением, которое не заслуживает никакого сомнения. Впрочем, бог великий лучше нас всех[1] знает; в руках его добро и радость.

19 Рабиу-ль-авваля[2] *Шамиль.*

1281 года

Город Калуга

Переводил письменный переводчик ичкеринского округа хорунжий Ерофеев.»

Перевод этот, как ниже выяснится, не совсем соответствует оригиналу. Переводчик, очевидно, не обладал блестящим знанием арабского языка и не всегда понимал своеобразный арабский стиль бывшего имама. В действующей на Кавказе русской армии таких переводчиков было достаточное количество,[3] но редко кто из них знал основательно арабский язык, поскольку об этом можно судить на основании сохранившихся до сих пор переводов. Исключение составляет полковник (впоследствии генерал) Д. Н. Богуславский,[4] который между прочим переводил на русский язык Коран.[5]

Ввиду того, что в переводе Ерофеева отдельные фразы опущены, а некоторые места поняты не верно, мы даем свой, более близкий к арабскому подлиннику перевод:

«Нашему старому другу капитану гвардии Аполлону Руновскому, да возвеличится его сан!

А затем вот что. После того, как дошло до нас Ваше письмо с Вашими вопросами о пяти делах, мы отвечаем то, что соответствует действительности.

[1] Слово вписано потом.

[2] Подчеркнуто в оригинале.

[3] В ответ на письмо Шамиля от 11 сентября 1859 г. генерал Барятинский пишет: «Продолжайте извещать меня о себе и пишите прямо по-арабски. При мне есть довольно много людей, знающих основательно этот язык; они верно передадут мне содержание Ваших писем, которые таким образом будут для меня ценнее, ибо они останутся у меня, как память о Вас и прямое выражение неискаженных Ваших чувств ко мне.» (Русская старина, т. XXVII, 1880, стр. 805, прим. 2). Там же помещается несколько переводов писем Шамиля: «Переводил войска донского сотник Онуфриев» (стр. 809, 810) и т. д. На стр. 806 напечатано письмо Шамиля, которое, по мнению М. И. Ольшевского, написано адресатом нашего письма капитаном Руновским.

[4] Он переводил письмо Шамиля генералу Барятинскому от 10 сентября 1861 г. (Русская старина, XXVII, 1880, стр. 807, прим.); ср. также опубликованное И. Ю. Крачковским письмо (ЗИВ, II, 1, стр. 6).

[5] И. Ю. Крачковский. Zur Bedeutung von an-naǧm im Koran, Sure 55, ДАН-В, 1930, стр. 184, прим. 15.

Первый из них:[1] «Что Вы скажете относительно гор андийцев[2] (идущих) от Чарбили[3] до Баяни,[4] принадлежали ли они аварским эмирам,[5] или нет, отнесли ли Вы их к государственной казне, или нет и чем кончилась тяжба между деревней Харачи[6] и андийцами из-за горы?»

Ответ на это: Что касается гор андийцев (идущих) от Чарбили до деревни Баяни, то я их застал в их[7] руках. Они распоряжались в них как владельцы, по своему благоусмотрению (делами) купли и продажи, запрещения (пользования горами) и взимания подати с тех, кто приходил на пастбища со своим скотом и стадом, как это известно жителям Чарбили, Гумбета[8] и др. Я не знаю, принадлежали ли они аварским эмирам,[9] однако жители Ичкерии[10] утверждали это, но андийцы отрицали это и опровергали крайним опровержением; а я не слушал их слов, так как у этих утверждений не имеется опоры, за которую можно было бы ухватиться перед законом, несмотря на (существовавшую) с древнейших времен крепкую зависть друг к другу между жителями этих двух обществ. Я их не относил к государственной казне, но когда настоятельная необходимость, в интересах страны и по соображениям политики, вынудила меня к этому, потребовал я с них подать их гор, взимаемую ими с жителей Ичкерии и с остальных деревень Чечни, когда их скот и стада паслись на этих горах. Они приняли мое это

1 Из вопросов.

2 При прибавлении ال к географическим названиям образуются имена обществ (см. замечание Шамиля по поводу названия «Телетль» у А. И. Руновского. Дневник полковника Руновского, состоящего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862 год. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1904, т. XII, стр. 1507).

3 Чаберлой (или Чабирлой) русских источников. См. А. П. Берже, Чечня и чеченцы. Кавказский календарь на 1860 г. 3, 4, 5, 82 (см. также карту); И. М. Попов, Ичкерия (Историко-топографический очерк). Сборник сведений о кавказских горцах, вып. IV, Тифлис, 1870, стр. 15, 16, 18.

4 Беной русских источников. Ср. А. П. Берже, цит. соч., стр. 31; у Линевича Баян. (Карта горских народов подвластных Шамилю. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VI, Тифлис, 1872. См. русский перевод карты); по свидетельству Руновского Шамиль называл это селение Баяни (Акты, XII, стр. 1446, 1507).

5 Т. е. ханам.

6 Харачой или Хорочой русских источников. См. Берже, цит. соч., стр. 28; Н. М. Попов, о. с. стр. 2—7 (у Попова рассказана легенда об основании этого аула); по свидетельству Руновского Шамиль будто бы называл этот аул Харакчи (Акты, XII, стр. 1445).

7 Т. е. андийцев.

8 У Юсуф Хаджи Сафарова (о нем см. А. Н. Генко. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля, Зап. Инст. Востоковед. Акад. Наук, II, I, Ленинград, 1934, 21—36) كونبت (см. Линевич, цит. соч.). В русской передаче вместо «н» употребляется ассимилированный последующему «б» звук «м» или более близкая к оригиналу форма Гюнбет.

9 Т. е. ханам.

10 Об Ичкерии см. цит. соч. Попова.

требование с покорностью и удовлетворением и вручали взимаемую ими подать ежегодно моим посланцам, после того, как они ее собирали. И я брал ее, так же как и брал подать и с остальных гор Дагестана, и вообще не было в нем горы, ни луга, ни участка земли, с которых бы я не брал подати, но не из-за принадлежности их аварским эмирам[1] и др. и не для того, чтобы отнести их к государственной казне, а из-за той настоятельной необходимости. При этом я брал только то, что было обычаем среди жителей Дагестана брать и давать друг другу с гор, лугов и участков земли в качестве подати за пастбища. Вот так.

Что касается деревни Харачи и андийцев, то они перенесли к нам тяжбу из-за горы, что перед их деревней, за рекой. Я приказал решить ее по закону, вследствие чего выиграли андийцы и проиграл Харачи.

Второй из них: «Что Вы скажете о находящейся между деревнями Сильдах[2] и Хаʻмадах[3] общей горе?»

Ответ на это: Когда затянулся спор между ними об этой общей горе, я послал посланцев, чтобы распределить ее между ними сообразно с величиной этих двух селений, а потом установить границу между их жителями с условием, чтобы ни одна сторона не переходила через границу другой. Вот так.

Третий из них: «Что произошло между деревнями Хакираҫҫил[4] и Химаҫҫил?»[5]

Ответ на это: Если между ними был спор по поводу пахотных полей, то химаҫҫильцы долго жаловались передо мной, что хакираҫҫильцы (т. е. некоторые из них, у которых имеются поля среди полей химаҫҫильцев) производят потраву в их полях, пуская животных и т. п. при приходе жнецов в обладаемые ими среди полей химаҫҫильцев свои поля, (приобретенные) путем купли и т. д. и что эти не могут одолеть их и удержать от этой потравы, вследствие слабости их силы и их малочисленности. Я удержал хакираҫҫильцев от (причинения) этого вреда, которого следует избегать, и запретил им заходить в свои поля после того, как дошла до нас эта жалоба, и приказал я им или продать эти поля жителям Химаҫҫил

[1] Т. е. ханам.

[2] Сильди пятиверстной карты (?); Ан. Ж. 6, 63°30′—42°30′. Ср. Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890, Анд. 74.

[3] Название мне не известно.

[4] Гакуари ункратль-чамалальского наибства (?); ср. Дагестанская область, Анд. 60.

[5] Имеется в виду Химой русских источников. См. А. Россикова. Путешествие по центральной части горной Чечни, Зап. Закавказск. отд. имп. Русск. Геогр. общ., кн. XVIII, Тифлис, 1896, стр. 184—185. (Название установлено А. Н. Генко).

по соответствующей цене, или же передать их им в аренду за соответствующую плату для пресечения вреда.[1]

Четвертый из них: «Что произошло между жителями деревень Метлельṭа[2] и Зандаḳ[3] по поводу горы Ṭамух̮?»[4]

Ответ на это: До нас не доходила их жалоба, поскольку нам известно, и не знаем мы эту историю. Вот так.

Пятый из них: «Что произошло между жителями деревень Аргуна[5] и Буртина[6] по поводу горы Лабалраḳан».[7]

Ответ на это: Сейчас я точно не помню, что я сделал среди них, но думаю, что я не решал их тяжбы, а заставил их замолчать, пока я не освободился бы для тому подобных дел.

Вот это нам известно достоверно, впрочем аллах всевышний более сведущ в истинных делах и в его руках ключи добра и зла. Вот так.

Написано 19-го месяца Рабӣʿ первого, в городе Калуге, в 1281 году.[8]

А я бедный, старец дряхлый, Шамуӣль.»

Для Шамиля такая подпись характерна в этом периоде.[9] Несколько раньше он подписывался иначе.[10] Пристав при Шамиле полковник П. Г.

[1] Слова, поставленные в скобках, в подлиннике добавлены потом.

[2] В гумбетском наибстве. Мехельта или Метлельта русских источников. (Знак ڸ передает латеральный t, которое в современном аварском письме обозначается посредством ƚ. см. Єeħijare avar alipba. Mahac-Qala, 1928, таблица). Об этом ауле см. Берже, цит. соч., (карта); Дагестанская область, Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890, 32, 5; Акты XII, стр. 1150, 1151 и сл.

[3] В Аухе. См. Берже, цит. соч., стр. 33; Хаджи Юсуф у Линевича; Акты, стр. 690, 1038, 1058, 1062, 1132.

[4] К юго-востоку от Зандаḳа. На пятиверстной карте Томух.

[5] В Гумбете, Аргуани русских источников. См. Дагестанская область, 32, 7; Хаджи Юсуф у Линевича (см. карту); Акты, XII, стр. 1081, 1150, 1151, 1158, 1162.

[6] В Салатаве. Буртунай русских источников. См. Берже, цит. соч. (карта); Хаджи Юсуф у Линевича, цит. соч.; по свидетельству Руновского Шамиль называл этот аул Буртына (Ср. Акты, XII, стр. 1507).

[7] Лабалратлян пятиверстной карты. (Знаком ڨ передан латеральный смычно-гортанный звук, обозначаемый в современном аварском письме через q̱. Ср. Єaħije avar alipba, Mahac-Qala, 1928, таблица).

[8] 22 августа 1864 г.

[9] Ср. подпись письма от 2 января 1860 г.: «Остаюсь с чувством глубокого уважения и преданности к Вашему сиятельству дряхлый старец Шамиль». (Русская Старина, XXVII, 1880, стр. 809); в письме генералу Барятинскому (от 14 февраля 1865 г.) Шамиль подписывается: «Раб божий, бедный старец Шамиль». (Русская Старина, ibid., стр. 809). Ср. также письмо от 4 марта 1869 г. (ibid., стр. 810).

[10] В письме от 29 июля 1862 г. из Калуги имеется подпись «бедный перед богом Самуил (Шамиль)». (Русская старина, ibid., стр. 808). Ср. также письмо к генералу Барятинскому «я бедный раб всевышнего бога Шамиль.» (Русская Старина, ibid., стр. 806) или письмо от

Пржецлавский говорит в своих воспоминаниях,[1] что «для возбуждения к себе сочувствия влиятельных лиц, на письмах своих калужский пленник подписывался прежде: «Раб божий Шамуиль», потом: «Раб божий, бедный Шамуиль», а теперь: «Раб божий, бедный старец Шамуиль». Пржецлавский утверждает, что таким «лукавством» Шамиль хотел добиться разрешения отправиться в паломничество в Мекку и поясняет, что «в деле интенционализма мусульмане-фанатики не уступят иезуитам»,[2] подкрепляя свое это мнение ссылкой на Коран. Необоснованность предположений подозрительного полковника видна хотя бы из того, что и после поездки в Мекку Шамиль не переставал подписываться по-старому.[3]

Написанное в Калуге 19 Рабӣʻ первого 1281 г. (=22 VIII 1864) письмо адресатом получено в октябре 1864 г.[4] Известно, что после того, как Шамиль сдался генералу Барятинскому (25 августа 1859 г.),[5] он был отправлен в Петербург и представлен Александру II.[6] Вслед за тем Шамиль переселился в Калугу, куда он прибыл 10 октября 1859 г. в сопровождении полковника Д. Н. Богуславского.[7] В момент написания нашего письма Шамиль проживал в Калуге под наблюдением полковника П. Г. Пржецлавского.[8]

Адресат письма, капитан Аполлон Иванович Руновский (1823—28 апреля 1874 г.)[9] долго состоял приставом при Шамиле. На эту долж-

24 августа 1860 г. «смиренный раб божий Шамиль.» (ibid., стр. 807). ср. П. Г. Пржецлавский (Русская Старина, 1877, XX, стр. 471), также газ. «Кавказ», 1862, № 74, стр. 4. Выдержки из записок Абдуррахмана, сына Джемалэддинова о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем. Тифлис, 1862, стр. 34. С подписью Шамиля по стилю сходна подпись одной из его жен, Шуаннат «нуждающаяся в милости божией Шуаннат, жена бедного странника Шамуиля». (Записки о Шамиле пристава при военнопленном А. Руновского, III, Семейство Шамиля, стр. 16). Перепечатано из Военного Сборника, т. XIII, СПб., 1860, стр. 204.

1 Шамиль в Калуге. Записки полковника П. Г. Пржецлавского. (Русская Старина, XX. 1877, стр. 259).

2 Русская Старина, XX, 1877, стр. 260, прим.

3 Ср. письмо от 12 Рабӣʻ первого 1286 г. (=22 июня 1869 г.) وانا الشيخ (وانا لشيخ) الهرم شمويل (в рукоп. (И. Ю. Крачковский, ЗИВАН, II, 1, стр. 3); также письмо от 14 января 1871 г. из Медины «больной и слабый Шамиль». (Русская Старина, т. XXVII, 1880, стр., 811); письмо от 2 «зикаде» 1287 г. из Медины же «больной и глубокий старец Шамиль» (газ. Кавказ, 1871, № 96, 2).

4 См. выше, стр, 3.

5 W. Barthold, Encykl. d. Islām, IV, S. 330. Ср. также телеграмму ген. Барятинского (Русская Старина, XXVII, 1880. стр. 830).

6 W. Barthold, ibid., IV, S. 330.

7 И. Ю. Крачковский, ЗИВАН, II, 1, стр. 6.

8 Ему принадлежат воспоминания о Шамиле. Русская Старина, XX, 1877, стр. 253—276; 471—506; т. XXI, 1878, стр. 41—64; 265—280; к т. XVIII, 1878 приложен гравированный портрет Шамиля с его подписью.

9 Акты, XII, стр. 1395, где имеется его формуляр.

ность он назначен 9 октября 1859 г.[1] После переселения Шамиля в Калугу Руновский вскоре прибыл туда же[2] и оставался там до конца 1861 г.[3] В ноябре 1861 г. Руновский назначен для особых поручений при наместнике Кавказа.[4] В марте 1862 г. он выехал к месту своей новой службы[5] и пребывал в Тифлисе продолжительное время. Позднее он исполнял должность помощника военного губернатора Сыр-дарьинской области. Скончался там же 28 апреля 1874 г.[6]

В момент написания письма А. Руновский состоял при главнокомандующем для особых поручений.[7] В это же время М. Б. Туманишвили (Туманов) служил редактором «Временного управления по делам гражданского устройства края».[8]

Этим и объясняется, что письмо сохранилось в коллекции Туманишвили.

А. Руновский находился в близких отношениях с Шамилем и долго не прерывал с ним связи. Шамиль с Руновским скоро подружился и после разлуки с ним хорошо отзывался о нем. Позднее, когда преемник Руновского на должности пристава при Шамиле полковник Пржецлавский был отстранен от должности, Шамиль хотел просить министра прислать к нему опять капитана Руновского.[9]

А. Руновский известен своими воспоминаниями о Шамиле.[10] Во время своего пребывания при Шамиле, по приказанию военного ми-

[1] Отзыв военного министра ген.-адъют. Сухозанета главнокомандующему Кавказской армией ген.-фельд. кн. Барятинскому от 18 октября 1859 г. за № 889. Акты, XII, стр. 1525—1527. Зять и шурин Шамиля ʿАбдарраҳмāн говорит в своих воспоминаниях о назначении Руновского к Шамилю в 1277 (=1860 г.). см. И. Ю. Крачковский, Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле, Зап. Инст. Востоковед. Акад. Наук, II, I, Ленинград, 1933, стр. 12.

[2] Записки о Шамиле пристава при военнопленном А. Руновского, стр. 11, 15. СПб., 1860. (На обложке указан 1861 г.).

[3] А не 1869 г., как это указано в Актах, XII, стр. 1395. Ср. Кавказский календарь на 1862 г., стр. 438. 23 ноября приставом при Шамиле назначен. полк. II. Г. Пржецлавский. Русская Старина XX, 1876, стр. 254.

[4] Акты, XII, стр. 1395.

[5] Ibid., стр. 1395.

[6] Акты, XII, стр. 1395.

[7] Кавказский календарь на 1864 г., стр. 369.

[8] Ibid., стр. 346.

[9] Пржецлавский в Русской Старине, XXI, 1878, стр. 280.

[10] Его воспоминания печатались в Военном сборнике: Знакомство с Шамилем, X, 1859, № 11, стр. 197, сл.; Шамиль, XI, 1860, № 2, стр. 529—582 (ср. также Кавказский календарь на 1861 г., стр. 1—75); Семейство Шамиля, XIII, 1860, № 4, стр. 189—218; Канлы в немирном крае, XIV, 1860, № 7, стр. 199—216; Шамиль в Калуге, XVII, 1861, № 1, стр. 133—200; Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане, XVI, 1862, № 8, стр. 373—404; Кодекс Шамиля, XXIII, 1862, № 2, стр. 327—386; Ср. также Записки

нистра,[1] Руновский вел дневник, который потом был напечатан в XII томе Актов. В этом дневнике он дает интересные сведения о горцах и богатый материал для характеристики личности знаменитого имама. В 1862 г. он опубликовал в газете «Кавказ»[2] воспоминания о Шамиле его зятя и шурина Абдуррахмана.[3] Предисловие к этим воспоминаниям дает основание предполагать, что арабский оригинал Абдуррахмана перевел на русский яз. сам Руновский, но акад. И. Ю. Крачковский поставил под сомнение вопрос о знании Руновским арабского языка.[4] В своих воспоминаниях Руновский рассказывает, что с Шамилем он разговаривал через переводчиков.[5] Теперь, благодаря примечанию Руновского к переводу Ерофеева, выясняется, что Руновский с арабским не был знаком, иначе он понял бы, что в вопросе о тяжбе между андийцами и харачоевцами ошибся переводчик, а не Шамиль.[6]

Письмо Шамиля является ответом на запросы Руновского. Нам не известно, где теперь находится письмо Руновского, но благодаря ответу Шамиля полностью выясняется его содержание. Речь идет о споре между жителями разных аулов по поводу пастбищ, полей и т. д. Такие споры в горах происходили довольно часто. Спор между андийцами и харачоевцами, в частности, достаточно известен. Харачоевцы даже легенду о происхождении своей фамилии связывают с историей этого спора.[7] По словам харачоевцев «когда-то, давно, из аула Нашахэ пришел с семейством к харачоевскому ущелью Бики; впоследствии он стал очень богатым человеком и имел много скота, пастьбу которого на горах стесняли тогда андийцы из аула Зило (Дагестанской области), так как горы те, принадлежавшие аварским ханам, были без исключения уступлены им владельцами за определен-

пристава при военнопленном А. Руновского, СПб., 1860 (на обложке указан 1861 г.); также Акты, XII, стр. 1395—1526; кроме того: Мюридизм и газават по объяснению Шамиля, Русский вестник, XXXVII, 1862, № 2; (напечатана также в Газ. «Кавказ», 1863, № 3, 7); Легенды, народная медицина, предразсудки и верования дагестанских горцев. Составлено со слов Шамиля и членов его семейства. Библиотека для чтения, 1862 г. В газ. «Кавказ», 1869, № 30 напечатана статья Руновского: Цифра Кавказского бюджета с 1864 по 1869 г.

1 Акты, XII, стр. 1527.

2 №№ 72—76. См. также: Выдержки из записок Абдуррахмана и т. д. Тифлис, 1862.

3 Об этом см. И. Ю. Крачковский, Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле. Зап. Инст. Востоковед., т. II, вып. 1. Ленинград, 1933, стр. 9—20.

4 Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле, стр. 13, прим. 5. Как выяснил И. Ю. Крачковский, опубликованный Руновским текст не является переводом рукописи Азиатского музея Академии Наук, как это думал W. Barthold, Encykl. d. Islām, IV, S. 330.

5 Напр., Богуславского (Акты, XII, стр. 1419, Записки о Шамиле, II и прим.), или Громова (Акты, ibid., стр. 1395).

6 Что касается замечания Руновского о том, что спор между андийцами и харачоевцами был за одну гору, а не за горы, то в данном случае Руновский поторопился. Как в оригинале, так и в русском переводе Ерофеева говорится именно об одной горе.

7 Попов, цит. соч., стр. 5.

ный ясак. Зилоевцы угоняли скот Бики, что не обходилось без кровопролития. Кровь требовала крови, почему Бики, в видах самосохранения и дорожа жизнью своих работников, предпринял постройку башни,[1] применив ее к оборонительным целям», но так как случаи убийства и после того не переставали повторяться, то Бики решил «войти в переговоры с андийцами по поводу определения на горах границы, с обязательством уплаты ясака ханам при посредстве зилоевцев, и тем совершенно покончить всякое между ними недоразумение».[2] По предложению Бики «два верховых — один харачоевец, а другой зилоевец, — должны были скакать на андийские горы, каждый от границы своего аула и там, где они встретятся, провести межу пастбищ, андийских — к аулу Зило, а харачоевских — к башне Бики. Верховые условились во времени и пустили лошадей насколько хватало сил; встреча их произошла на горе, около озера Чархи-ам». После решения спора с зилоевцами Бики написал на камне время скачки и объяснил место, разграничивающее пастьбу, — озеро Чархи-ам; камень тот он положил в одну из стен своей башни, над дверями, где он находился даже в первое время имамства Шамиля, несмотря на то, что Бики давно уже не существовал и что личных прав на башню никто не имел. Во время Шамиля, между харачоевцами и андийцами спор за пастбища, решенный Бики, возник снова. Андийцы, с тех пор как Шамиль провозгласил себя имамом и перерезал ханских потомков, отвергали какую бы то ни было границу на тех горах, присваивая их себе; харачоевцы доказывали принадлежность гор аварским ханам, получавшим за них ясак, указывали на камень, надпись на котором обозначала границу пастбищ тех и других. Шамиль желая убедиться в деле уже раз решенном, потребовал от харачоевцев доставить ему тот камень; но андийцы, имея в виду спор за горы, предварительно вынули камень из стены и разбили его вдребезги. «С тех пор, — заключают харачоевцы, — лишившись такого доказательства на право иска, мы потеряли не мало».[3]

Рассказавшие Попову вышеприведенную историю харачоевцы к эпохе Шамиля возводят спор о горах вообще, но из письма Шамиля, так же как и из примечания Руновского видно, что при Шамиле спор был только об одной горе, «что перед деревней, за рекой».

[1] Указанная башня описана Поповым, цит. соч., стр. 4.

[2] Ibid., стр. 5.

[3] И. М. Попов. Ичкерия (Историко-топографический очерк). Сборник сведений о кавказских горцах, вып. IV, Тифлис, 1870, стр. 7. Ср. А. Россикова, Путешествие по центральной части горной Чечни, Зап. Закавказск. отд. имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XVIII, Тифлис, 1896, стр. 152—153, 167—168.

Интересно заявление Шамиля о том, что подать с гор, пастбищ и лугов он брал не потому, что они принадлежали аварским ханам и др., а потому, что он вынужден был поступить так в интересах страны и по политическим соображениям. Весь государственный доход Шамиля, как известно, состоял из трех частей: закāта, х̱умса и х̱арāджа, который он брал с конфискованного имущества бывших аварских ханов и др.[1] По словам Гаджи-Али харадж ежегодно составлял не менее 3200 руб.[2] Отчисление этого дохода в государственную казну Шамиль объясняет государственной необходимостью.

Письмо Шамиля интересно и в другом отношении. Прежде всего обращает на себя внимание лаконический стиль арабского текста. Очевидно, Шамиль основательно усвоил не только язык, но и стиль классических арабских произведений. Тем не менее в тексте встречается несколько выражений, которые нельзя считать абсолютно правильными. Характерно употребление сукӯна в паузе после долгого ـَا в конце слова آوَانْ R 4, 8, 18; جِبَالْ R 14. В географических названиях последняя согласная буква всегда снабжена сукӯном, вместо обычной для классического языка даммы (в имен. пад.) или фатх̱и (в косв. пад.).

Рукопись более интересна в палеографическом отношении. Писана она типичным для Кавказа почерком. Характерны начертания отдельных арабских букв, так же как и диакритических точек. Обращает на себя внимание необычное употребление некоторых знаков. Иногда под буквой ставится знак, похожий на хамзу: جبال R 5; وجدتها R 6; كَوْنها R 8; بذلك R 9; يأبونه R 9; ولم اجعلها R 12; فى مزارعهمْ V 3; يقدرون V 5; قوتهم V 5: عددهم V 6; هَمَّصَلْ V 8; لهم V 8; для надчеркивания слова пишется знак, имеющий форму удлиненной хамзы: فقبلوا R 15; وسلّموا R 15; وبالجملة R 17; واَمّا R 21; وثانيها ماتقولون R 23; لاقطاعه R 25; ثم R 25; الجواب R 24; V 2, 10, 12

[1] Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VII, Тифлис, 1873, стр. 74. По словам автора Книги Асари Дагестан, «у Шамиль-эфенди было казначейство установленного бейтулмала, коего доходы составлялись из закятов мусульман, частью из хумсов доставшейся на войне добычи и из податей, взимавшихся с некоторых селений и пастбищных гор на основании порядка, сохранившегося в Аварии со старых ханских времен». Книга Асари Дагестан. (Исторические сведения о Дагестане). Составил Мирза Гасан Эфенди, сын Гаджи Абдулла Эфенди Алкадари Дагестани. Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа, вып. 46, 1929, стр. 135; ср. также Акты, XII, стр. 1488.

[2] Гаджи-Али, цит. соч. 74.

هنا V 13; иногда под буквой ставится знак, напоминающий сукӯн: اقوالهم R 10. На первый взгляд можно подумать, что это сокращенный мим, но указанный знак встречается иногда под такими словами, где мим совершенно не употребляется: اچكرى R 8; فيها R 17; иногда этот знак имеет форму ه: اچكرى R 14; قرى R 14; اغنامهم R 14; داغستان R 16; или же ه: هكرصل V 2; همصل V 2; بينهما V 2.[1] Кроме, того над некоторыми словами стоит цифра ٢: رونوسكى R 1; بمسك R 11; داغستان R 16, 19; ارسلت R 24. Чаще встречаются цифры под словами: بالمواشى R 7; اصغى R 10; الشريعة[2] R 11; عندال R 5; فى ايديهم R 6; منهم R 13; امور R 2; احدها R 3; وثانيها R 23; ثالثها V 1; رابعها V 9; خامسها V 11; أرغنه V 11; برتنه V 11; بينهما V 12; خراج R 13; باخذونه R 13; اخذه (слово вставлено потом) R 16; طمغ V 9; دعواه V 10; иногда под отдельными словами стоят трудно различимые знаки, похожие на цифры: خرج R 21; قريتهم R 22; سلده R 23; هعمده R 23; بينهما R 24; هكرصل V 3, 6; جاؤا V 4; مزارعهم V 4, 7; لهم V 4; عليهم V 5; منعتهم V 6; امرتهم V 7. Один раз встречается непонятный знак ح, часто употребляемый в Ленинградской рукописи воспоминаний о Шамиле ʿАбдарраҳмāна.[3] Сокращение حاشية или رحمه الله и здесь не подходит по содержанию.

Указанные знаки для меня остаются непонятными. Выяснить их значение легче всего на месте, где традиция оказалась настолько сильной, что в некоторых областях арабский язык до самого последнего времени служил единственным литературным языком.[4] Выяснение указанных особенностей важно как для палеографического изучения памятников арабской письменности на Кавказе, так и для критического их издания, которому до сих пор еще не положено начало.

Ленинград
Сентябрь 1934 г.

[1] Ср. повторение ه в слове لمثله V 13.

[2] Возможно, что в словах بالمواشى, اصغى, الشريعة под соответствующими буквами стоит не цифра ١, а отвесная кесра, которую от указанной цифры трудно отличить.

[3] Акад. И. Ю. Крачковский. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле. Зап. Инст. Востоковед. Акад. Наук, т. II, вып. 1, Ленинград, 1933, стр. 19, прим. 7.

[4] Акад. И. Ю. Крачковский. Ibid., стр. 10.

الى جناب رفيقنا القديم الكنفطان الكورنى افلون رونوسكى زيد قدره

اما بعد فلما ورد الينا خطابكم وسؤالكم عن امور خمسة اجبناكم بما يطابق الواقع احدها ما تقولون في حق جبال عندال من جربلي الى بيان هل كانت لامراء آوار ام لا وهل جعلتموها من بيت المال ام لا وبماذا حكمتم الدعوى بين قريتي خرج وعندال في حق الجبل الجواب لذلك اما جبال عندال من جربلي الى قريه بيان فقد وجدناها في ايديهم يتصرفون فيها تصرف الملاك بالبيع والمنع واخذ الخراج ممن حضروا الرعي بالمواشي والاغنام كما هو مشهور لدى اهالي جربلي وكنب وغيرهما ولا اعلم كونها لامراء آوار ولكن اهالي اجكري كانوا يقولون بذلك ورجال عندال يابونه وينكرون عليهم في ذلك بغاية الانكار وكنت لا اصغي الى اقوالهم لانه لا يوجد لامثال هذه الاقوال عروة يتمسك بها لدى الشريعة مع رسوخ التحاسد بين اهل الولايتين من الزمان الاول ولم اجعلها من بيت المال غير اني لما مست حاجتي الى مصالح الولاية واقام السياسة التمست منهم خراج جبالهم الذي ياخذونه من اهالي اجكري ومن سائر قريجان حين رعي اغنامهم ومواشيهم في تلكم الجبال فقبلوا التماسي ذلك طوعا ورضا وسلموا الخراج الماخوذ منهم كل عام الى ايدي رسلي بعد ان جمعوه منهم كما كنت آخذ خراج سائر جبال داغستان ايضا وبالجملة لم يكن فيها جبل ولا مرج ولا بقعة الا وكنت آخذ خراجه (او كنت آخذه) لكن لا لاجل كونها لامراء آوار (وغيرهم) ولا لجعلها من بيت المال بل لتلك الضرورة الماسة ومع ذلك لم آخذ الا ما اعتيد اخذه وبذله بين اهالي داغستان بعضهم لبعض من الجبال والمروج والبقاع على سبيل خراج الرعي هذا واما ما بين قريتي خرج وعندال فقد ترافعوا الينا دعوى في حق جبل قدام قريتهم مما وراء النهر فامرت بختمه بالشريعة فغلب عندال وغلب خرج وثانيها ما تقولون ~~ما تقولون~~ فيما بين قريتي سيلده وتعيده من الجبل المشترك بينهما الجواب لذلك انه لما كان التشاجر بينهما في ذلك الجبل المشترك ارسلت رسلا لاقطاعه لمناصب جنفر للقريتين وكذبتهما ثم وضع الحق بين اهليهما

بشرط ان لا يتجاوزوا من الجانبين الى الحد الآخر هذا وثالثها ما وقع بين قريتي تكرصيل وتمصيل الجواب لذلك ان كان النزاع بينهما في حق المزارع فقد طال شكوى تمصيل عندي بان تكرصيل (اى بعض رجالهم الذين لهم مزارع في مزارع تمصيل) يفسدون في مزارعهم بارسال الدواب ونحوه حين جاؤا لحصاد مزارعهم المملوكة لهم في مزارع تمصيل بشراء ونحوه فلا يقدرون عليهم في المنع عن المفاسد لضعف قوتهم وقلة عددهم فنهيت رجال تكرصيل عن ذلك الضرر المحذور ومنعتهم من الدخول في مزارعهم بعد بلوغ هذه الشكاية الينا وامرتهم اما ببيع تلك المزارع لاهل تمصيل بثمن المثل او باجارتها لهم باجرة المثل حسما لباب المفسدة رابعها فيما وقع بين اهل القريتين ميللطه وزندق في حق جبل ططخ الجواب لذلك لم يرفعوا الينا دعواه فيما علمناه فلا ندري حكايته هذا خامسها فيما وقع بين اهل قريتي ارغنيه وبرنيه في حق جبل ليل رقي الجواب لذلك لا اتذكر الآن حقيقة ما فعلت بينهما ولكن اظن انه لم نختم دعواهما بل اسكتهم حتى نفرغ لمثله هذا هو المعلوم عندنا بيقيننا والله تعالى اعلم بحقائق الامور وبيده مقاليد الخيور والشرور.

هذا وقع تحريرا في ١٠ من شهر ربيع الاول في مدينة كالوكا سنة ١٢٨١

وانا الفقير الشيخ الامام شامل

ЗИВАН. V

П. И. ВОРОБЬЕВ

Новые данные о происхождении и развитии маньчжурской письменности

Вопросу о происхождении и развитии маньчжурской письменности уделено большое внимание со стороны ряда ученых ориенталистов, и результат этих исследований к настоящему времени может быть сведен к следующему.[1]

Монгольское письмо, усвоенное монголами от уйгуров, перешло в своем новом облике к маньчжурам при Нурхаци (1559—1616), родоначальнике (Тай-цзу) маньчжурской династии, по приказу которого в 1599 г. ученый Эрдэни бакши и Гагай Чжаргуци выработали на основе этой письменности маньчжурский алфавит. Можно удивляться приписываемому этим деятелям решению принять монгольскую письменность на том основании, что маньчжурский язык родственен монгольскому и что маньчжурские слова состоят из тех же слогов, что монгольские (хотя письменность киданей и цзиньцев, их предков, была основана на системе китайской иероглифики). Заимствованный у монголов и приспособленный Эрдэни бакши (после казни Гагая) для маньчжурского языка монгольский алфавит получил вскоре всеобщее распространение.[2]

[1] Первыми ориенталистами, занимавшимися этим вопросом, были Jerbillon и P. Amyot.— Библиографию вопроса см., напр., в Skizze der manjurischen Literatur von Berthold Laufer (Keleti Szemle, tome IX, Budapest 1908), S. 3—10; А. В. Гребенщиков. Маньчжуры, их язык и письменность, стр. 47—60. Ср. еще: Очерк истории маньчжурской литературы. Лекции, читанные приват-доцентом А. О. Ивановским в 1887/8 ак. году. СПб. Литография А. Иконникова, стр. 1—5 (всего в этом «Очерке» 46 стр.).

Библиографию по истории монгольской и производных от нее (маньчжурской и калмыцкой) письменностей см. в книге: Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Перевод В. А. Казакевича под редакцией и с предисловием Б. Я. Владимирцова. Ленинград, 1927, стр. 22 и 19.

[2] B. Laufer, l. c., S. 4. См. также: Essay on Manchu Literature by P. G. von Möllendorff, pp. 1 и 4.

Упоминание об этом поручении, данном Эрдени бакши имеется в «Ендуріңге таціхіјан»[1] в указе Тай-цзун'а в 7-й год правления, который и привожу (см. маньчжурский текст в конце статьи) в переводе в части, относящейся непосредственно к Эрдени бакши.

«В седьмой год правления Суре-хана, в год черноватой курицы, в десятый месяц, в день желтоватой змеи хан издал [такой] указ на имя ученых бітхеі јамун'а:[2] во времена моего отца Тай-цзу, когда была выяснена необходимость положить начало созданию маньчжурской письменности, из-за отказа Эрдэни бакши от этого дела вследствие предстоящих трудностей, Тай-цзу дал следующий указ на его имя: «Почему ты говоришь, что не в состоянии этого сделать? Ведь, если, принять во внимание монгольский алфавит и приспособить его к языку нашего государства, то разве можно сказать, что этого нельзя сделать? Таково мое мнение [об этом] и ты далее не упорствуй!».

[Тогда] Эрдени последовал указу и создал маньчжурский алфавит путем соответственной перестройки монгольского.

До того времени маньчжурской письменности совершенно не существовало. Эрдэни бакши был выдающийся ученый своего времени и человека подобного ему в настоящее время нет...».

Приведенный текст указа подтверждает, что именно Эрдэни бакши принадлежала заслуга приспособления монгольского алфавита к нуждам маньчжурского языка.

Этот первый период маньчжурской письменности продолжался недолго так как в процессе дальнейшего развития маньчжурской литературы выявились дефекты и недостатки этого алфавита, проистекавшие, главным образом, из-за отсутствия для отдельных маньчжурских звуков особых начертаний, которые позволили бы избегнуть изображения в одних и тех же формах различных слов (в монгольском алфавите, как известно, одна и та же графема может обозначать две различные фонемы). Особенную трудность представляло чтение собственных имен лиц и названий мест.[3]

[1] 淸文五朝聖訓 Цин вэнь у чао шэн сюнь 8 дебтелін (= 4 дебтелін раздела «Таіʒуң геңгіјен шу хуwаңді і ендуріңге таціхіјан») в главе: бітхеі таціхіјан бе јендебухеңге «распространение образованности». Библиографию об «Эндуріңге таціхіјан» см. В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. (в ИАН за 1919 г., стр. 811—812). См. также Union Catalogue of Manchu Books... под шифром 192 (pp. 5—7) и p. 90.

[2] 翰林院 Хань-линь-юань.

[3] B. Laufer, l. c., S. 7.

В силу этих недостатков заимствованного монгольского алфавита Тай-цзун в 6-й год правления Тянь-цун (天 聰)[1] в указе, данном Дахай'у, поручил последнему ввести систему точек и кружков («тоңкі фука»), дабы окончательно положить конец неясности звуков и понятий.[2]

В 1632 г., т. е. в год появления указа, Дахай выполнил данное ему поручение, введя диакритические знаки — «тоңкі фука», обособив, таким образом, значение отдельных слов и уничтожив раз навсегда существенный дефект первоначального маньчжурского алфавита. Дахай'у же приписывается и изобретение составных знаков для передачи китайских и санскритских слов.

Таковы данные о двукратном приспособлении монгольского алфавита к звукам маньчжурской речи — данные, покоящиеся на подлинных текстах сохранившихся императорских указов.

Для ознакомления с внешним видом первоначального маньчжурского алфавита, составленного Эрдени и Гагай'ем, в распоряжении ориенталистов имеются лишь два памятника:

1) рукопись 1741 г. под заглавием: «тоңкі фука аки херген і бітхе» — «Книга слов без точек и кружков», хранящаяся в Парижской Национальной Библиотеке и

[1] По-маньчж. Суре хан — название годов правления 太 宗 文 皇 帝 Тай-цзун Вень хуан-ди с 1627 г., переменившего это наименование с 1636 г. на 崇 德 Чун дэ (по-маньчж. Весіхун ердемуңге).

[2] См. «Ендуріңге таціхіјан», l. c. (см. сноску 1 на стр. 116), л. 33б (приведено у Позднеева, стр. 122). В Union Catalogue of Manchu Books ... (о нем см. сноску на стр. 125) упоминаются на стр. 42 (под шифром 951—3) и на стр. 98 две книги, имеющие отношение к нашей теме, а именно: 1) [illegible] «книга древних маньчжурских письмен, извлеченных из јаргіјан коолі» и 2) [illegible] «книга о расчленении (о дифференциации) маньчжурских и монгольских письмен». (Ср., впрочем, Möllendorff, l. c. № 3 = 626, 1 Union Catalogue и № 13), а также T'oung Pao, 1914, vol. XV, pp. 273 и 274).

На 5-й нен. странице этого Catalogue'а воспроизведена страница из [illegible], заключающая в себе, между прочим, начальные две строки изложения обстоятельств приспособления монгольской письменности к маньчжурскому языку.

2) монеты, помещенные в китайском сочинении «Гу-цзинь-цянь-лио» (古今錢略) и относящиеся одна — ко времени Тай-цзу и другие — к эпохе Тай-цзун'а.[1]

Наиболее полное описание и ценный разбор вышеуказанной рукописи дает А. М. Позднеев.[2]

По содержанию рукопись эта представляет собою словарь, расположенный по обычному маньчжурскому способу деления слов на 12 глав. Из приложенного к этой рукописи предисловия явствует, что эта рукопись составлена в 1741 г., в годы правления Цянь-лун'а, с целью сохранить для потомства историю развития маньчжурской письменности, не имевшей вначале, как уже указывалось выше, диакритических значков. Материалом для составления этой рукописи послужили дела, написанные без всяких диакритических знаков,[3] в которых «в совершенстве разъяснились происхождение полковых рот восьми знамен и обстоятельства, при которых были жалуемы наследственные чиновные достоинства».[4]

[1] См. B. Laufer, l. c., S. 7. Там же приведена и библиография по маньчжурской нумизматике. См. еще: А. В. Гребенщиков. Маньчжуры, их язык и письменность. С приложением фотоцинкографической (воспроизведены две монеты) и фотолитографической (дана сравнительная таблица алфавитов эстрангело, согдийского, уйгурского, монгольского и маньчжурского) таблиц. (Известия Восточного Института, том XVL, вып. 1, стр. 56—60. Владивосток, 1912). Одна монета (меньшая) воспроизведена на стр. 680 книги: Dictionnaire historique et géographique de la Mandchourie par Gibert Lucien des Missions-Étrangères de Paris Missionnaire en Mandchourie. Ouvrage illustré de nombreuses gravures et de plusieurs cartes. Hongkong, Imprimerie de la Societé de Missions-Étrangères. 1934. XX + 1040 pp. Но воспроизведенная, очевидно, не при помощи фото, надпись, имеющаяся на этой монете, значительно «подправлена» (художником?) и, кроме того, транскрибирована неправильно (Абк'ai fulingen).

[2] В статье: Разыскания в области вопроса о происхождении и развитии маньчжурского алфавита. (По поводу хранящейся в Парижской Национальной Библиотеке маньчжурской рукописи [illegible]). Известия Восточного Института, т. II, вып. 1, Владивосток, 1901, стр. 118—139. Отзыв об этой статье см. B. Laufer, l. c., S. 6. Кроме того, «со времен 1807 года, когда вышел в свет «„Alphabet Mantchou", — Langlès», рукопись эта упоминается у Möllendorff'а, l. c., p. 8 (ср. Позднеев, ук. соч., стр. 130). В этой же статье напечатаны (без перевода) три фрагмента из «Эндурiңге таңiхiјан».

[3] Позднеев, ук. соч., стр. 129.

[4] Ibid., стр. 136. См. еще статью: Fortschritte im Quellenstudium der Mandschu-Geschichte von Walter Fuchs, Mukden, S. 193—194 (в Deutsche Literatur-Zeitung (?), S. 192—195), в которой он подтверждает наличие «die überhaupt ältesten Proben des mandschurischen Schrifttums . . . , die zumeist noch ohne die diakritischen Zeichen geschrieben sind» и сообщает что «die chinesischen Schï-lu [хроники] bis zum Jahre 1636 ursprünglich reine Übertragungen aus den altmandschurischen Akten sind . . .». А. Рудаков в статье: Богдоханские дворцы и книгохранилища в Мукдени (Изв. Вост. Института, т. III, стр. 38 и 34, Владивосток, 1901) упоминает о том, что в павильоне Чун-мо-гэ находятся «памятники маньчжурской письменности (лао-дан-це), заключающие в себе свод всех распоряжений манчьжурской династии до перенесения столицы в Пекин. Написаны они особым письмом, называемым «тонки фука

Переходя к двум монетам мы имеем на них следующие надписи по-маньчжурски:

1) абкаі фуліңга хан ʒіха — «императорская монета [годов правления] Небом благословенный.»

На этой монете *х* (в хаң и ʒіха) не имеет кружка ( ) справа, отличающего впоследствии это *х* от *к* и *г*, а также нет точки справа при *г* для отличия от *к* и *х* и при *у* для отличия от *о* (в слове фулінга). Другая сторона этой монеты не имеет надписей.

2) Суре хан ні ʒіха «монета [годов правления] Суре хан.» На оборотной стороне: цуwан ему јан «одиннадцать янь».

Отсутствие, как и на предыдущей монете, диакритических знаков («тоңкі» и «фука»), и особенно начертание *у* (= монг. ü) в слове Суре при наличии точки у *н* в окончании родительного падежа ( ) достаточно убедительно доказывает, что «маньчжурское письмо с 1599 г. по 1632 г. было ни чем иным, как копией с монгольского.»[1]

Но уже надпись (маньчжурская версия) на памятнике подчинения маньчжурами Кореи,[2] поставленном в 8 день 12-го месяца 4-го года Чун-дэ (в 1639 г.) имеет все диакритические знаки, и начертания букв имеют форму, почти без изменения дошедшую до наших дней. То же само можно сказать[3] и о надписях на монетах периода Шунь-чжи (1644—1661 гг.).[4]

Приведенными памятниками и ограничивается весь материал, которым располагает современная ориенталистика по вопросу о происхождении и развитии маньчжурской письменности.

С другой стороны, как это свидетельствуется хотя бы предисловием к рукописи, находящейся в Национальной Парижской Библиотеке, документов, написанных «без точек и кружков» должно было иметься в пекин-

аку хэргень», а отсюда и маньчжурское название их «тонки фука аку хэргени дансэ». Издания, упоминаемые в статье W. Fuchs'а, были для меня недоступны.

[1] B. Laufer, l. c., S. 7.

[2] См. уменьшенный снимок надписи, приложенный к статье (содержащей перевод китайской версии): A Korean Monument to Manchu Clemency. By W. R. Carles (Journal of the China Branch . . , New Series, vol. XXIII. Shanghai, 1889, pp. 1—8). А. Позднеев издал маньчжурский и монгольский текст с переводом и некоторыми замечаниями в статье: Каменописный памятник подчинения маньчжурами Кореи в ЗВОРАО, т. V, СПб., 1890, стр. 36—55.

[3] B. Laufer. Ibid.

[4] По-маньчж. Іʒісхун дасан — название годов правления 世祖章皇帝 Ши-цзу Чжан хуан-ди.

ских архивах довольно значительное количество,[1] но к изучению их европейские ученые не могли иметь доступа.

Во время своего кратковременного пребывания в Пекине в 1923 г., мне удалось познакомиться с г. Цзин-лян'ом, маньчжуром по происхождению, который специально занимается изучением маньчжурской филологии и обладает прекрасным собранием маньчжурских документов и печатей.

Среди большого собрания маньчжурских рукописей у него оказалось в копиях весьма значительное количество рукописных маньчжурских текстов, написанных без употребления точек и кружков и представляющих ни что иное, как копии с подлинных деловых бумаг, хранившихся в Нэй-гэ (по-маньчж. Доргі Јамун).

Благодаря любезности г. Цзин-лян'а, я имел возможность снять копию 8 стр. приводимого ниже текста. Этот текст имеет заглавие: «Тоңкі фука аку хергені даңсэ», т. е. «Записи без употребления точек и кружков».

Транскрипция четырех страниц этого фрагмента (см. уменьшенные фотоснимки на стр. 121 и 123), восстановленная применительно (за исключением бі = фі) к чтению, принятому в последующее время, будет:

[1] Тоңкі фука аку херген і даңсе.

Суре хані сучуңга фулахун гулмахун аніја аніја бііаі саін іненгі герен беісе амбаса бітхе чоохаі хафаса сунцафі гің ваӡіме, амба јамун де ісабі, мені мені гусаі гусаі фаідаха.

Абка гереме, Суре хан герен беісе амбаса бе гаібі таңгін де генебі, абка де ілан цергі нііакурабі уіун уіун цергі хеңкілехе [2] дергі бедеребі, Хан јамуӈ де досібі техе маңгі, герен беісе амбаса мені мені гуса гусаі цергі бодоме ілата церги нііакурабі, уіуте цергі хеңкілехе.

Тере хеңкілере де, хані цуwе асхан де цуwе нііалма ілібі, ему нііалма тентеке беіле тентеке амбан аніја се баха семе, герен бе гаібі хеңкілембі семе хулаха маңі, ему хафаӈ нііакура хеңкіле семе хулара бе туwаме [3] хеңкілехе.

Даці манцу гуруні доро хеңкілере де, амба беіле, Аміӈ беіле, Аңгултаі беіле бе ілаӈ беіле бе ахун семе куӈдулеме хані цуwе асхаӈ де тебухе. Јаја баде іну хані адаме тебуре дабала, феціле тебураку біхе.

Феі јамӡі аніја іненгі анда гаіре ефеме максіме амба сарін саріхабіхе.

Таіӡуі сінаган біфі, тере аніја феі јамӡі аніја іненгі ефејеӈ себцеӈ кумун мудан бе дерібухеку, саріӈ сарілахаку. Хаӈ даму герені хеңкілере бе аліме гаіха. Суре хані сучуңга аніја аніја бііаі іче цакуӈ де Аміӈ беіле, Ӡіргалаң таіӡі Аӡіге таіӡі Дуду таіӡі Јото таіӡі Шіото таіӡі де амба чохабе афабубі Солхо гурун де Нікан...

[1] См. сноску 4 на стр. 118.

華勝

華勝

Точный перевод этого текста следующий:

«В первый год правления Суре-хана (по циклическому исчислению фулмахун гулмахун) в первый месяц нового года и в первый же день все бейлы, амбани, гражданские и военные чины на исходе 5-го цзина собрались в большом ямыне и выстроились по отдельным знаменам.

Когда разсвело, то Суре-хан в сопровождении всех бейл и амбаней направился в приемное зало, где все трижды преклонили колена и по девять земных поклонов совершили небу.

Затем Суре-хан поднялся в верхние покои, и здесь все бейлы и амбани каждого отдельного зна-

Ср. записи о первом годе правления Суре-хана из «Даіцін гуруні фукӡін доро неіхе бодогоні бітхе»[1] (10-я дебтелін, лл. 1—3):

«В начальный год правления, Суре-хана, в первую четверть года, в первый месяц, в день красной мыши отправили большие военные силы против Кореи.

В день желтоватой змеи, Тайцзун хуан-ди, свершив коленопреклонение в храме предков (маньчж. таңсе, кит. тан-цзы) и выполнив церемонию поклонения небу, возвратился и воссел в тронной палате.

Все бейлы и амбани по обычаю первого дня нового года, выстроившись по чинам и знаменам, трижды преклонили колена и по девять раз совершили земные поклоны.

[1] 皇清開國方略 хуан цин кай го фан ліо. Об этом сочинении см. [illegible]. — Union Catalogue of Manchu Books in the National Library of Peiping and the Library of the Palace Museum by Li Teh Ch'i edited by Yu Dawchyuan. Published by the National Library of Peiping and the Library of the Palace Museum, 1933, pp. 41, 91 и 114. Ср. А. В. Гребенщиков. Краткий очерк образцов маньчжурской литературы (Известия Восточного Института, т. XXXII, вып. 2, стр. 33. Владивосток, 1909).

Названный «Union Catalogue...» станет, без сомнения, настольной книгой каждого маньчжуриста. Он заключает в себе описание на китайском языке (стр. 1—54), с параллельно приводимым (в транскрипции) маньчжурским названием, 473 произведений маньчжурской литературы, классифицированных по десятичной системе (стр. 7—9). Указатель маньчжурских названий (литографированный) дается в порядке монгольского алфавита на стр. 81—111. Он же в транскрипции (в порядке латинского алфавита) приведен на стр. 113—126. При этом описание маньчжурского Ганджура не включено, так как он «mit anderen buddhistischen Manjurica in einem besonderen Kataloge aufzunehmen beabsicht». Если припомнить, что у Möllendorff'а в его Essay... зарегистрировано всего 249 названий, причем некоторые из них фигурируют под разными названиями не один раз (Laufer, l. c., S. 23; W. Kotwicz. Sur le besoin d'une bibliographie complète de la littérature mandchoue в Rocznik Orjentalistyczny, t. VI, 1929, pp. 61—75), то станет понятно, как мало нам известно об истинном объеме маньчжурской литературы (даже принимая во внимание дополнения B. Laufer'а, А. В. Гребенщикова, W. Fuchs, H. Hülle и др.). В этой же книге на стр. 109—111 даны монгольские названия 28 произведений и на стр. 111 тибетские названия четырех произведений.

мени по чинам трижды пред ним преклонили колена и совершили по девять земных поклонов.

По совершении этой церемонии два человека один от бейл, другой от амбаней, встав с двух сторон от хана, провозгласили вместе со всеми: «поклонимся в честь наступившего нового года» (анiја се баха семе).

И они все совершили поклонение, следуя указаниям одного из чинов, провозглашавшего: «нјакура! хеңкiле!».

Следуя древнему обычаю маньчжурского государства, касающемуся [церемонии] поклонения — трех бейл: Амба, Амiн и Ангултай'а, почитаемых за старших братьев, посадили по обе стороны от хана.

И во всех других случаях они возседают также рядом с ханом и никогда не сидят ниже.

Обычно в последний вечер истекающего года и в первый день нового года для друзей устраивается большой пир с различного рода забавами и плясками.

В настоящий момент, вследствие того, что было еще время ношения траура по Тай-цзу, не было устроено никакого веселия, не было музыки и был отменен пир.

И хан принял только церемонию «хеңкiлере».

В начальный год правления Суре-хана 8-го числа первого месяца для поисков китайца Мао-вэнь-лун'а были отправлены войска в Корею.

Суре хан, почитая великого бейле Дай-шан'я, второго бейле Амин'я, третьего бейле Мангултая за своих старших братьев, не дозволил им сесть ниже себя, а по данному им приказу, они были посажены по обе стороны рядом [с ханом].

При всех приемах и представлениях хану был установлен именно такой порядок.

По установлениям нашего государства в последний вечер старого года и в первый день нового года устраивается большой пир с музыкой и разнообразными плясками.

По причине же траура по Тайцзу хуан-ди в этот день не приказано было быть музыке.

В день красной мыши (фулгiјан сiңгерi) хан специальным указом поручив войска беiле Амин'ю а также Ӡиргалан'у, Аӡиге, Дуду, Иото и Шото, приказал им выступить против Корейского государства, а также одновременно дал приказ и об уничтожении Мао-вэнь-лун'а, цзянь-цзюн'я Мин'ского государства».

Эти войска были поручены
бейле Амин и тайцзам: Цзиргалань,
Аӡіге, Дуду, Јото и Шіото.»

Как в тексте «Тонкі фука аку хергені дансе», так и в «Даіцін гурун і фукӡін доро неіхе бодогоні бітхе» мы имеем почти идентичный рассказ об одних и тех же событиях с той лишь разницей, что первый как более древний, которого еще не коснулась рука Цянь-лун'овского историографа, сохраняет черты большей оригинальности, хотя бы в описании церемонии поклонения.

Наконец, у В. Горского[1] имеется подтверждение этому событию: ...«когда Корея, снабжавшая хлебом и оружием китайского генерала (Мао-вэнь-лун'а), образовала с ним два сторожевых пункта против всех предприятий неутомимого Хана; когда она не хотела отправить своих послов для принесения жертв в честь скончавшегося Тай-цзу: тогда маньчжурам не оставалось никакой надежды на мир и Тай-цзун в первый же месяц своего царствования отправил своих братьев «наказать» неприятеля».

Все это позволяет констатировать, что приводимый здесь фрагмент из «Тоңкі фука аку хергені бітхе», представляет собою копию текста, не оставляющего сомнений в своей исторической подлинности, трактующего о событиях первого месяца первого года правления Суре-хана, т. е. Тай-цзун'а, т. е. того именно периода, когда манджурский алфавит не знал еще употребления диакритических знаков.

Останавливаясь, наконец, на анализе написания самого текста, должно отметить следующее:[2]

I. Полное отсутствие диакритических знаков («тоңкі» и «фука») как при согласных: 1) при *г* (герен, гуса, іneңгі, херген и др.); 2) при *х* (хан, хеңкіле, хулаха, сарілахаку и т. д.), 3) при *д* (де, фаідаха, дергі, даму и т. п.); так и 4) при гласных (Суре, гереме, бе, фулахун, џуве, кундулеме, ему и др.), причем 5) при *н* с последующим гласным точка слева сохраняется (інеңгі, ніјакураби и др.), будучи опускаема 6) при *н* в положении перед согласным (тентеке).

[1] «Начало и первые дела Маньчжурского дома» (Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине, т. I, СПб., 1852, стр. 108).

[2] См. для сравнения уйгурско-монгольокий и монгольский алфавиты на стр. 69 и 71 книги: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Ленинград, 1929, а также таблицу, приложенную к упомянутой (стр. 118) работе А. В. Гребенщикова.

Ср. соответственно в факсимиле, приложенном к статье А. М. Позднеева: 1) вм. ; 2) вм. , вм. ; 3) вм. , вм. ; 4) и вм. , вм. ; 5) вм. ; 6) вм. , т. е. то же самое явление, что и в надписи на монете (см. выше), хотя и не всегда, напр., вм. , вм. .

II. Начертание *у* в таких словах как фулахун, гулмахун, гуса, ахун, цакун, хулаха и т. д., т. е. с гортанными заднего ряда, не имеет в середине слова длинного зубчика (yod:), а в конце слов пишется как *б* в начале слова ( ), т. е. так же как в монгольском: , , но не ( ). Ср. у Позднеева: вм. , вм. .

III. Не дифференцировано начертание *т* и *д*, пишущихся 1) с *а*, *о* и 2) с *е*, *у* — эта графема пишется одинаково: 1) вм. , вм. , вм. , вм. и т. д. с одной стороны и 2) вм. , вм. , вм. , вм. , вм. — с другой, т. е. совершенно то же, что можно установить и по факсимиле у А. М. Позднеева, напр., наряду с 1) вм. , вм. видим 2) вм. , вм. .

IV. Не имеется отдельной графемы для *ш*: последний обозначается написанием после него *і* или вовсе не обозначается: вм. , , вм. , вм. и др. Ср. у Позднеева: вм. , вм. .

V. Одинаково пишутся также *ц*, *ʒ* 1) с *ч*, *џ* (в середине слова): вм. , вм. , вм. и 2) с *j* (в начале слова): (описка?) вм. ,

вм. , причем *j* в середине слова обозначается yod'ом: вм. . То же самое см. и у Позднеева и в надписи на монете (вм.).

VI. Диффузна также графема для обозначения *в* (*w*) и *ф*: вм. , вм. и т. д. наряду с (вм.). Последние три явления (IV, V, VI) характерны и для монгольской письменности.

VII. Полная замена слога *фi* слогом *бi*, подробно отмеченная в статье А. М. Позднеева.[1]

VIII. Можно отметить и начертание вм. в слове (вм.), т. е. отсутствие — знаков для передачи китайских (и санскритских) слов. Ср. в современной монгольской письменности пӯзе.

Итак достоверность исторических фактов, сообщаемых в тексте, находящих подтверждение и в других источниках, полная идентичность в самом начертании букв с имеющимися в литературе по этому вопросу данными и, наконец, точная датировка событий, упоминаемых в тексте, относящихся к тому моменту, когда еще не были изобретены диакритические знаки, — позволяют, как нам кажется, признать настоящий текст, а также рукописи, находящиеся у Цзин-лян'а, достоверными копиями тех архивных актов и материалов, о которых было известно давно, но получить доступ к их исследованию было невозможно.

И таким образом мы впервые имеем возможность ознакомиться не только с отдельными словами, но и фрагментом связного исторического текста, написанного без употребления точек и кружков.

См. добавление стр. 132

[1] Loc. cit., 138 и 139.

[2 a]

[1 b]

[34 b]

[34 a]

[33b]

ДОБАВЛЕНИЕ

Когда настоящая статья была уже сверстана, я, благодаря любезности акад. В. М. Алексеева, получил возможность ознакомиться с четырьмя фрагментами первого периода маньчжурской письменности, а именно:

а) две репродукции в обстоятельной статье Ли Дэ-ци,[1] давшего транскрипцию (по Габеленцу, причем *x* вм. *h* и *ое* вм. *ŏ*) и на китайском языке перевод их с примечаниями;

и б) две же репродукции (воспроизводимых ниже на стр. 133 и 135) в № 10 文 獻 叢 編 Вень-сянь цун бянь.[2] Привожу в транскрипции «восстановленное» чтение второго из них:

таңгу уjунцу jан суцеі етуку ему мiңган цуwе таңгу наданцу цуwе (2) ʒібча даху уjунцу ему цуwе jархаі соко цуwе секе махала (3) фулгіjан цафу гусін цуwе шаңгіjан босо цуwе таңгу дехі (4) моцін самсу етуку сунца мiңган уjун таңгу орін (5) інеку тере інеңгі мортаі фонде тентеiцу бе беігуwан обуха (6) нантаі фонде боігон бе беігуwан обуха (7) іче цакун де офоро амба Моохаі уңгіхе гісун буркі аге (8) гамахацi амала бахаңге морін сусаі іхан цакунцу еіхен ему (9) таңгу сусаі хаха цусе ему тапгу нінцу цакун гусаі ухері (10) тон. амба беіле маідарі ама беіле гаіха тонде гусін (11) чуwан бі ілан інеңгі ту аі бі (в последних двух строках этого фрагмента удается разобрать лишь отдельные слсва).

Опубликованные фрагменты маньчжурской письменности того периода являются иллюстрациями к установленному уже факту заимствования и существования без всяких изменений монгольской (точнее уйгурской) письменности у маньчжуров в то время, а в отношении графики следует отметить:

IX. То же явление, что и в надписи на монете (в слове), т. е. неоднократное начертание *у* в первом слоге слов с последующими слогами с *е* (т. е. переднего ряда, как и в монгольском): вм. , вм. , вм. , вм. , вм. (последнее, однако же, в воспроизводимом и транскрибируемом здесь тексте пишется: , т. е. не имеет лишь точек справа). Ср. в факсимиле у Позднеева: вм. , вм. .

---

[1] Li Teh-ch'i. Origin and Evolution of the Manchu Language (pp. 7—12 и illustr. I и II) в серии (о ней: W. Fuchs, l. c., S. 194), издаваемой Бэйпинской Национальной Библиотекой: Bulletin of the National Library of Peiping за 1931 г., vol. 5, No 6 (18 + 4 pp. + 12 ill.)

[2] W. Fuchs. Ibid.

滿文稿之一

[illegible]

滿文老檔之二

А. КОВАЛЕВСКИЙ

Политика народного образования в современном Египте (в низшей и средней школе)

I. СОЦИАЛЬНЫЙ БАЗИС ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЕГИПТЕ

Из всех стран Ближнего Востока Египет в настоящее время представляет особый интерес. Страна, номинально независимая, в действительности является одной из важнейших колоний Англии на ее пути в Индию через Суецкий канал. Англия превратила Египет в базис сырья для своей текстильной промышленности, заставляя его производить почти исключительно хлопок высшего качества. Египет — одна из стран Востока, где монополистический капитал создал развитые внешние формы капиталистической жизни: в ирригацию вложены огромные капиталы, созданы большие дамбы (барраж в Дельте), масса каналов, резервуаров, Ассуанская и Асиутская плотины, страна покрыта густой сетью железных дорог, возникли большие города (Каир — более миллиона жителей, Александрия — более полмиллиона), многочисленные коммерческие предприятия, банки, развитая пресса, — до 250 периодических изданий, из них, например, Каирская газета «Аль-Ахрам» ежедневно выпускает номер в 12 — 16 страниц большого формата, наконец, бурная политическая жизнь, парламент, борьба партий и т. д. — все это придает стране внешне вполне «европейский» вид. Однако впечатление будет существенно иным, если мы обратимся к самому базису этого общества, к культуре хлопка и к классовым отношениям в деревне. Владение землей тут распределяется таким образом: из всей площади 7 303 000 федданов, государству принадлежит 1 478 000 ф. (20.24%), вакуфам 157 000 ф. (2.15%) и 12 700 помещиков, владеющих каждый не менее 50 федданов земли, все вместе владеют 2 242 000 ф., т. е. 30.7% всей обработанной земли Египта. Вместе с этим мы имеем огромную массу крестьян, мелких и мельчайших собствен-

ников, из них 1 647 000, владеющих менее 5 ф. Далее идут массы безземельных арендаторов, батраков и т. д. (Надаб, Рев. Восток, 1933, № 1, стр. 77). Поскольку англичане не дают египтянам развивать собственную промышленность, и спрос в городах на рабочие руки сравнительно невелик, крестьянство, быстро беднея, однако мало пролетаризируется, в частности не переходит в города на постоянную работу, оставаясь бедствовать в деревне.

А тут отношения носят еще вполне феодальный характер. Правда, уже в семидесятых годах, после так наз. закона «мокабалы»,[1] 30 VIII 1871 г., земля Египта перестала быть государственной собственностью, как это было с древних времен. Кадастр 1895 г., выявивший и зафиксировавший всех фактических собственников, укрепил личное право на владение землей. Правда, принудительная работа по ирригации и для других общественных надобностей, начиная с 1880 г., понемногу отменяется и юридически и фактически сводится почти на нет, так как мобилизовать население на такого рода работы становилось слишком трудным и невыгодным сравнительно с простым наймом рабочих, да и помещики неохотно отпускали своих крестьян на эти работы. Несмотря на все это, однако, так же как и в старой царской России после 1861 г., феодальные отношения и теперь еще преобладают в египетской деревне. Сами помещики почти не ведут собственного хозяйства капиталистического типа. Господствует сдача в аренду мелкими участками от части урожая, выплата натурой, крестьянские отработки всякого рода за прошлогодние и позапрошлогодние долги. Беднейшее и середняцкое крестьянство в безнадежной задолженности у помещиков и посредников-ростовщиков, у торговцев. До последнего времени его закрепощению в деревне способствовал «закон о 5 федданах» 1912 г., а именно, что земли менее 5 федданов не могли продаваться за долги. Таким образом, собственники таких участков земли не могли закладывать их в ипотечных банках и принуждены были брать деньги у кулаков, которые брали эти деньги в банке под обеспечение своей собственной земли. После такой сделки должник уже навеки был прикреплен к своему участку земли как во времена настоящих феодальных порядков.

Среди этих по существу докапиталистических отношений, однако, развиваются и отношения чисто товарные, денежные. Так, по подсчетам одной английской комиссии, денежная часть феллахского бюджета в 1924 г.

[1] «Мокабала» — «воздаяние» за выплаченный вперед за шесть лет налог, причем земля переходила в собственность того, кто платил. Позднее земля вообще была закреплена за собственниками.

составляла 38.7%, а натуральная часть 61.3% (Надаб, Рев. Восток, № 2, стр. 93). Показатели этих цифр, однако, несколько ограничены. Упомянутая английская комиссия интересовалась исключительно тем, сколько и какого рода товары можно продать феллаху, а действительно ли феллах все это покупает на наличные деньги, или же он берет в лавке в долг за отработки, в обмен на натуральные продукты и т. п., это для нее было безразлично. Между тем, для оценки того, насколько египетский феллах действительно втягивается в сферу капиталистических отношений, указанное обстоятельство имеет первостепенное значение. Вместе с тем, как сказано, в египетской деревне создалось значительное количество батраков. По мнению Надаба количество настоящих батраков в деревне уже превышает полмиллиона (Надаб, Рев. Восток, № 2, стр. 122).

Между тем, чисто капиталистические биржевые отношения начинаются сразу же как только необходимый продукт выжат из крестьянства путем феодальной эксплоатации. Даже местные кулаки в Египте уже непосредственно следят за мировым рынком через соседний город, а в окрестностях Александрии они связали свои села телефоном с александрийской биржей, чтобы быть постоянно в курсе цен на хлопок. За этими деревенскими кулаками идет многочисленная компрадорская буржуазия мелкого и крупного масштаба, оптовики, перекупщики, производители полуфабрикатов, транспортные компании и все многочисленное государственное чиновничество. Благодаря тому, что английские империалисты всячески препятствуют развитию местной промышленности, египетский национальный капитал, кроме торговых оборотов и банков, может вкладываться только во вспомогательные предприятия: хлопкоочистительные, маслобойные и сахарные заводы, транспорт, а в значительной степени вкладывается в землю. Поэтому неудивительно, что, борясь против английских империалистов за право самим забирать себе продукты эксплоатации населения, за свободное развитие «национальной промышленности» и т. д., египетская буржуазия по существу совсем не старается уничтожить самые источники своих доходов, кабальные отношения в деревне. Поэтому она неспособна к сколько-нибудь революционным действиям ни против империалистов, ни против феодальных помещиков — пашей и беев. Вот почему эти последние и до сих пор правят Египтом, держа его в полной зависимости от Англии и блокируясь в этом с верхами египетской компрадорской буржуазии в форме партии «Единства» (Иттихад), Партии либералов, так наз. «Народной партии» Сыдки-паши и т. д.

Партия «оппозиционной» националистической буржуазии — вафд — в своей борьбе против правительственного блока в действительности играет изменническую роль в отношении настоящих революционных стремлений масс, направляя акцию этих масс исключительно на империалистических хищников, отвлекая внимание масс от классового врага внутри самой страны. Когда же движение крестьянства и рабочих становится угрожающим для существующего порядка, вафд им немедленно изменяет, идя на соглашение с теми же империалистами. Так было в мартовские дни 1919 г., так же во время борьбы с диктатурой Махмуда-паши 1929 г. и во время крестьянских движений 1930—1931 г. В действительности вафд ничего так не боится, как настоящего революционного движения в Египте. А в современном Египте напряженно клокочут революционные силы. Это своего рода пороховой погреб, готовый взорваться и не взрывающийся главным образом благодаря силам английских оккупационных войск, защищающих также и классовые интересы вафдистов.

Египетский пролетариат состоит из рабочих в портах, на погрузках, на железных дорогах и трамваях, в меньшей степени из горнорабочих, металлистов и текстильщиков, из рабочих на упомянутых хлопкоочистительных, маслобойных и сахарных заводах, заводах газовых, мукомольных, и, наконец, из многочисленных рабочих ирригации. В общем, можно считать, что в настоящее время рабочих в Египте более одного миллиона, а с полмиллионом деревенских батраков так более 1.5 млн., что для египетской аграрно-колониальной страны с ее исскуственно задержанным развитием промышленности является большой цифрой.

Вот те общеизвестные данные, которые я считал нужным напомнить, прежде чем перейти к своей основной теме.

2. ЭКСПЛОАТАЦИЯ ДЕТЕЙ И ИХ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОИЗВОДСТВЕ

Переходя теперь к просветительной политике в египетской школе, следует еще остановиться на вопросе о том, как классовые отношения отражаются на положении детей и молодежи.

Что касается эксплоатации детского труда, то в этом Египет имеет свои особенности. Положение египетского беднейшего и середняцкого феллаха таково, что он может так-сяк управиться с собственным участком поля, а тем более с арендой, отработкой за долги и т. д. только в том случае, если вся его семья вместе с малыми детьми будет принимать участие в этой работе. Вместе с тем хозяйственный год в Египте почти беспрерывен. Зимнего нерабочего периода, как у нас, там нет вовсе.

Такой порядок создался сравнительно не так давно, в XIX в., при устройстве орошения каналами вместо прежней лиманной системы. При этом сделалось возможным вести земледельческую культуру целый год и снимать за это время два-три урожая. Разлив Нила кончается в конце сентября, и с октября феллахи начинают засевать осенние и зимние культуры: пшеницу, ячмень, бобы, чечевицу и т. д. После сбора урожая не наступает перерыв, как у нас, а приходит время наиболее интенсивных летних культур. Работы начинаются с апреля. Это прежде всего хлопок, требующий, между прочим, особенно интенсивного детского труда. С конца июля начинается опять разлив Нила. Но и в это время кое-где садят особые культуры — «нильские» — и тогда работа прерывается разве что на короткое время наибольшего разлива Нила.

Дети, как сказано, принимают в этих работах близкое участие. Особенно собирание хлопка — специально работа женщин и детей, при этом их эксплоатируют беспощадно. Вот как описывает эту работу один автор еще в 1901 г., причем положение дела не изменилось и в наше время: «перед рассветом можно видеть длинный ряд женщин и детей разного возраста, направляющихся на поля, неся на своей голове еду на целый день — несколько лепешек из дурры. Их сопровождают надсмотрщики с суровыми лицами и палками в руках. Горе той женщине или тому ребенку, которые оставят хлопок в коробочке, уронят его на землю или сорвут вместе с хлопком мертвый листок: удары сыпятся на них градом. Эта утомительная работа и тиранский надзор продолжаются до захода солнца. Мы далеки, как видим, от регламентации женского и детского труда» (Надаб, Рев. Восток, № 2, стр. 124, к сожалению источник не указан). Таковой является работа собственно феллахских детей. На хлопко-очистительных заводах работают многочисленные дети-пролетарии в ужасных условиях. Вот как описывает их работу журнал «Allgemeine deutsche Lehrerzeitung» в заметке «Kinderarbeit in Amerika und Aegypten», Berlin, 1931, № 33, стр. 658—659): «По данным одной рабочей инспекции детский труд в египетской индустрии применяется в широких размерах. По крайней мере половина рабочих, обслуживающих машины для очистки хлопка на хлопковых фабриках, — это дети обоих полов моложе 14 лет. Многочисленные дети моложе 9 лет заняты тем, что отбрасывают отходы и зерна, остающиеся еще в хлопке после очистки. Чтобы возбудить внимание и рабочую старательность детей, звучат резкие свистки и грохот цепей. Говорят, что употребление палки и кнута не неизвестно. Установлены тяжелые факты, что в некоторых мастерских

надсмотрщики, ходя взад и вперед, почти автоматически бьют детей палкой или кнутом, подгоняя их. В прядильнях, в табачной, цементной и гончарной индустрии дети моложе 9 лет встречаются реже. Только на ковровых и шатровых фабриках, согласно обследованию, маленькие дети работают с лихорадочной быстротой часто в очень плохих гигиенических условиях. Но и в маленьких ремесленных мастерских, совсем маленькие дети — некоторые из них $5^1/_2$ лет — работают со скоростью машин». Если неквалифицированный батрак обыкновенно получает в Египте в день 40—45 миллимов, то дети получают по 30 — 20 и менее.

3. ОБЩИЕ ЗАДАЧИ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕГИПТЕ

Вполне понятно, что в условиях чрезвычайного обеднения феллахских масс Египта, в условиях кабальной докапиталистической эксплоатации, при особенно широкой эксплоатации детей в полях и мастерских, перед египетскими господствующими классами особенно остро возникает вопрос просветительной политики в низшей школе.

Основные задачи этой низшей школы таковы:

1. Быть может наименее важная задача — это дать минимальную квалификацию рабочей силы. В свое время всемогущий английский резидент в Египте лорд Кромер сказал, что он ценит коптов за то, что они по крайней мере умеют считать. Вот это умение элементарно считать и читать и должна дать низшая «элементарная» египетская школа.

2. Другая, связанная с предыдущей, задача — введение через школу в массы элементов гигиены, поскольку в настоящее время полное отсутствие соответствующих навыков среди масс, при ужасных условиях их жизни, создает в Египте разные эпидемические и другие болезни (например, весьма распространенные глазные, приносящие много хлопот самому правительству).

3. Наконец, основная и, несомненно, самая главная задача этой школы — соответствующее воспитание масс с целью сделать из них покорных рабов, выносящих без протеста свою бедность и тяжесть работы. Осуществляется это посредством курсов по религии с моралистическими толкованиями и т. д. За 4 года обучения в школах для мальчиков на первый год на общее число 34 урока в неделю приходится 8 уроков религии, на 2-й, 3-й, 4-й годы на 39 уроков в неделю по 11 уроков, т. е. почти $^1/_3$ всего времени. В школах для девочек на то же количество

недельных занятий приходится в первом году по 5 уроков в неделю, на второй год 7 занятий, на 3-й и 4-й годы по 8 занятий.

Интересно сравнить с этим привилегированные «начальные» школы, где для мальчиков и девочек, при том же количестве недельных занятий, на религиозно-моральное воспитание отведено на первый год только 3 занятия, а на 2-й, 3-й и 4-й годы по 2 занятия. Для привилегированной школы больше и не требуются, эта школа имеет совершенно другие задачи, — подготовить своих учеников к тому, чтобы они могли занять выгодные места на службе у капиталистов, в конечном счете служить иностранному капиталу и его агентуре в Египте.

Однако в этой привилегированной школе есть свой спецификум. Так как в Египте, как колонии, собственная промышленность развивается слабо, то вместо технического главную роль играет коммерческое образование, и то преимущественно низшего уровня. Так, из средних школ на 2 технические приходится 3 коммерческих средних школы, к которым примыкают 16 торговых начальных. Это количество далеко превышает число земледельческих школ, всего 3, хотя Египет — страна специально аграрная (данные на 1928—1929 г. по Statesman's Yearbook). Но все же основной тип египетской средней школы — это так наз. общеобразовательная школа. В то время, как в 1928—1929 г. в упомянутых 3 агрономических школах училось 741 ученик, в двух технических школах 1789 учеников, в средних и подготовительных коммерческих школах 4527 учеников, в 22 школах «второй ступени» (общеобразовательных) училось 13 594 ученика. Эта школа готовит главным образом чиновников, разного рода служащих в большом бюрократическом аппарате египетского государства. В этих школах господствует формальная наука, экзаменационная система. А поскольку государственных должностей в конце концов все же ограниченное количество, то в школах создается напряженная конкуренция при сдаче экзаменов, «натаскивание», разные каверзные вопросы со стороны экзаменаторов и т. д. (интересные сведения об этих вопросах и ненужных знаниях учеников даны в фельетоне газеты Аль-Ахрам от 8 июня 1932 г.). Наконец, выпускники выходят неприспособленными к какой-либо практической работе и, раз не попавши на должность чиновника, оказываются в тяжелом положении безработных. Это направление школы непосредственно вытекает из особенности господствующего класса Египта, имеющего в значительной степени паразитарный характер. Так называемая «психология египетского народа», на которую ссылается F. O. Mann в своем обзоре народного образования в Египте — «Education in Egypt»

в «The Yearbook of education», 1932, является, конечно, следствием указанных обстоятельств, а не наоборот. «Есть исторические и социальные обстоятельства, — пишет он, — глубоко коренящиеся в обычаях и психологии египетского народа, которые усложняют задачи министерства народного образования. Египтяне проявляют замечательное уважение к надлежаще санкционированному образованию и к академически законченной науке, а в конце концов — к дипломам и свидетельствам об окончании. Отсюда неизбежно вытекает то, что энтузиазм египетских родителей в отношении образования детей неудержимо плывет в каналы «повышенного» (superior) образования, среднего и высшего. Следствием этого является постоянная перегрузка «начальной» (привилегированной — *А. К.*) и средней школы, а также высших колледжей, и общественное мнение упорно требует дальнейшего расширения возможностей в этом направлении в то время, как в головах компетентных знатоков дела возникли серьезные сомнения, не превышает ли выпуск профессионально квалифицированных людей то число, которое может принять страна. Положение тем более тяжелое, что очень небольшое число египтян с высшим образованием имеют намерение возвратиться в провинцию, откуда они в большинстве случаев происходят, или, оставивши надежду на ту или иную государственную должность, были бы готовы устремиться к ненадежной карьере коммерции и индустрии. Несколько лет тому назад государство легко поглощало выпуски высших египетских колледжей, технических институтов, средних и начальных школ. Это положение теперь уже более не существует и с каждым годом оно все более будет отдаляться. Проблема размещения студентов высших школ будет становиться вместе с тем все более трудной и серьезной. Оставляя в стороне эти административные трудности, нет сомнения в том, что горячее и почти единственное стремление учеников подготовиться к государственной должности, квалифицировав себя удостоверением об окончании средней школы или о сдаче экзаменов, ведущих к этим должностям, имеет весьма угнетающее влияние на образование в соответствующих школах и колледжах. Оно ведет к тому, что школы сосредоточивают свои усилия почти исключительно на узкой подготовке к экзаменам, фактически исключая какое-либо социальное общественное товарищество и единение, как мы это имеем, например, в английских колледжах».

К этому ярко изображенному положению дел нужно еще прибавить, что в 1932 г. уже не только компетентные знатоки, но вся пресса в многочисленных статьях писала про безработицу выпускников египетских школ, причем к этому времени к специфическим местным обстоятельствам Египта,

конечно, присоединяется общая волна безработицы, охватившая капиталистический мир вследствие всеобщего кризиса.

Массовые закупки хлопка вафдистским правительством Нахаза-паши, большие субсидии хлопководам от реакционного правительства Сыдки-паши привели только к опустошению резервного фонда Египта, а не к уменьшению кризиса и безработицы. Катастрофическое падение цен на хлопок окончательно разоряло феллаха. Декабрьский закон 1930 г., отсрочивавший уплату части аренды при условии выплаты остальных денег, шел на пользу помещикам, так как давал возможность землевладельцам получить хоть что-нибудь от арендаторов. Основание нового сельскохозяйственного банка для «помощи феллахам» при отмене закона о неприкосновенности земель менее 5 федданов привело к ухудшению положения, так что с начала января 1931 г. снова начались крестьянские восстания, как и в предыдущие тревожные июльские дни 1930 г. Как и тогда, в 1931 г., либеральная буржуазия вафда своей изменнической политикой дала возможность правительству разгромить движение масс и тем самым отсрочить грозный для него день революции в Египте. Вместе с тем, в связи с событиями еще 1930 г., произошла знаменитая реакционная реформа египетской конституции, особенно характерная, между прочим, и для выявления политической сути просветительной политики правительства. Дело в том, что парламентские выборы на местах находятся под руководством местных шейхов и омдэ (старост), причем неграмотные избиратели, т. е. громадное большинство, голосуют путем устных заявлений. Имея в своем числе значительную часть кулаков и сельских ростовщиков, вафдисты через этих старост легко получали громадный перевес на выборах, и понятно, что всякий раз как власть в Египте переходит к новому правительству, оно прежде всего берется за массовое увольнение с должностей этих сельских омдэ и, имея на селе покорную верхушку, при массовой безграмотности, направляет выборы в свою пользу. Однако недовольство масс в Египте настолько сильно, что после событий 1930 г. господствующая группа Египта во главе с королем Фуадом сочла за лучшее изменить конституцию и избирательный закон, между прочим широко использовав средство образовательного ценза. Эта конституция 25 X 1930 г. содержит в себе § 156, запрещающий вносить в нее изменения на протяжении 10 лет. Она окончательно фиксировала систему двухстепенных выборов.[1] Ценз избирателей

[1] Первоначальный закон парламентских выборов по декрету 30 IV 1923, № 11 имел двухстепенную систему. В 1924 г. заглулисты добились прямых выборов и расширения числа избирателей (закон 29 VI 1924, №4), но дальнейшия измена вафда и реакция Зивара-паши

в отношении возраста повышен с 21 до 25 лет, чтобы по возможности устранить от выборов молодежь. Каждые 50 избирателей избирают делегата, причем такой делегат должен иметь или полный имущественный ценз, или être porteur d'un certificat d'études primaires ou certificat équivalent (закон о выборах, § 20 d).[1] Таким образом, зажиточные классы от этого закона не терпят вовсе—кулак может быть и неграмотным, поскольку закон устанавливает ясно одно из условий: или имущественный ценз, или образование. Наоборот, для бедноты образовательный ценз приобретает решающее значение. Действительно, L'Annuaire statistique d'Egypte» за 1930—1931, давая официальные цифры, касающиеся, правда, 1927—1928 г., указывает, что мужчин в стране грамотных 20%. Принимая во внимание, что Каир дает 43%, Александрия 42%, ясно, что в деревне этот % меньше 20, причем грамотны, конечно, более зажиточные, имеющие возможность отдавать своих детей в школы. Мужчин же старше 25 лет, окончивших низшую школу, несомненно совсем мало. Правда, из общего числа молодежи от 15 до 16 лет (по статистическим данным 1927—1928 г. это составляло 4 734 110 на 14 177 864 общего числа населения Египта) в школах училось 18%, из них мальчиков 26% (девочек 8%), но пока эти 26% достигнут 25 лет, получат право голоса, то на ближайшие 10 лет правительство может спокойно рассчитывать на значительно более низкий % выпускников старой школы. Все эти соображения еще могут иметь какое-либо значение, если под «низшей школой» понимать сельский мектеб. Но во французском переводе конституции ясно написано certificat d'études primaires, а не élémentaires, а это, как мы увидим, в Египте не одно и то же. Итак, если здесь имеется в виду привилегированная «начальная» школа, то возможность быть делегатом даже для грамотного и развитого феллаха-бедняка совершенно исключена. А делегаты ведь еще не депутаты парламента. Их задача при двухстепенной системе в письменной или устной форме подать свой голос за депутата, который сам должен удовлетворять требованиям значительно более высокого ценза.

Характерным комментарием к сказанному выше может служить обсуждение бюджета народного просвещения в парламенте 5 мая 1932 г. («Аль-Ахрам» 6 V 1932, передовая: «Политика народного просвещения и бюджет в палате депутатов»). «Одни из депутатов,—пишет автор передовой,—счи-

привели к возобновлению двухстепенной системы (декрет короля 24 XII 1924), которая теперь зафиксирована на 10 лет.

[1] Не имея арабского оригинала текста конституции, всюду даю французский перевод, данный в L'Europe nouvelle.

тали, что 3 $^1/_4$ мил. гиней (египетских фунтов), расходуемых сейчас на народное образование,—слишком большая сумма в сравнении с результатами, не оправдывающими этих трат. Другие опасались результатов «обязательного» начального обучения, так как это обучение вносит безпокойство и не только борется с безграмотностью, но и направляет детей обоих полов в города, так как они же «прекрасно умеют читать и писать». По мнению других депутатов высшее образование не дает нации выдающихся людей, а среднее образование также не достигает своей цели, профессиональное же образование не дает возможности учащимся использовать специальность, которую они изучили». Что же ответил г-н министр народного образования Хильми Иса-паша на эти критические замечания? Прежде всего, как полагается, он заявил, что обязательное образование «стоит в тексте конституции Египта», так что ничего тут поделать невозможно,[1] но вместе с тем он успокоил депутатов. «Положение об обязательном обучении,—сказал он,—имеет целью ликвидировать неграмотность и вместе с тем предусматривает, что дети остаются на полях и посевах, причем они учатся в одну половину дня и работают на полях в другую половину». Что касается высшей школы, то министр просто отклонял возражения и доказывал, что результаты образования хороши. Аль-Ахрам уверяет, что это обычные дебаты, возникающие всякий раз, как бюджет министерства народного просвещения представляется парламенту. После повторения такого рода разговоров бюджет утверждается, так как министерство, дескать, знает, что делать. Итак, Аль-Ахрам вполне спокоен за дальнейшую участь феллахских детей, а вместо этого бьет тревогу и решительно выступает за введение в привилегированных школах самых новейших педагогических методов, самодеятельности учащихся и т. д.

«Успехи» низшей египетской школы в очерченном нами направлении с откровенной наивностью подтверждает новейший французский исследователь в этой области H. Laoust. Вот как он определяет ее задачи и достижения: «Два больших принципа, очевидно, руководили египетским законодателем: с одной стороны, дело шло о том, чтобы считаться с социальным равновесием в экономике, имеющей аграрный характер, где можно было опасаться опустения сел, распространения пренебрежительного отношения к физическому труду, наплыва в большие города безработных и вообще людей с индивидуалистической идеологией, роста благодаря школе деклассиро-

[1] § 19 и старой и новой конституции относительно обязательного обучения гласит: L'instruction élémentaire (не «primaire»—*А. К.*) est obligatoire pour les jeunes Egyptiens des deux sexes. Elle est gratuite dans les maktabs publics.

ванных элементов, недовольство которых так часто питает партии политической оппозиции. С другой стороны, с каждым днем все настоятельней становилась обязанность государства энергично бороться против того общего бедствия, каким является безграмотность. Вместе с тем все более распространялась идея, что народное образование следует рассматривать как техническую необходимость социальной жизни, и что знание арабского языка обязательно для масс с административной точки зрения в стране, где он является оффициальным языком, и где журнал был элементом народного воспитания, значение чего странным образом ускользнуло от громадного большинства европейских наблюдателей» (стр. 305—306). Относительно самого преподавания в школах тот же автор говорит следующее: «Занятия происходят соответственно для тех и других (для мальчиков и девочек) только в продолжение половины дня, таким образом, чтобы оставить ребенка в более близком контакте с его семьей и средой и чтобы не вводить разрыва в нарождающуюся социальную жизнь, а с другой стороны, чтобы использовать те же помещения, тот же персонал и те же книги. Программы, само собой разумеется, вследствие этого должны были быть сокращены» (стр. 306). Наконец, в заключении работы он делает такой общий вывод: «Самым оригинальным установлением было создание совсем недавно начального обязательного обучения, которое, как нам кажется, счастливо примиряет двойную необходимость для государства — предотвратить все формы социальных волнений и бороться против безграмотности» (стр. 320).

4. БЮДЖЕТ И ПОЛИТИКА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вообще следует сказать, и это вполне понятно, что египетское правительство, как само по себе, так и следуя указаниям английской колониальной власти, старается истратить минимальные средства на народное образование, особенно низшее. Али Кямиль-бей (брат известного национального деятеля Мустафы Кямиля) в одной из своих речей 1909 г. указал, что за первые 25 лет оккупации Египта (т. е. за 1882—1907 гг.), со страны было получено 258 000 000 фунтов общей прибыли, из них только 2 801 000 истрачено на народное образование, т. е. немногим больше 1% (Ротштейн, стр. 218). В 1906 издержки на народное образование составляли 362 000 фунтов, причем сумма эта составляла 3% всего расходного бюджета (там же). С того времени, на первый взгляд, обстоятельства сильно изменились. Бюджет 1921—1922 гг. ассигновывал на народное образование 1 209 653 гиней, бюджет 1926—1927 г. давал 2 623 518 гиней. В 1927—1928 г. бюджет самого Министерства народного про-

свещения составлял 2 463 923 гиней, да провинциальных советов 583 017 гиней, значит всего на народное образование 3 046 940 гиней. Бюджет 1930—1931 г. по Министерству народного просвещения составлял уже 3 301 299 гиней, провинциальных советов на нар. образование 1 122 316 гиней, всего на нар. просв. 4 414 115 гиней. В бюджет Министерства не входит еще бюджет Азхарийского теологического университета и шести духовных семинарий — всего на 1930—1931 г. 318 964 гинеи. Кроме того, следует иметь в виду, что часть школ, в том числе и низших, содержится на вакуфные фонды, а многие провинциальные школы на средства разных религиозных благотворительных обществ мусульманских, коптских, разных нацменов (греков, армян и т. д.), не говоря уже об иностранных школах, получающих субсидии от своих правительств из Англии, Франции, Италии и т. д.

Чтобы ясно представить себе, на какие средства содержатся египетские школы, даем соответствующую таблицу (см. табл. 1, стр. 150) из «Annuaire statistique» за 1930—1931 г.

В этой таблице, к сожалению, не указано разрядов школ — низших, начальных, средних и т. д. Министерство, во всяком случае, как увидим далее, содержит главным образом школы высших ступеней. Из другой таблицы статистического ежегодника, стр. 154—155, можно видеть, что, например, американские школы дают преимущественно начальное образование, причем в них учатся главным образом местные дети «египтяне». То же самое относительно французских школ. Но где перед нами основная масса низших школ, так это именно в графах местных советов и частных мусульманских школ. Последние—это и есть те многочисленные местные школы, которые выросли из частных феодальных мектебов, когда малообразованный мулла собирал детей около мечети или просто под деревом и обучал их разным схоластическим премудростям, получая за это плату натурой (про эти школы смотри далее). Эти первоначальные мектебы еще в 1897 г. Министерство народного просвещения (тогда слитое еще с Министерством труда) взяло под свой надзор, дало им субсидии, известную примерную программу и понемногу ввело их в общую систему обучения.

Сейчас египетское Министерство народного просвещения сосредоточивает в своих руках общее руководство школами, их программами, дает им учительский персонал и т. д., но принуждено сводить свои расходы к минимуму, перекладывая их на разного рода другие государственные учреждения, общества и частную инициативу. И хотя таким образом общие средства, истрачиваемые в Египте на просвещение, значительно превышают

Таблица 1

На чьи средства содержатся	Количество школ	Количество учащихся
1. Египетские учреждения		
Министерство народного просвещения	2 149	302 185
Египетский университет	9	2 266
Управление теологич. универс. (Аль-Азхара и др. учр.)	10	9 116
Министерство вакуфов	21	4 586
Провинциальные советы	864	114 628
Разные гос. департаменты	129	10 159
Королевские вакуфы	15	3 696
Другие вакуфы	5	856
Мусульманские благотворительные общества	54	13 288
Частные мусульманские школы	4 311	293 778
Коптские благотворительные общества	72	14 941
Коптский патриархат	28	5 481
Коптские частные школы	217	20 042
Евангелисты	170	12 515
Армянский патриархат	10	2 153
Армянские частные школы	2	86
Другие патриархаты	5	564
Израелитские школы	26	7 955
Остальные египетские школы	21	3 164
Итого	8 118	821 559
2. Иностранные школы		
Американские	36	6 989
Английские	31	4 443
Французские	137	32 349
Греческие	61	12 579
Итальянские	57	10 688
Другие иностранные	12	3 175
Всего	334	70 223

бюджет министерства, но политика правительства в отношении просвещения характеризуется именно этим бюджетом, являющимся финансовым средством проведения этой политики.

Для понимания этой политики правительства для нас особенно важно выяснить, какая же часть общего бюджетного фонда Министерства народ-

ного просвещения идет на просвещение масс и какая на образование привилегированных. В бюджете 1926—1927 г. из общего бюджета 2 632 518 гиней только 563 000 гиней шли на низшее образование, остальные же 2 млн. с лишним на среднюю и высшую школу. Из этих 563 000 гиней на низшее образование, на собственно народные школы для масс приходилась лишь часть, распределявшаяся как субсидия школам, содержащимся из иных источников. Лишь небольшое количество образцовых школ министерство содержит само. Таким образом вполне оправдывается тот взгляд на египетскую школу, что это пирамида, поставленная на свою вершину. Сознание, что такого рода пирамида может перевернуться, что с другой стороны низшая школа в руках правительства может сыграть значительную роль в борьбе против нарастания революционности масс, это сознание все более принуждает господствующие группы Египта забирать под свой контроль массовую школу, давши ей специфически классовое назначение, указанное выше. Таким образом, мы видим, что в бюджете 1928—1929 г. на низшую школу и детские сады ассигновано уже 922 551 гинея по Министерству, и по бюджету провинциальных советов 366 344 гинеи, всего 1 288 895 гиней, на остальное же народное образование (без Азхара) 1 758 045 гинеи. Но уже само упоминание среди этих низших школ детских садов показывает, что тут имеются в виду в значительной мере школы привилегированного типа.

Между тем вполне понятно, что, хотя низшие школы охватывают лишь незначительное число детей феллахов и рабочих, этих школ все же гораздо больше, чем всех остальных. Так в 1930—1931 г. в низших школах училось 622 454 учащихся египетских подданных, в так наз. подготовительных школах для учителей низших школ (школы повышенного типа без иностранных языков и без возможности учиться далее)—33 692 учащихся, а в «начальных» привилегированных школах 90 489 учащихся и в средних школах (не профессиональных) 27 112 учащихся.

Выше уже сказано, что в Египте учится только 18% молодежи. В городах этот процент, конечно, выше: в Каире 44%, в Александрии 36%, на Канале 38%, в Дамиетте 44%. Таким образом, ввиду того, что города Египта, как ни как, имеют более 2 млн. населения, процент охвата молодежи в деревне должен быть значительно понижен. Итак, все разговоры про всеобщее обязательное обучение в Египте могут вызывать только недоумение или смех. Правительство, собственно говоря, заботится об этом только на словах. Действительно: в 1924—1925 г. в Египте было всего 570 423 учащихся, в 1930—1931 г.—821 459. Значит за 6 лет число учащихся

увеличилось на 251 036, т. е. на год в среднем прибавлялось по 41 839 учащихся. Статистика того же 1930—1931 г. дает количество детей школьного возраста от 5 до 19 лет—4 734 110. Из них 82% не охвачены школой, т. е. приблизительно 3 881 970. Конечно, не приходится говорить об идеале охвата школой всей молодежи от 5 до 19 лет, но если взять хоть половину этой цифры, то при темпах, развиваемых египетским правительством, нужно не менее 45 лет, чтобы охватить школой всю молодежь, и это не принимая во внимание того, что население Египта быстро возрастает (за прошлые 50 лет возросло чуть ли не вдвое). И все же даже и тогда ликвидации неграмотности не будет, так как останется еще часть старого поколения, не прошедшего школы.

Пока что, несмотря на внешнюю европеизацию страны, эта безграмотность населения показывает ее глубокую отсталость и застой. Ведь на все население Египта имеется лишь 12% грамотных. Особенно низок уровень грамотности женщин — 4%, в Каире 20%, в Александрии 22%, а значит в деревнях среди женщин господствует почти полная безграмотность.

5. ВНЕШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДУХОВЕНСТВА

Из всего сказанного ясно, что идеологическое воздействие господствующего класса на 88% безграмотного населения, в частности на 82% детей, не охваченных школой, должно происходить не в системе общего школьного образования. В последнее время это воздействие проводится через специально организованную систему внешкольного образования, которая не входит в предмет настоящей работы. Тут мы имеем, между прочим, разного рода вечерние курсы, например, по техническому образованию, курсы педагогические и особенно коммерческие, каковых в 1928—1929 г. было 15, из них 8 на министерском бюджете. Ясно, что все такого рода учреждения предназначены для повышения квалификации детей преимущественно средней и мелкой буржуазии. Но вот мы имеем вечерние курсы для рабочих. В 1928—1929 г. их было 65 на бюджете Министерства и 439 на провинциальном бюджете, значит всего 504 учреждения, где состояло 27 368 слушателей, из них, нужно думать, значительная часть действительно рабочих. По крайней мере, напр., в указателе учебников и школьных пособий Министерства на 1932—1933 г. в отделе этих курсов указано, что в каждой аудитории должна быть: «Тетрадь для записывания имен рабочих». Из этого же указателя можно видеть, что эти курсы имеют 2 года обучения с расчетом на 45 слушателей в 1-м году и 40 во 2-м году. Курс элемен-

тарный: указано всего две книжки: часть первая и вторая начальной «Книжки для чтения», изд. Министерством народного просвещения.[1] Чтобы сказать, каково идеологическое содержание курса — данных нет. Несомненно, что это не только обучение письму, как техническому процессу.

Каким же образом производится идеологическое воздействие на всю остальную массу населения, остающуюся под гнетом феодальной эксплоатации? Это — влияние, о котором не говорят отчеты Министерства народного просвещения, — это многочисленные имамы, духовные шейхи, шейхи дервишей и т. д., непосредственно действующие в деревне. Высший контроль над ними находится, конечно, вполне в руках правительства. Так, согласно § 138 старой и § 149 новой конституции: «Ислам — государственная религия Египта». Наследник престола, согласно декрета 13 IV 1922 г., подтвержденного позднее § 32 конституции, должен быть мусульманином. Это не препятствует руководителям Египта пользоваться для своих задач также влиянием духовенства других религий (напр. коптской), причем высшие главы всех религиозных организаций назначаются непосредственно королем. Пар. 142 новой конституции говорит об этом даже подробнее, чем соответствующий § 153 старой конституции: «Le roi exerce ses pouvoirs en ce qui concerne les établissements religieux, les wakfs confiés à la gestion du ministère des wakfs et en général des matières intéressant les cultes admis dans le pays, conformément à la loi et en l'absence d'une disposition législative, conformément aux usages actuellement en vigueur. Toutefois, la nomination du recteur de l'Université d'El-Azhar et des autres chefs religieux musulmans ou non musulmans appartient au roi seul».

Кроме того, среди высших особ, могущих быть членами Палаты шейхов (Сената), на первом месте стоят высшие духовные лица «hauts représentants du corps des Ulémas et du clergé» (§ 76). Последнее слово приведенного текста, кажется, показывает, что это право распространяется и на руководителей христианских церквей.

Что касается религиозного просвещения, то этой задаче служат специальные, так наз. «религиозные институты», а именно: 1) Азхарийский университет в Каире, находящийся непосредственно под надзором короля и премьера; 2) так наз. «Машйахат эль-улема» — коллегия улемов в Александрии; 3) Эль-Ахмади в г. Танта — духовная семинария над величайшею святынею Египта — гробницей Ахмеда Бедави; 4—7) такого же рода семи-

[1] Есть еще одно учреждение: «Вечерние курсы для рабочих железнодорожных депо», где преподается механика, электротехника и т. п. Это, очевидно, курсы для так наз. рабочей аристократии — мастеров и т. п.

нарии в Дамиетте, Дессуке, Асиуте и Загазиге («Ann. st.», глава «Bibliothèques et musées»). Как видно из приведенной таблицы школ в «Статистическом ежегоднике» на стр. 150, кроме этих семи учреждений, есть еще три религиозных дополнительных школы, так что на 1930—1931 г. общее число этих школ было 10, а количество учеников в них в то же время 9116. Цифры предыдущих лет показывают медленное понижение числа учащихся в этих школах (в прежние времена было более 10 000). Газеты 1932 г. подчеркивали особенно безработицу как-раз азхарийских выпускников. Но все же это целая армия хорошо подготовленных проповедников, имеющих и до сих пор большое влияние в массах. Недаром правительство тратит на их подготовку 318 954 гинеи по специальному бюджету (1930—1931 г.). Большинство учеников получает полное содержание, причем на одну только еду для них ассигновано 34 346 гиней.[1] При упомянутых семи учреждениях, особенно Аль-Азхаре, есть большие библиотеки, издается имеющая большое распространение периодическая пресса и целая литература книг, разрабатывается новая идеология реформированного ислама, приспособленного к новым условиям, идеология, отразившаяся даже в программах низшей массовой школы, к которым мы сейчас и перейдем.

6. РЕЛИГИОЗНО-МОРАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ В НИЗШЕЙ ШКОЛЕ

Эти школы, прежние так наз. мектебы, сейчас носят официальное наименование: El-madâris el-awwalîya, écoles élémentaires, elementary schools. Они резко отличны от остальных просветительных учреждений и предназначены для широких масс. Их происхождение чрезвычайно разнообразно, как и источники их финансирования. До последнего времени различали: собственно мектебы, — школы старого типа, возникшие вне Министерства народного просвещения и потом им реформированные, и школы системы «обязательного» обучения, т. е. заново основанные образцовые школы. В настоящее время преподавание в тех и других более или менее унифицировано. Мы имеем стандартные программы мектебов для мальчиков и девочек, изданные Министерством народного просвещения в 1929 г., но бывшие в силе и в 1933 г. Однако, прежде чем перейти к их рассмотрению, следует сделать еще несколько замечаний. Разделение на школы мужские и женские как будто понемногу исчезает. Уже согласно «Стати-

[1] Это из текущего бюджета. Кроме этих средств, несколько лет тому назад была отпущена большая сумма — 400 000 гиней для обновления и перестройки Аль-Азхара (Н. Смирнов, стр. 109).

стического ежегодника» 1930—1931 г. из всех 2149 учебных учреждений Министерства народного просвещения было 344 для мальчиков, 107 для девочек и 1698 смешанных, среди них значительная часть, конечно, низших школ. Эще важнее то, что из 4411 школ, находящихся «на частном содержании» (musulmanes libres), для мальчиков было 2184, для девочек 23 и смешанных 2104. Дебаты в парламенте 1932 г. по поводу бюджета Министерства показывают, что дело идет к окончательному переходу на смешанные школы. Причина этого отчасти лежит в финансовых соображениях, поскольку не хватает средств открывать в деревнях по две школы для девочек и мальчиков. Точно так же стоит вопрос об окончательной унификации всех школьных программ по образцам министерских. В чем тут дело, прекрасно иллюстрирует обсуждение этого вопроса в тех же парламентских дебатах марта 1932 г. Министерство внесло в Парламентскую комиссию по вопросам просвещения проект унификации «старых» школ по образцу министерских школ так называемого обязательного обучения. Комиссия высказалась против унификации школ и кроме того подчеркнула необходимость «остановить бегство молодежи из деревень в города». Оба вопроса тесно связаны, так как, очевидно, новая школа как-раз и создает стремление к такому бегству. Об ответе министра народного просвещения уже было сказано, тут важно только отметить его слова, что обучение в старых и новых школах по существу то же самое. Вопрос этот получил интересное освещение в передовой газеты Аль-Ахрам 11 III 1932 г. Автор статьи Мохаммед Нассар, резюмируя точку зрения Комиссии, пишет: «Обучение в старых низших школах и школах обязательного обучения не одно и то же. Ведь старые низшие школы — это не что иное как прежние вакуфные мектебы, основанные жертвователями для специальной задачи, а именно: прежде всего для выучивания на память благородного Корана, и, во-вторых, для обучения азбуке и начаткам счета. Министерство вакуфов строго соблюдало условия жертвователей и, пока оно управляло школами, не вносило в них никаких новшеств. В 1898 г. прежнее мнение касательно этого дела изменилось в сторону реформы обучения в разбросанных по стране кюттабах, а именно, чтобы расширить его объем и вообще улучшить вакуфные мектебы. Министерство народного просвещения вошло в соглашение с Вакуфным Диваном с тем, что оно возьмет на себя заведывание этими мектебами, а содержание будет давать вакуфное управление. Год за годом Министерство издавало постановления об улучшении положения этих школ, сохраняя, однако, основное условие их жертвователей — выучивание на память всего Корана. Так продолжалось пока не была поста-

влена задача, изложенная сейчас Министерством. Вот какова цель основания вакуфных школ, названных в данный момент «старыми низшими школами». Цель же обязательного обучения — это просто ликвидировать неграмотность, причем задача выучивания на память всего благородного Корана упраздняется, поэтому число часов, посвященных его заучиванию, в школах обязательного обучения не превышает 3 часов в неделю, а этого недостаточно, чтобы на протяжении срока обучения в этих школах выучить более 3 частей Корана[1] и, конечно, условие жертвователей, как учредительная запись, не может быть согласовано с таким положением». Задача автора, как и консервативных депутатов парламента, отстоять выучивание на память всего Корана в старых школах. Но интересно, что вся аргументация статьи основывается на юридическом основании, на завещаниях умерших жертвователей. Автор статьи всячески уверяет, что он не против новых школ, что он вообще не касается вопроса, какая из двух систем лучше. Он просит только оставить старые школы. Конечно, он и против введения в них совместного обучения. Министерство в этом случае ссылается на экономию бюджета, но, ведь, вакуфных школ не более 120,[2] — настаивает М. Нассар, — и все они находятся по преимуществу в Каире, так что бюджет не может пострадать. Он кончает: «В этом (в сохранении старых школ) нет никакого вреда ни с какой стороны, — ни со стороны обучения, ни финансовой, ни религиозной, но этим сохраняется все самое лучшее, ибо праведный путь, путь Аллаха, поведет желающего через эту школу прямым путем». Не следует забывать, что Аль-Ахрам, помещающий у себя такие передовицы, является одной из крупнейших и влиятельнейших газет Египта, имеет собственное телеграфное агентство и расходится огромными тиражами, так что его взгляды отражают мнение, если не очень широких, то все же влиятельных кругов египетской буржуазии.

Чтобы представить себе, какой идеал стоит перед консерваторами, вроде М. Нассара, приведем интересное описание старой египетской школы конца XIX в., данное в немецком «Бедекере» по Египту 1885 года на основании наблюдений очевидца (Ägypten. Handbuch für Reisende von K. Baedeker, I, Aufl. 2, Lpz., 1885, S. 269—270): «В своих путешествиях по городу приезжий часто будет иметь случай видеть детские школы

[1] Весь Коран разделяется на 30 «частей». Значит дети выучивают только одну десятую часть Корана.

[2] Приведенная выше таблица, указывающая, кто содержит школы, дает цифру вакуфных школ только 41. В этом также отразилась известная тенденция, так как очевидно статистика скрывает школы, основанные на пожертвования религиозного характера под другими параграфами, и по этой линии также идет спор.

(кюттаб), открытые в сторону улицы. Около каждого почти колодезя есть такая школа, и очень интересно наблюдать, как fikîh (faḳîh — законовед. *А. К.*), т. е. учитель, словом и палкой обучает молодежь... Эти школы имеют все чисто религиозный характер. Принадлежности мальчика в школе состоят из экземпляра Корана, если он может его добыть, ящичка для чернил и перьев (dawāye) и металлической или деревянной покрашенной белым доски. Он учит сначала, как писать азбуку, потом как ее произносить, как связывать буквы и каково их цифровое значение. Потом учитель пишет ему на доску несколько легких слов, как-то имена знакомых, потом 99 «прекрасных» имен божиих, упомянутых в Коране, которые следует знать, чтобы читать молитву по четкам (sebḥa) в 99 шариков. Потом пишут фатиху, первую суру Корана, которую мальчик долго читает, раскачивая свой корпус взад и вперед, пока он не выучит ее на память, после чего он переходит к другой главе Корана. После первой главы следует последняя, потом предпоследняя, далее предпредпоследняя и т. д. с конца наперед, пока он не окончит второй главой, так как главы, как правило, становятся все длиннее от последней ко второй. Обыкновенно Коран мальчикам не объясняют, так что по большей части, при трудности его языка, мальчик знает его на зубок не понимая. Когда, часто после 4—6 лет обучения, мальчик доходит до того, что знает весь Коран на память, празднуют при участии учителя семейное празднество chatme, т. е. полного изучения Корана. Эти школы являются частными предприятиями отдельных учителей. Ученики платят им за учение часто от 1 до 2 пиастров в неделю. В Каире есть в общем 278 таких школ с 293 учителями и 8565 учениками».—Для нас это описание имеет тот интерес, что именно такие школы и были взяты за основу школьной сети нового Египта. Такого рода школы сохранились, например, еще в Багдаде, и газета Аль-Ахрам за 4 IX 1932 г. напечатала, как своего рода курьез, снимок с такой багдадской школы, где дети собрались вокруг учителя просто посреди улицы.

Школы эти в Египте, конечно, никогда не возродятся. Но все же жалобы М. Нассара совершенно напрасны, так как министерские школы и так прекрасно выполняют поставленный им социальный заказ. Уверение министра в тождественности задач тех и других школ совершенно верно. Он только глубже видит дело, считая, что для достижения той же задачи достаточно вызубрить и три части Корана. Но кроме того он знает, что этот материал теперь нужно дать по-новому, так как народные массы уже не те, как в старые времена благочестивых жертвователей вакуфных школ.

Вот общее недельное распределение уроков низших школ Египта, утвержденное министерством еще 15 августа 1916 г. и перепечатанное в официальном издании 1930 г.

Таблица 2

Предметы	Количество занятий в неделю							
	Школы для мальчиков (в годах)				Школы для девочек (в годах)			
	Год 1-й	Год 2-й	Год 3-й	Год 4-й	Год 1-й	Год 2-й	Год 3-й	Год 4-й
Коран	6	9	9	9	4	5	6	6
Вероучение	2	2	2	2	1	2	2	2
Арабский яз.	11	12	12	12	9	10	11	11
Каллиграфия	6	6	6	4	4	4	4	3
Арифметика	7	7	7	7	6	6	6	6
Вещеведение [1]	2	2	1	1	—	1	1	1
Гигиена	—	1	2	2	—	1	2	2
Рисование	—	—	—	1	2	2	1	1
География	—	—	—	1	—	—	—	1
Занятия с детьми	—	—	—	—	8	3	—	—
Шитье	—	—	—	—	—	5	6	6
Всего	34	39	39	39	34	39	39	39

Не знаю, какие именно школы имел в виду М. Нассар, когда говорил, что в министерских школах для обязательного обучения Корану отведено не более трех недельных часов. Правда, приведенные планы называются временными, очевидно ввиду намерения Министерства провести известные реформы. В чем они состоят, сказать трудно, но одно ясно, что план этот действовал много лет и потому может характеризовать общее направление просветительной политики правительства.

Коран и вероучение занимают тут достаточно много времени, и цель этих двух курсов — дать известное воспитание масс. В чем же оно состоит? В начале программы первого предмета читаем: «при обучении досточтимому Корану следует держаться таких указаний: 1) усовершенствование в выучивании его на память и в прекрасном его чтении, соответствующем благородному его содержанию, 2) пояснение ученикам тех аятов, содержание

[1] В школах для девочек этот курс называется, почему-то, иначе: «Размышление над явлениями природы».

которых ученики легко могут воспринять, с тем, чтобы эти аяты остались в их сознании и приводили их к (соответствующим) действиям без каких-либо специальных приказов». — В этих словах сразу же ясно поставлены и задачи и методы.

Что касается методов, то программа ни в коем случае не ограничивается простой зубрежкой. Правда, в программе в начале каждого года обязательно отмечается: «Коран. Заучивают из досточтимого Корана по мере возможности». Но вместе с тем дается задание, чтобы посредствомazубренных текстов и их разъяснения внушить ученикам «любовь в Аллаху, покорность его приказам, любовь к пророкам и подражание им, внедрение в сознание учеников убеждения, что вера — это дух правдивости (здорового состояния), корень счастья в этом мире и в потустороннем, чтобы они (ученики) приучались с первого своего действия исполнять свои обязанности относительно шариата и прониклись религиозной моралью». Далее даются указания, что детей следует практически обучать обрядам, воспитывать их посредством примеров из жизни Мохаммеда «в форме легких, коротких рассказов». В общем материал по четырем годам распределяется таким образом:

«Год 1-й. Обряд омовения и молитвы (практическим путем). Жизнь Мохаммеда.

Год 2-й. Основные обряды ислама и объяснение их значения: омовение, молитва, заккят, пост, хадж.

Год 3-й. Основы исламской догматики.

Год 4-й. Мораль. Специальное заучивание хадисов».

Рассматривая этот план в подробностях, мы видим в нем ряд весьма интересных особенностей.

Прежде всего на первый план выступает рационалистически-моральный элемент. Специфически мистический элемент веры отодвигается совершенно на задний план. В конце третьего года, после довольно рационалистического изложения исламского вероучения относительно Аллаха, сжато и как бы между прочим отмечено: «Досточтимый Коран-богооткровенные книги,- пророки, -ангелы, -джинны, -воскресение тел, -день воскресения, суд, рай и ад». В этих коротких словах заключается все то, чем так была занята мысль мусульман феодальных времен, то, что до последнего времени наполняло фантазию народных масс. Пророки, ангелы, суд, рай, ад, каждая из этих тем в отдельности в прежние времена могла бы дать материал для занятий на целый год, а тут все это нагромождено на конец одного третьего года, на уроки, которые вообще часто не имеют места.

Остальная часть курса построена на исторических основах. Например, в истории Мохаммеда нет ничего мистического, по крайней мере в том, что говорится в программе. Нет ничего не только про его известное путешествие через все девять небес и т. п., но даже в программе не упомянуто, скажем, про явление Мохаммеду архангела Джибриля. Вместо этого подчеркиваются «его (Мохаммеда) деяния, какая через него распространилась высокая (благородная) мораль, — его прекрасное отношение к товарищам, его участие к сиротам и бедным; его милосердие к людям и животным, его скромность. Взятые из исламских биографий примеры, связанные с этими моральными качествами, преподносятся (ученикам) в виде легких рассказов».

Интересно, что рационалистически объясняются и обряды: «Омовение — мудрость его установления», «молитва — ее влияние на моральность», «пост — какая от него польза для здоровья и в отношении морали», «хадж — смысл его установления».

В таком же смысле толкуется и догматика. Изложивши учение про разного рода высшие свойства божества, программа указывает на необходимость позаботиться о «воспитании способности (привычки) созерцания наивысшего Аллаха путем признания его достоинств».

Но все это, — эти первые три года обучения, — только подготовляют к основному курсу морали четвертого года. Курс этот построен следующим образом: дается 22 моральных предписания и каждое из них поддерживается текстом из Корана, выучиваемым на память и соответственно объясняемым. Тексты эти иногда привлекаются с натяжками и отчасти, кажется, в своем толковании не совсем соответствуют духу ортодоксального ислама. Однако сама система открывает самую суть воспитательных задач школы. Тексты Корана в программах даны лишь сокращенно. Я даю перечисление 22 моральных предписаний и там, где это более важно, выписываю нужные отрывки коранического текста.

1. Поучение Локмана своему сыну: «Вот Локман, давая поучение своему сыну, сказал: сын мой, не верь, что у бога есть товарищи (т. е. что кроме бога есть еще другие боги. *А. К.*), — многобожие есть великая несправедливость. Мы (Аллах) дали человеку заповедь относительно его родителей: мать, нося его во чреве, терпит страдания и отнимает его от груди после двух лет. Будь благодарен мне и твоим родителям» и т. д. (сура «Локмана», 31 : 12—18).[1] Словом поучение касается единобожия и уважения к родителям.

[1] В программе всюду дан счет стихов Корана, отличный от наших обычных изданий. Для удобства справок я всюду даю счет этих последних (казанских и проч.).

2. Поучение против таких недостатков: «Не смейтесь один над другим, не давайте один другому насмешливых прозваний, не будьте подозрительными, не подглядывайте тайно один за другим» (сура «Внутренние комнаты», 49 : 11—13).

3. Воздержание от мерзкой болтливости: «Бог не любит, если кто-либо рассказывает плохое только из желания говорить» (сура «Женщины», 4 : 147).

4. Воздаяние добром за зло: «Добро и зло не равны между собой: старайся делать побольше добра и тогда тот, у кого была вражда к тебе, будет тебе близким и искренним другом» (сура «Подробно изложенные», 41 : 34).

5. Милосердие к сиротам и бедным: «Что же касается сирот, то ты его (их) не угнетай, а нищего криком от себя не отгоняй» (сура «Утренний блеск», 93 : 9—10).

6. Воспитанность в посещениях: «Верные! Не входите в какие-либо дома, кроме своих собственных, пока не попросите разрешения...» (сура «Свет», 24 : 27—29).

7. Воспитанность на собраниях: «Верные! Когда вам на собраниях скажут, — дайте один другому место, то вы уступите пространство. Бог даст вам пространное место...» (сура «Противоречащая», 58 : 12).

8. Хорошее отношение ребенка к своим родителям: «...к своим родителям относись хорошо, один ли из них достигнет старости при тебе или оба. Не говори на них: «пфу» и не отгоняй их криком, но говори с ними благородным языком (с уважением)...» (сура «Израильтяне», 17 : 24,25).

9. Доброта в отношении родителей и родственников: «Спрашивают у тебя (пророка), на кого они (верные) тратят свои средства? Скажи: истраченное ими имущество идет на родителей, родственников, сирот и бедных, странников...» (сура «Корова», 2 : 211).

10. Повиновение начальникам: «Верные, повинуйтесь богу, повинуйтесь этому посланнику (т. е. Мохаммеду) и тем из вас, которые имеют власть. А поэтому, если между вами начнутся споры о чем-нибудь, то подавайте это на суд бога и этого посланника» (сура «Женщины», 4 : 62).

11. Взаимная помощь в добром деле: «Помогайте один другому к добру и благочестию, но не помогайте один другому к злу и вражде» (сура «Трапеза», 5 : 3).

12. Постоянство и твердость в намерениях: «Итак, если решитесь на что-нибудь, то возлагайте надежды на бога» (сура «Семейство Имрана», 3 : 153).

13. Добрые поступки: «Воистину, те, которые веруют и делают добрые дела, — то мы не дадим пропасть награде того, кто делал добро» (сура «Пещера», 18 : 29).

14. Деятельность для этого мира и потустороннего: «Тем (теми средствами, способностями), что дал тебе бог, ищи потустороннего мира, не забывай своего участия в этом мире и делай добро, как бог делает добро в отношении тебя...» (сура «Рассказы», 28 : 77).

15. Расходы на пути добра: «Тратящие свое имущество на пути божьем, подобны зерну взращивающему (из себя) семь колосков» (сура «Корова», 2 : 263).

16. Экономность: «Не прижимай своей руки будто она прикована к шее, но и не протягивай ее во всю длину, чтобы тебя не осудили (за скупость), или чтобы тебе не истощиться» (сура «Израильтяне» 17 : 31), а также: «Приносящие жертвы не бывают ни расточительны, ни скупы.., но держатся надлежащей середины» (сура «Фуркан», 25 : 67).

17. Воздержание от расточительства: «Не расточительствуй расточительно. Во истину, расточители братья шайтана, а шайтан был не благодарен богу» (сура «Израильтяне», 17 : 28, 29).

18. Воздержание от чрезмерной еды и питья: «Ешьте, пейте, но не будьте неумеренны, ибо он (Аллах) не любит неумеренных (сура «Препятствия», 7 : 29).

19. Воздержание от чрезмерных клятв: «Не слушайся (говорит Аллах Мохаммеду. *А. К.*) того, кто постоянно клянется, низкого насмешника и клеветника, препятствующего добру, ненавистника, беззаконника, оскорбителя и к тому же незаконнорожденного» (сура «Калем», 68 : 10—13).

20. Воздержание от лжи (сура «Иона», 10 : 70).

21. Доброта. Польза от альтруизма для души: «В своих сердцах они не находят желания получить то, что этим (другим людям) дается, и они дают им превосходство над собой, хотя сами находятся в бедности» (сура «Изгнание», 59 : 9).

22. Вред от словесных споров: «Не спорьте, ибо истощитесь (потеряете бодрость) и ваша сила (успех) уйдет от вас» (сура «Добычи», 8 : 48).

Вот правила морали, положенные в основу воспитания в низшей египетской школе. В последнем году обучения учащиеся еще «запоминают тридцать достоверных хадисов, связанных с общественной и моральной жизнью, с пояснением их значений».

Нельзя сказать, что этот курс морали очень систематичен. Тут есть и правила обычного вежливого поведения и собственно моральные нормы.

Хотя каждое предписание подтверждается текстом священной книги, выучиваемым, конечно, наизусть, в сущности изложение основывается на разного рода рационалистических соображениях, более или менее житейского характера (о золотой середине и т. п.).

Но значение этой системы, ее базис, лежит гораздо глубже. Она имеет, как сказано, своей задачей воспитание масс с тем, чтобы привести их «к надлежащим поступкам без специальных приказов». Лорд Кромер в свое время, желая объяснить, почему в Египте в неслыханных размерах выросла преступность, заявил, что феллахи стали более зажиточны, а потому им захотелось еще большего, и они, дескать, начали расточительствовать и совершать преступления. Эту возмутительную выдумку впоследствии отвергли даже сами империалисты. Но и сейчас главной задачей господствующих классов является воспитать эксплоатируемых так, чтобы они были довольны своим положением и терпеливо голодали, т. е. были «экономны», воздерживались от самых необходимых расходов (от «расточительства»), от «чрезмерной» еды и т. д. Вот смысл предписаний пунктов 16, 17, 18. Хотя эти люди и бедны, но они должны быть добры к тем, кто живет лучше их, быть «альтруистами» (п. 21), должны воздавать добром за зло (п. 4) и т. д. Раб должен иметь смирный характер, не спорить, не ругаться, не лгать, не лезть в дом без разрешения, не толкаться в толпе и т. д. И прежде всего, конечно, — покорность начальству (п. 10). Если и рекомендуется «взаимная помощь», солидарность, то только «в добром деле», но ни в коем случае не помогать один другому «в зле и вражде», например, в забастовках, восстаниях и т. п.

Такая постановка воспитания в низшей школе указывает на то, что крестьянские массы Египта уже вышли из слепой веры феодальных времен. Простым зубрением Корана и рассказов из хадисов их не отвлечешь. Они уже начали сами думать, и вот школа преподносит им религиозно-моральное учение в форме рационалистических размышлений. Однако правящие группы Египта все же считают лишним и опасным преподносить в этой школе какое-либо учение либерально-националистического характера, вроде тех лекций «по патриотизму», какие мы увидим в привилегированной средней школе.

Не следует также забывать, что школа охватывает, а при теперешнем положении и далее будет охватывать, лишь небольшую часть крестьянской молодежи. Вся остальная масса феллахов и до сих пор находится под непосредственным влиянием духовенства, ведущего уже прямо консервативную линию на ортодоксальный ислам. Да и в самой школе учителя ста-

рого закала, конечно, и теперь давят учеников зубрежкой, тем более, что для этого и в самой программе даны все возможности: «Зазубривают из Корана, сколько смогут» (так и сказано).

7. ШКОЛА, КАК СРЕДСТВО ДАТЬ МИНИМАЛЬНУЮ КВАЛИФИКАЦИЮ

Известен факт, что когда английский колонизатор едет в колонию, то он берет с собой одного слугу англичанина, устраивающего для него все необходимое для жизни, или же он нанимает 10—20 местных слуг, с которыми, в конце концов, не знает что делать, хотя эти последние за ничтожную плату напрягают все силы, чтобы угодить господину. Дело тут в известного рода дисциплинированности и навыках, в умении читать, считать, знании многих вещей, выходивших до сих пор за пределы знания забитого и по феодальному эксплоатируемого восточного слуги. И вот такого рода элементарные знания хочет дать низшая египетская школа. Дает она их не всем, — только 18% молодежи, дает лишь в той мере, чтобы ученики не ушли в город искать каких-либо самостоятельных занятий или же учиться дальше. Как видно из программы, значительное место в преподавании занимает арабский язык и связанная с ним каллиграфия — 18 часов, что составляет почти половину всего учебного курса. В этом скрывается также глубокая классовая политика. Дело в том, что это не тот арабский язык, на котором говорит крестьянин, а литературный «неоклассический» язык, весьма трудный для изучения, с трудным правописанием, не отмечающим многих гласных и затрудняющим письмо и чтение. Посредством выучивания на память многочисленных упражнений ученики кое-как овладевают этой премудростью, но опять-таки этот язык становится лишь своего рода искусственным придатком, необходимым для известных деловых задач.

Курс арифметики охватывает четыре основных правила и построен, насколько можно судить по программам, на узком базисе расчета денег, мер и весов египетских, английских и метрических.

Так называемое вещеведение имеет целью дать известное общее развитие и знание вещей окружающего мира и в общих чертах идет по такому образцу:

«Год 1-й. Части тела человека. Части одежды и материалы, из которых они сделаны, сорта пищи и топлива, предметы, продаваемые бакалейщиком, мясником, торговцем материями, книготорговцем. Главные животные: кот, собака, лошадь, корова, овца, верблюд, буйвол. Птицы. Дикие звери: лев, тигр и т. д. Насекомые.

Год 2-й. Сахар, соль. Средства освещения: гарное масло, керосин. Полезные зерна, чай, кофе.

Год 3-й. Вода, воздух, ветер, небо, солнце, месяц, звезды. Части света, части суток. Камни. Земледельческие растения, садовые растения. Разлив в Египте, средства орошения, паровые приспособления. Земледельческие орудия: плуг, борона, мотыка, молотилка, способ употребления каждого из них. Железнодорожная станция, почта.

Год 4-й. Страус, кит, крокодил, — между прочим какую роль этот последний играл в истории Египта (сейчас крокодилов в Египте ниже порогов нет. *А. К.*), калем, карандаш, спички. Лен, шелк, хлопок, губка, каменный уголь, вода и три ее состояния, железо и сталь, медь, серебро, золото. Корабли парусные и пароходы. Луна, объяснение ее изменений. Изменения дня и ночи, объяснение причин этого посредством шаров с нанесенными на них поясами».

Как видим, Министерство тут прекрасно исполнило свою задачу. Тут ничего не сказано про город, фабрику, индустрию и машины, про электричество и т. д. Из железной дороги дана только станция, поскольку там можно взять проездной билет. Земледельческие орудия только примитивные, наипростейшие: египетский плуг, молотилка и извечная мотыка. Ни про какие усовершенствованные сельскохозяйственные машины не упоминается. Что касается самого преподавания, то, как видим, занятия начинаются с самых известных вещей — с частей собственного тела, одежды, с ближайшего к детям животного — кота. Особое внимание обращено на развитие наблюдательности, на обогащение языка. Обучение ведется наглядно: дети рисуют соответствующие предметы. Этому соответствует курс рисования, построенный на вещеведении. Но, начавши с кота и собаки, курс не может вывести детей в широкий мир уже благодаря ограниченности времени. И как-раз тогда, когда учитель, вопреки программе, захотел бы расширить свой курс, например, начиная от каменного угля, перейти к его добыванию, к копям, рабочим на копях и т. д., он ограничен всего лишь одним уроком в неделю.

Но может быть этот, с нашей точки зрения, недостаток восполняет курс географии? Но уже одно то, что курс этот занимает всего один урок в неделю и то в последний год, исключает всякую такую возможность. «Цель этого курса, — говорит программа о географии, — дать ученикам начальные сведения из этой науки, могущие лечь в основу дальнейшего изучения». Под этим «дальнейшим изучением» тут как видно понимается, по крайней мере для феллахских детей, разве что странствование батраков на заработки, происходящие в Египте сезонно в массовом масштабе.

Сама же программа дает: «основную географическую терминологию: дорога, поле, пруд,... горы, пустыня, оазис, долина (вади), город, центр (административный), мюдирия, мохафиза, граница, государство, континент, море, океан, географическая карта». Из общей географии даются сведения о форме земли и ее движении, о континентах и океанах. Под конец идут такие общие сведения о Египте: «границы Египта, его поверхность, размеры, культурные площади, пустыни, река Нил, ее истоки, впадение, ее дельта, растительные продукты, провинции Египта с их главными городами, главнейшие границы между ними». Вот и все. Про Англию, например, учащийся из этого курса, повидимому, не узнает ничего.

Остается еще курс гигиены — узко практический. Про его социальное значение уже говорилось.

8. НИЗШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕВОЧЕК

Для полноты картины следует еще остановиться на программах школ для девочек. Хотя именно теперь Министерство, повидимому, ставит себе задачей объединить образование мальчиков и девочек, но, как можно видеть из одного парламентского заявления министра, дело в значительной степени состоит в том, чтобы работать в той же школе в две смены. Во всяком случае программа женских школ, действовавшая до последнего времени, все же характеризует общее отношение министерства к низшему женскому образованию. Вполне понятно, что девочки готовятся в будущем быть исключительно домашними хозяйками. Значительное место уделено шитью и ручным детским работам из бус, бумаги, глины и т. д. Очевидно, маленькие девочки, — сами еще дети, — охотно занимаются этой ручной работой с тем, чтобы потом обучать своих детей. Вследствие тех же причин в школах для девочек значительное время уделено рисованию. Мальчикам, как видно, уметь рисовать не важно, для них достаточно и одного часа в последнем году. Наоборот, девочкам дается по два часа в первом и во втором году и по одному часу в последние два года. Соответственно этому и остальные предметы проходятся сокращенно, — даже мораль и религия. В этом последнем курсе сущность и задачи преподавания, конечно, те же, но есть характерные особенности. Так, в курсе религии в первом году, кроме обучения обрядам, как и у мальчиков, даются краткие сведения о разных пророках, как-то: Мохаммед, Адам, Нух, Ибрахим, Исмаил, Исхак, Якуб, Юсуф, Муса, Иса, Эйюб, Хут, Шеиб. Мальчикам этих сведений не дают, по крайней мере, о них не говорится в программе, а дается только расширенная биография Мохаммеда. Особенно интересно, что из 22 правил мо-

ральных предписаний, даваемых в школах для мальчиков, у девочек остается только 6, а именно (считая по номерам программы для мальчиков) следующие: 1) поучение Локмана о монотеизме и уважении к родителям, 2) поучение против насмешек и презрительных прозвищ, 8) хорошее отношение ребенка к своим родителям, 16) экономность, 17) воздержание от расточительства, 18) воздержание от излишней еды и питья. Далее рекомендуется выучить уже не 30, а только 10 моральных хадисов. Все прочее отпадает само собой, так как ведь женщине нельзя вести себя плохо в собраниях, где она не бывает, ей не нужно «постоянство и твердость в намерениях», например, в своевременной уплате аренды и податей, так как все это делает ее муж. Уметь слушаться начальства также нет надобности, так как между начальством и женой стоит тот же муж. Курс вещеведения, как и все прочее, сокращен, — нет различных экзотических зверей: льва и крокодила, нет частей тела, что вероятно компенсируется курсом гигиены, нет ничего про каналы, орошение, земледельческие орудия и т. д.

В особом постановлении о школах для мальчиков есть, между прочим, такое указание: если учителя по своей квалификации не соответствуют надлежащим требованиям для преподавания рисования и географии, то время, отведенное для соответствующих курсов, передается каллиграфии. В школах для девочек по поводу того же вопроса разработана целая таблица. Если учителя не могут преподавать курсы рисования, вещеведения, ручных работ с детьми и географии, то часы, отведенные на эти предметы, передаются таким предметам:

Год	1-й	арабск. яз.	2,	каллиграф.	2,	шитью	6,	всего	10	часов
»	2 »	»	3	»	2	»	1	»	6	»
»	3 »	»	2	»	—	»	—	»	2	»
»	4 »	»	2	»	1	»	—	»	3	»

Отсюда видно, насколько ничтожное значение придает министерство этим общеобразовательным предметам, насколько узкие задачи оно себе ставит.

9. ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ТАК НАЗ. «НАЧАЛЬНЫХ» ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ ШКОЛАХ

Совершенно иные задачи ставит себе школа, рассчитанная на детей привилегированных классов. Если оставить в стороне детские сады, подготовительные курсы, домашнее обучение перед поступлением в школу, то

основу этого образования составляют два типа школ: 1) школы так наз. начальные Madâris el-ibtida'îya, écoles primaires, primery schools — с 4 годами обучения и 2) школы средней ступени, так сказать, гимназии, курс которых распадается, в свою очередь, на два концентра, — первый общий в три года, своего рода прогимназия, дающая известные права на государственные должности, и следующая ступень, — два года повышенного курса с двумя уклонами, — «научным» (природоведческим) и литературным. Таким образом это образование в целом занимает девять лет.

Уже распределение предметов в начальной школе сразу показывает большое отличие сравнительно с низшей школой. Вот учебный план этой школы, действовавший с сентября 1933 г.

Таблица 3

Предметы	Число занятий в неделю				
	Год 1-й	Год 2-й	Год 3-й	Год 4-й	Всего
Коран и вероучение	3	2	2	2	9
Арабский язык	13	12	11	11	47
Европейский язык	7	8	8	8	31
История и география	—	2	3	3	8
Арифметика	6	6	6	6	24
Начатки природоведения и гигиены	2	2	2	2	8
Рисование	3	2	2	2	9
Прикладная геометрия, ручной труд или садоводство	3	3	3	3	12
Физкультура	2	2	2	2	8
Всего	39	39	39	39	156

Учебный план для мальчиков и девочек один и тот же. Основным признаком школы является обязательный курс западно-европейского языка. Обычно это английский язык, но иногда и французский, имеющий в Египте большое значение, как ввиду экономической связи с Францией, так в особенности, как язык, имеющий здесь выдающееся культурное влияние. Например, поскольку египетские законы по старой традиции средактированы на французский лад (кодекс Наполеона), то изучать право египетские юристы часто ездят во Францию.

Стоит обратить внимание на то, что на 31 английскую школу с 4443 учениками мы имеем в Египте 137 французских школ с 32 349 учениками (1930—1931 г.), и вообще нужно сказать, что культурное зна-

чение англичан в долине Нила далеко не соответствует их политическому весу. Курс иностранного языка построен чисто практически. В основе лежит разговор, далее чтение, письмо. Метод преподавания близок к Берлицу, — перевода непонятного слова на арабский язык, по возможности, избегают. Цель обучения такова: «Дети при выходе из начальной школы должны уметь понимать текст, поддержать разговор, написать страницу на тему из обыденной жизни в связи с уровнем их общей культурности. Обыденный разговорный язык должен вызывать постоянное внимание преподавателя» (из программы по французскому яз.). Во всяком случае школа дает уже известный законченный уровень знаний языка, известную подготовку, как для практической жизни, так и для продолжения учения в средней школе. Список учебников, а особенно книг, рекомендованных для школьной библиотеки, показывает большую заботу о применении при преподавании лучших европейских методов.

Я не буду подробно останавливаться на остальных предметах в начальной школе. Это — цикл знаний, дающий при окончании известную подготовку на должность низшего разряда чиновника. Дальнейший курс средней школы подробнее и глубже разрабатывает те же предметы и более четко выявляет основную тенденцию образования.

Только курс религии, собственно говоря, почти целиком относится к начальной школе, — в средней школе ей посвящен всего лишь один недельный час в первые два года. В начальной школе курс этот тоже не очень обширен, — по два урока в неделю и только в первый год три урока. Общее его построение напоминает программу низшей школы. Тут мы имеем три основные части: на первом месте стоит Коран, далее собственно «воспитание» (моральное) и наконец обрядность. Однако тут курс еще более морализирован, чем в низшей школе. Тексты Корана и тут зубрят. Но вместо того, чтобы отдаться на волю учителя, — «зубрите сколько можете», — тут точно в программе указаны тексты. Присматриваясь к ним ближе, мы видим, что они отражают идеологию реформированного ислама в духе великого муфтия Египта, реформатора Мохаммеда Абдо, и «модернистского» течения. Вся масса текстов, касающихся таких вещей, как страшный суд, рай, ад, шайтаны и т. п., этот феодальный мир ортодоксального ислама тут отсутствует. Тут идет речь об абстрактном моралистически истолкованном божестве, после чего следуют нормы поведения, широко, детально и систематически разработанные и преподаваемые детям путем рассказов из жизни пророков, особенно, конечно, Мохаммеда с неизбежными коранскими текстами. Вот эти моральные нормы.

Год 1-й. Чистота, помощь слабому, хорошее отношение к бедным, обязательства ребенка в отношении родителей, уважение меньшего к большему и снисходительность большего к меньшему, воспитанность в путешествии, в дороге, воспитанность ученика в школе, воспитанность ученика дома, воспитанность при еде.

Год 2-й. Воспитанность в гостях, верность при обещаниях, дружба с животными, послушность, воспитанность в разговоре, верность, воздержание языка, воспитанность в игре, правдивость, упорство в намерениях.

Год 3-й. Правдивость (еще раз), воспитанность в разговоре, уважение к людям, воздержанность от плохих мыслей, уважение к родителям, верность в слове, экономность, общительность.

Вот основные пункты морального кодекса этой школы. Они имеют целью так воспитать человека, чтобы он мог вести себя надлежащим образом в обществе.

Важно, что кроме примеров из жизни пророков, кроме хадисов о Мохаммеде, программа дает также и сведения из жизни деятелей арабской истории, не исключая и женщин, а именно: Абу-Бекр, Омар, Осман, Али, аль-Ма'мун, Селахеддин, «сеида» Хадиджа, «сеида» Айша (но нет Фатимы и Зейнаб, нет Хасана и Хусейна!). Наконец дается целая серия чисто моралистических хадисов, зазубриваемых по Бохари, весьма популярному в Египте.

Однако, вся эта мораль является лишь первой ступенью буржуазного воспитания. Настоящая его сущность выявляется в школе второй ступени.

10. ОБЩИЙ ОБЗОР ОБУЧЕНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Уже самый учебный план средней школы ярко отражает ее цель — по возможности лучше подготовить выпускников к участию в той жизни, какой она сложилась у господствующих классов Египта. Вот этот план в трех частях (табл. 4).

А. Ислам

Известным переходом от курса религии начальной школы к новым по существу идеологическим путям воспитания в средней школе следует считать те короткие часы, посвященные вероучению, которые все же имеются в программе на первом и втором году обучения. По своему содержанию они весьма характерны. Тут изложение религии тесно связано с тем «национал-либеральным» воспитанием, которое, как увидим далее, старается дать эта школа. Задача этого курса, согласно программы, показать «влияние исламской религии на воспитание души и на отношения между людьми,

Таблица 4

Первый концентр обучения

Предметы	Число уроков в неделю		
	Год 1-й	Год 2-й	Год 3-й
Религия	1	1	—
Арабский язык	6	6	6
Иностранный язык основной	7	7	7
Перевод с иностранного языка основного на арабский	1	1	1
Иностранный язык второй	4	4	4
Математика	6	6	6
Точные науки:			
физика и химия	3	3	3
природоведение	1	1	1
История	2	2	2
География	2	2	2
Мораль и патриотическое воспитание	—	—	2
Рисование	1	1	1
Физическое воспитание	1	1	—
Всего	35	35	35

Примечание. Для истории искусств определяется 7 уроков в год в первом году, 6 уроков во втором году и 7 уроков в третьем году. Эти уроки берутся из часов, предназначенных для истории.

Второй концентр обучения

Отдел точных наук

Предметы	Число уроков в неделю	
	Год 4-й	Год 5-й
Арабский язык	5	5
Иностранный изык, основной	6	6
Перевод с основного иностранного языка	1	1
Иностранный язык второй	3	3
Математика	6	6
Механика	2	2
Физика	3	3
Химия	4	4
Природоведение	3	3
Рисование	2	2
Всего	35	35

Отдел литературный

Предметы	Число уроков в неделю	
	Год 4-й	Год 5-й
Арабский язык	7	7
Иностранный язык основной	7	7
Перевод с иностранного основного языка	1	1
Иностранный язык второй	5	5
Математика	3	3
Точные науки (физика, химия)	3	3
История	4	4
География и геология	3	3
Рисование	1	1
Элементы психологии и логики	1	1
Всего	35	35

привести примеры того, как исламская религии повлияла на жизнь арабов в отношении их объединения, воспитания их характера, искоренения плохих обычаев, которые были распространены среди них». Изложивши далее историю создания и кодификации Корана, учитель должен дать «короткое изложение того, что Коран содержит в себе по вопросам общей культуры и личной жизни, с подтверждением этого некоторыми короткими аятами». На следующий год опять идет история Мохаммеда, но уже с культурно-историческим подходом, как-то: «соперничество между Меккой и Мединой, хиджра и ее культурные (культурно-исторические) причины» и т. д. Дальше идет о сунне, о создании исламского законоведения, четыре главные школы, важнейший раскол в исламе».[1] Наконец курс кончается вполне в духе модернизированных представлений: «Согласие в исламе, свобода и равенство в исламе, права женщины в исламе, почерпнутые из Корана и сунны», «наиболее распространенные секты, противоречащие вере». Какие это секты, сказать трудно, но, как видно, сюда не относятся шииты.[2]

[1] Тут составители программы, как будто, хотят стать выше этого раскола, хотя, как уже было указано, они игнорируют шиитских святых, достаточно популярных в Египте даже и теперь.

[2] Один инцидент на каирском халифатском съезде 1926 г. показывает, какие чисто политические моменты играют роль в такого рода вопросах. На одном из заседаний выдающийся шейх Мохаммед Бехит, бывший великий муфтий Египта, заявил: «нельзя признать, чтобы халифат имел только духовный характер (т. е. не был соединен обязательно со светской властью. *А. К.*), как говорили еретики, признающие одну часть Корана и не признающие другой». При утверждении протокола против этих слов горячо протестовал профессор кол-

Тут не место вдаваться в объяснения того, в чем собственно состоит новое течение реформированного ислама в Египте. Его задача приспособить эту религию к условиям новых буржуазных форм жизни, создать из нее более гибкую, более тонкую систему для поддержки существующих социальных отношений. Отодвигая на задний план всю массу сверхъестественных рассказов средневековья, реформированный ислам в разных его течениях хочет связаться с буржуазной наукой и техникой, приспособиться к новым требованиям классовых взаимоотношений буржуазного общества, выдвигает «освобождение женщины», отрицает халифат, как обязательное религиозное учреждение, отвергает священную войну, рабство и т. д. Это направление, далеко, конечно, не единое, основателем которого был в Египте Мохаммед Абдо, а главным выразителем журнал «Al-Manâr», в разной степени отражается в школьных программах. Оно менее чувствуется в низшей школе, где выступает лишь ее морализаторская тенденция, и гораздо ярче в средней школе. Если заглянем в списки книг, утвержденных Министерством на 1932—1933 г. для этих школ, то увидим там, как книгу обязательную для подготовки курса учителем, «Risâla't tawhîd» шейха М. Абдо. Учебники, повидимому, составлены также в его духе.

Б. Уроки по морали и так называемому «патриотизму»

Теперь мы подходим к самой сути воспитания в привилегированных школах Египта. Египетская буржуазия и помещики, с одной стороны, жестоко эксплоатируют египетских феллахов, а с другой, значительную часть прибылей у них выхватывает их собственный хозяин, английский капиталист. В борьбе за повышение своих прибылей, за право только самим эксплоатировать массы, развивается египетский буржуазный национализм. Правда, он сам по себе бессилен, он все время находится под угрозой, с одной стороны, английских оккупационных войск, а с другой революционного взрыва масс. Но все же он создает себе свою собственную идеологию, строящуюся уже, минуя религию, по образцам идеологии западной буржуазии эпохи ее подъема, когда она еще не бросалась в объятия клерикализма и реакции.

леджа Аль-ель-Бейт в Багдаде Абдельазиз ет-Таʿлаби-ефенди, требовавший, чтобы эти слова были вычеркнуты. Старый шейк уперся. Египетский нотабль Ель-Айуби-бей провозгласил его слова фетвой, которая, как решение муфтия, не подлежит обсуждению. Его поддержал один из представителей Палестины. Более благоразумные члены конгресса едва уняли этот спор: слова остались в протоколе, но как личное мнение шейха Бехита. В основе спора, кроме общей разницы между либеральным и реакционным направлением в исламе, лежал, как кажется, закулисный проект, инспирированный англичанами, сделать халифом египетского короля Фуада, проект, который иракцы всячески старались провалить.

Что касается методов политической борьбы, то тут, как известно, среди господствующих групп Египта есть свои расхождения. «Левые» национал-либералы типа вафда не прочь заострить отношения с монопольным английским капиталом и пустить националистические лозунги в массы. Конечно, ставши таким образом временно во главе массового движения, вафд в конце концов обязательно его предает, как только оно начинает расти и угрожает превратиться в настоящую социальную революцию. Наоборот, более консервативные группы Египта — иттихадисты, так наз. «либералы», а также сторонники Сыдки-паши (партия «ша'б») — никогда не пускаются на такую широкую игру. Вот почему не только в низшей школе для масс, но даже и в привилегированной начальной школе, куда все же могут попасть ученики из низов, нет и следа каких-либо национал-патриотических идей. Иное дело привилегированная средняя школа. Тут даже и консервативные круги, паши и беи считают необходимым соответственно воспитать свою молодежь, дать ей свою классовую идеологию. Собственно говоря, в этой области они ничего оригинального создать не смогли. Образец соответствующего курса взят из аналогичных курсов английских школ.[1] Он состоит из двух частей:

1. Мораль. Тут даются общие основы буржуазного учения о морали и праве, — поступки «свободные» и «несвободные», моральное следствие. Права и обязанности. «Обязанности человека относительно самого себя, относительно отечества и относительно всего человечества». Далее идет система добродетелей: «правдивость, справедливость, уверенность в себе, повиновение, смелость, умеренность, взаимопомощь, выдержка в исполнении долга, искренность в общественной работе», — значит, более или менее те же добродетели, которые в другом месте основываются на текстах Корана. Надо отметить, что с этим курсом связан курс психологии и логики, построенный с практическим уклоном в направлении воспитания известных норм поведения.

2. Собственно курс «патриотизма», состоящий в том, чтобы, во-первых, убедить учеников, что современный строй Египта является лучшим в мире и, во-вторых, дать им знание этого строя. Тут мы имеем между прочим, такие пункты: «государство: разные виды государств, правительство, его важность. Конституция: ее предмет, польза от нее, история конституционного строя в Египте, права отдельных лиц: свобода, равенство,

[1] Я имею в виду прежде всего книгу Арнольда Форстера «The Citizen Reader», которая с 1885 г. выдержала огромное количество изданий, была введена в школы и нашла подражателей за границей, напр. в Японии.

политические права. Обязанности отдельных лиц: повиновение закону, уплата налогов, защита отечества, учение. Центральная власть, виды этой власти: король, как глава государства, законодательная, исполнительная, судебная власть. Законодательная власть, — египетский парламент, польза от объединения двух палат. Специальный объем деятельности законодательной власти» и т. д. Далее идет про министров, про местную власть, про суды и т. под.

Как ни странно, но вся эта программа не только составлена по английскому образцу, но и по английскому указанию. Действительно, не раз египетская верхушка пробовала управлять страной чисто диктаторским путем. В 1928—1929 г. Махмуд-паша совсем уничтожил парламент и управлял, не считаясь с более широкими кругами египетской буржуазии, опираясь только на английские вооруженные силы и собственную полицию. Но сами же английские империалисты, как известно, признали такое положение опасным, и конституция снова начала действовать. Новый диктатор Сыдки-паша в 1930 г. уже не решился ее отменить, но изменил ее так, как мы видели выше. Тогда против этих изменений восстал, между прочим, никто иной, как тот же Махмуд-паша. Однако, после окончательного поправения вафда и его раскола, новая конституция осталась, и правительство признало за лучшее тоже ее не трогать, тем более, что в случае чего с парламентом можно и не считаться, поскольку существует еще сенат, состоящий из консерваторов, назначенных на $^3/_5$ самим королем. Итак, благодаря этим обстоятельствам, мы и в школе видим этот курс, развивающий в учениках известное самодовольство, гордость якобы «самостоятельным» Египтом, и в то же время ничего не говорящий ни про английскую оккупацию, ни про английского верховного комиссара, настоящего командира Египта, ни про то, что конституция не более, как клочек бумаги. Интересно отметить, что разные буржуазные так наз. «политические свободы» трактуются в программе, как свободы отдельных лиц, а не свободы организаций. Про жесткий закон, уничтожающий свободу печати, про зажим профсоюзов и т. д., конечно, нет и намека.

В. Идеология курсов арабской литературы и истории Египта

Итак, в рассмотренном только что курсе египетская буржуазия не создала собственно ничего оригинального. Это те же самые «король, свобода и закон», на которых давно стоит «старая веселая Англия». Проявить известную самостоятельность мысли египетским господствующим классам

приходится тогда, когда они хотят более конкретно показать свое национальное лицо. Старая феодальная концепция на первое место выдвигала религию. Еще упомянутый М. Абдо в своем описании путешествия в Сицилию переживал критское греческое восстание, как поражение «своих» мусульман турок. Это не удивительно, так как учитель его, знаменитый Джемаль-ед-дин Афгани, был вождем панисламизма. Теперь точка зрения изменилась. Хотя, согласно конституции, ислам и является государственной религией Египта, хотя государство и содержит Аль-Азхар и аналогичные учреждения, а в школах всюду изучают Коран, однако ислам сейчас рассматривается официально, как «мировая религия», не связанная обязательно с египетским гражданством. В старой феодальной Турции, например, турок, перешедший в иную веру, собственно переставал быть настоящим турком. Но можно быть египтянином не мусульманином.

Более сложный и запутанный вопрос — это вопрос о роли арабской культуры в Египте. В Египте господствует арабский язык. Это — язык государственный. Мы видим, что классический литературный арабский язык занимает большое место в курсах всех школ. В эти курсы входит также и широкое прохождение арабской старой и новой литературы, той самой, которая создавалась и сейчас создается и в Ираке, и в Сирии, и в Тунисе, и у арабских эмигрантов Америки. Особенно близок был и остается контакт между Египтом и Сирией. Так, во второй половине XIX и начале XX в., начиная от турецкой резни 1860 г. до французского разгрома 1926 г., масса образованных сирийцев эмигрировала в Египет. Они содействовали развитию в Египте литературной жизни, прессы, антиимпериалистического движения и т. д., вообще имели большое влияние на самих египтян, возбуждая известное чувство всеарабского единства.

Между тем, экономические связи Египта с «арабскими» странами все же довольно слабы, особенно с более отдаленными, как Ирак, Иемен, Марокко, тем более, что и политическое положение этих стран весьма различно. Большое значение при этом имеют международные факторы. В то время, как Египет является английской колонией, другие страны принадлежат Италии или Франции, ведущим иную колониальную политику, чем англичане. Кроме того в зависимости от политики Англии в отношении упомянутых двух империалистических держав и египетские господствующие круги изменяют свою линию. Так, с одной стороны, египетское правительство передало Италии оазис Джарабуб — центр сенуситского антиимпериалистического движения в Триполитании, а с другой на так называемом халифатском конгрессе в Каире в 1926 г. оффициально прини-

мали участие политэмигранты из Триполи и среди них ас-сеид Идрис ас-Сенуси, официально именовавшийся в протоколах «Емир Барки и Триполи», событие, вызвавшее формальный протест Италии. Точно так же этот же конгресс вынес протест, обращенный к «Лиге наций, французскому правительству и общественному мнению» против злодеяний французских империалистов в Дамаске в 1926 г.

Последний факт, однако, можно рассматривать скорее как проявление панисламизма, поскольку он исходил от религиозного, а не национально-арабского конгресса (в нем между прочим принимал участие также представитель мусульман Польши).

В целом панарабская идеология не имеет твердой почвы в Египте. Арабская культура рассматривается здесь как своего рода наследство прошлого, как культура, начавшая свое развитие в Аравии среди «арабов», которую далее создавали многие другие народы, в том числе и египтяне, причем в Египте она, дескать, достигла своего высшего развития. По крайней мере именно в этом направлении построен курс арабской литературы в средней школе. Он лишен каких бы то ни было религиозных элементов и делает попытку давать социологический анализ. Так, программа инструктирует: «поэт или писатель изучается с таких точек зрения: общественная и политическая обстановка, среди которой он жил, история его жизни и место, где он жил, влияние всех этих обстоятельств на его душу и проявление этого в его стихах и прозе. Его словарь, стиль, содержание, — взаимоотношение всего этого между собой. Его читатели. Сравнение его с другими поэтами и писателями его эпохи».

Изложивши доисламскую эпоху, учитель излагает начало исламской литературы в таком порядке: «1) Мекка. Несколько слов про нее перед исламом, как про центр религиозный, торговый, политический, и влияние этого на распространение языка корейшитов в Хиджасе. 2) Коран, его содержание, его цель, его язык и стиль. 3) Красноречие пророка. Хадисы и красноречие их языка. 4) Влияние завоеваний на распространение арабского языка. 5) Исламская литература». Тут бросается в глаза, что Коран назван без эпитета «благородный», прилагаемого к нему в курсах религии. Он рассматривается тут как литературный памятник. Слова «красноречие пророка» как видно употребленные в отношении текста Корана (хадисы, ведь, упомянуты особо), с мусульманской точки зрения, конечно, величайшая ересь. Словом, тут, по-моему, даже заметно влияние работ по старо-арабской литературе известного профессора и декана литературного факультета Каирского университета Таха Хусейна. Его литературная хрестоматия,

между прочим, фигурирует и в списке книг, утвержденных для школ Министерством.

Далее идет изложение арабской литературы омейядской и аббасидской эпохи и далее по отдельным странам. Особое внимание, конечно, уделяется Египту, причем мы видим две тенденции.

1. Египет постоянно связывается с Сирией. Например: «Египет и Сирия перед началом мамлюкской эпохи: сжатое изложение политической, умственной и литературной жизни обеих стран: Фустат, Каир, Халяб (Алеппо). Соперничество между Каиром и Багдадом» и т. д. «Египет и Сирия во времена мамлюков. Сжатое изложение вопроса о положении арабского языка после падения Багдада. Египет как прибежище исламской культуры».

2. В последних приведенных словах уже выступает вторая тенденция курса: представить Египет как своего рода культурную крепость, принявшую и сохранившую в себе достижения старой арабской культуры во времена военных разгромов и культурного упадка, в частности при османах.

Эпоха возрождения. Начинается она, как обычно, с экспедиции Наполеона в Египет: «Начало связи между Востоком и Западом и его влияние на египетскую жизнь. Французский поход. Основание Египетской научной академии. Мохаммед Али, нужда в просвещенных людях, отправка в командировки за границу, школы, переводы и компиляции». Конечно, тут социологического анализа уже нет вовсе, и все изменения объясняются просто ссылкой на связи с Западом, в частности по воле отдельных хедивов. Например: «Исмаил, завершение дела его деда, увеличение связи между Египтом и Европой и влияние этого на литературную и научную жизнь» и т. д. Хотя в основе этой части курса лежит Египет, но с ним постоянно связывается Сирия, играющая как бы служебную роль, в чем проявляются известные египетские великодержавные тенденции. Однако, это соединение литератур Сирии и Египта все же вытекает из самого хода развития ново-арабской литературы и, повидимому, не отражает никакой панарабской теории.

Наиболее интересен, конечно, тенденциозный классовый подбор авторов. С точки зрения господствующих классов Египта он довольно либералев. В отделе «публицистической прозы» даны не только Джемаль-ед-дин Афгани и М. Абдо, но и Касим Амин —«борец за освобождение женщины», и Заглул-паша. Среди ораторов мы видим Мустафу Кямиля и того же Са'да Заглула. Словом, египетская буржуазия выдвигает тут людей, отстаивавших ее интересы, и лишний раз показывает, что между консервативными группами Египта и либеральным вафдом нет антагонизма. Однако все, что носило

или носит сколько-нибудь радикальный характер, исключено. Тут я имею в виду не пролетарскую литературу, которой, конечно, здесь нельзя ожидать найти, но нет и мелкобуржуазных оппозиционных авторов. Нет Абу Наддара, известного сатирика, нет братьев Теймуров, Махмуда и Мохаммеда. Фарах Антун и Мудаввар выброшены, очевидно, за вольнодумные философские мысли. Нет сиро-американцев Амина Рейхани, Жубрана Жубрана, хотя они хорошо известны в Египте, да и сама программа постоянно упоминает других сирийцев. Интересно, что программа отмечает некоторую эволюцию новой арабской прозы, но упорно подчеркивает, что вообще арабская литература, особенно же поэзия, осталась на путях старой традиции.

Итак, арабский язык и арабская культура, так же как и ислам, не могут характеризовать основную линию идеологии египетской буржуазии как таковой.

Ее основную тенденцию, как мне кажется, яснее всего можно проследить в курсе истории.

Поскольку этот курс касается Египта, его идея довольно нова даже и для европейской науки. Это — идея о беспрерывном единстве истории Египта от эпохи фараонов до наших дней. Надо сказать, что с методической стороны этот курс, как впрочем и ряд других курсов, обставлен особенно тщательно. Относительно истории программа указывает: «Не нажимать на факты, а на содержание. Употреблять синхронические таблицы, исторические карты в связи с географическими, производить экскурсии в исторические местности, в исторические музеи, зарисовывать экспонаты, писать сочинения на исторические темы», — и далее: «карты должны иллюстрировать основные события, причем ученики сами должны уметь их чертить».[1]

Основное идеологическое содержание курса истории Египта видно из следующих слов: «Нужно, чтобы учитель в преподавании египетской истории дал ученикам представление о древнем Египте, о том, как позднее, начиная с VI в. до н. э., на него шли один за другим нашествия не египтян. Он был независимым государством во времена птоломеев, фатимидов, эйюбидов и мамлюков, а также пользовался большой автономией во время господства Византии, исламского халифата и османского государства».

[1] Вопросы методики преподавания в египетских школах не входят в задачи данной работы. Материалы дают много интересных данных и указывают на то, что, по крайней мере для привилегированных школ, египетская буржуазия старается использовать по возможности все лучшие достижения Зап. Европы и Америки.

Конечно, особенно подробно дается история нового Египта со времен Мохаммеда Али. При этом программа особенно останавливается на разного рода завоевательных экспедициях египтян, напр.: «Поход против ваххабитов и завоевание арабских стран (выходит, что Египет не арабская страна. *А. К.*), завоевание Судана», «завоевания хедива Исмаила в Африке», — далее, после восстания Араби-паши, «новое завоевание Судана». Во всем этом проявляются захватнические тенденции египетских верхов, и до сих пор не желающих отказаться от Судана и оставить его англичанам. Однако решительно нигде в программах нет антианглийских выпадов. Английская оккупация упомянута глухо и изображена как следствие временного затруднения. В общем, история Египта последнего времени изображена так: «Египет в эпоху хедива Исмаила, его внутренние реформы, его завоевания в Африке, его усилия на пути к независимости Египта; затруднения Египта и постепенное проникновение европейцев, восстание Араби, новое завоевание Судана, прогресс Египта в области политики, провозглашение независимости 15 марта 1923 г. и общие реформы со времен восстания Араби».

Мы, конечно, не будем тут опровергать всю тенденциозность такого рода построения. Во всяком случае и этот курс ясно показывает, что египетские господствующие группы отнюдь не выступают против английского империализма, а, собственно говоря, являются его верными слугами.

11. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Таким образом, рассмотрев в общих чертах просветительную политику египетского правительства, мы можем констатировать, что она ярко отражает классовые отношения в современном Египте. Наиболее характерной чертой этой системы образования является резкий разрыв между школой для масс и школой для привилегированных. Первая имеет задачей воспитание угнетенного, в значительной степени по-феодальному эксплоатируемого населения, сдерживание его недовольства и предотвращение нарастания революции. Второй тип школы воспитывает детей эксплоататоров, чтобы лучше устроить их на привилегированных должностях, в частности, чтобы они с большей для себя пользой служили крупным английским монополистам — хлопковикам. Но с другой стороны, она должна дать учащимся известное воспитание в целях самообороны от этих заграничных капиталистов, чтобы под лозунгом «освобождения Египта» отстоять свое право на большую долю в эксплоатации трудящихся масс страны.

Что касается перспектив дальнейшего развития этой системы образования, то ее основной характер едва ли изменится в будущем, пока сохра-

нится господствующий сейчас в Египте порядок. В частности и число грамотных будет расти весьма медленно. Привилегированные школы также имеют мало перспектив к дальнейшему развитию, поскольку уже теперь оно тормозится безработицей выпускников.

Харьков. 1933 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Источники

وزارة المعارف العمومية

قرار ال وزارة رقم ١٩٥١ شامل لخطة الدراسة الموقتة بالمدارس الاولية للبنين و منهج الدراسة بهذه المدارس — بالقاهرة ١٩٢٩

لها قرار ال وزارة رقم ١٩٥٢ شامل لخطة الدراسة الموقتة بالمدارس الاولية للبنات و منهج الدراسة بهذه المدارس — بالقاهرة ١٩٢٩

لها منهج الدراسة الابتدائية بمدارس البنين و البنات — بالقاهرة ١٩٣٢

لها منهج التعليم الثانوى لمدارس البنين و البنات — بالقاهرة ١٩٣٢

لها كشوف الكتب و الادوات التى قررت بالمدارس السنة الدراسية ١٩٣٢—١٩٣٣— بالقاهرة ١٩٣٢

الجريدة (الاهرام) من شهر آذار سنة ١٩٣٢ الى آذار سنة ١٩٣٣

Annuaire statistique d'Egypte. 1930/31. Département de la statistique générale de l'Etat. Le Caire. Chapitre VI, «Instruction» (pp. 142—171) и другие главы, касающиеся бюджета народного пр свещения по Министерству, провинциальным советам, Азхару и пр.

Rescrit royal établissant le régime constitutionnel de l'Etat égyptien (22 oct. 1930) — «L'Europe nouvelle», 14 II 1931, № 679, pp. 209—219.

См. для сравнения текст старой конституции в книге: В. Н. Дурденевский. Конституции Востока. ГИЗ, 1926.

2. Сводки и обзоры

А. Иностранные:

H. Laoust. Introduction à une étude de l'enseignement arabe en Egypte. Revue des études islamiques, 1933, III, pp. 301—351. На стр. 349—351 указана библиография.

F. O. Mann. Education in Egypt (Modern). The Yearbook of Education, ed. by E. Percy, 1932, pp. 982—994.

A Cyclopaedia of Education, by Monroe, v. I, 1925, «Egypt (Modern)», pp. 426—428. Автор статьи: A. T. S.

The Statesman's Year-book. M. Epstein editor, L., 1930, «Egypt: Religion and Education» (pp. 817—818).

Buisson. Nouveau dictionnaire de pédagogie, P., 1911, «Egypte» (pp. 537—542).

Kinderarbeit in Amerika und Aegypten. Allgemeine deutsche Lehrerzeitung. Herausgeg. v. Deutschen Lehrerverein, Berl., 13 August 1931, № 33, SS. 658—659.

Б. Русские:

Надаб. Об аграрных отношениях в колониальном Египте. Револ. Восток, 1933 г., № 1, стр. 74—97; № 2, стр. 91—125; № 3—4, стр. 119—163.

Надаб. Кризис и революционный подъем в Египте. Revol. Восток, 1933 г., № 5, стр. 47—85.

Трояновский, К. Современный Египет. Народное образование, 1924, стр. 82—83.

Ротштейн, Ф. Захват и закабаление Египта, 1925 г., стр. 218—223.

Ротштейн, Ф. Англичане в Египте, 1925 г., стр. 57—59.

«Страны Востока», изд. Всесоюзной восточной торговой палаты, М., 1929 г. Народное образование в Египте, стр. 473—474.

Смирнов, Н. Современный ислам. Ислам в современном Египте, 1930 г., стр. 106.

П. И. ОСИПОВ

Некоторые замечания к китайской рукописи, найденной в 1933 г. в Средней Азии

В 1933 г. при раскопках на горе Муг в долине реки Зеравшан в Таджикистане были найдены, вместе с целым рядом других рукописей, несколько китайских, среди которых имеется один фрагмент, датированный 706 г. н. э. (эпоха Танской династии) и содержащий 7 строк, состоящих из 79 иероглифов (4 в утраченном виде), причем 2 строки от первой части документа, следующие за ними 2 строки — наименования отправителя и адресата и остальные 3 строки — почти полный текст последней части документа.

Фрагмент написан в стиле письма обыкновенного синь-шу (т. е. часть иероглифов написана полным начертанием и часть скорописью), на желтой бумаге с печатью красного цвета, размер 28 × 17—19 см.

Этот фрагмент по всем данным является правительственным документом типа официального отношения (де). Документов такого рода до настоящего времени найдено и сохранилось весьма незначительное количество и изучение этого фрагмента дает нам возможность, с одной стороны, изучить форму официального документа Танской династии, с другой стороны, получить новые данные по ее внутренней и внешней политике.

С этой целью я беру для исследования именно этот фрагмент.

При изучении его, прежде всего, надо показать следующее: во-первых, что он действительно является документом, во-вторых, — определить, когда он был написан, в третьих, — его содержание, в четвертых, — кем и кому он был написан и в пятых, — каким образом он попал на некитайскую территорию.

Относительно первого из намеченных к исследованию вопросов нужно сказать, что если мы определяем этот фрагмент как подлинный документ, мы не можем пройти мимо красной печати, так как, если предположить, что это черновик, то печати на нем не могло быть. Во-вторых, форма

этого фрагмента соответствут форме документа того времени. Одной из основных форм документов Танской династии являлся документ, состоящий из двух частей: 1) текст приказа правительства, обыкновенно заканчивающийся датой и 2) приписка, сделанная чиновником учреждения, через которое проходил документ к низшей инстанции. Данный фрагмент является концом первой части и почти полностью сохранившейся второй частью документа (подробно ниже). Далее, обыкновенно считается, что в документах слово «чи» — 勅 (императорский приказ) должно быть написано с новой строки. Здесь же, во фрагменте, оно написано через небольшой пропуск, и это, казалось бы, дает повод, считать его черновиком, а не официальным документом. Однако, последнее предположение неверно, доказательством чего могут служить танские документы, взятые из сборника «Цзинь-ши-цуй-бянь».[1] Так, в 74 томе[2] сборника, в тексте императорского приказа (времени Танской династии) о пожаловании земель храму «Шао-линь»,[3] в 3-й строке слово «чи» написано с новой строки, в то время, как в 4-й, 5-й, 12-й, 13-й и др. строках оно пишется лишь через небольшой пропуск. Второй пример: в том же сборнике[4] есть сообщение от центрального правительства храму «Хуй-шань», где в 13-й строке «чи» опять-таки написано не с новой строки, а через пропуск, в то время как в 14-й строке оно вынесено на новую строку. Далее, в 119-м томе,[5] в сообщении о пожаловании императором храму звания «Чан-син-вань-шоу-чань юань», слово «чи» написано в 4-й и 6-й строках с новой строки. Отсюда ясно, что слово «чи» в документах Танской династии писали либо через небольшой пропуск, в тех случаях, когда упоминается вообще об императорском приказе данной существующей династии (т. е. говорится об императорском приказе в общем смысле этого слова), либо с новой строки, в тех случаях, когда слово «чи» встречается в донесениях и докладах к самому императору и этим словом обозначается его приказ, либо в том случае, когда в документах к третьему лицу непосредственно упоминается приказ царствующего в данный момент императора, т. е. в узком смысле этого слова, как приказ императора. С этой точки зрения слово «чи» (императорский приказ), написанное в приписке данного документа, где говорится об императорском

[1] 王昶 (Ван Чан) — 金石萃編 (Цзинь-ши-цуй-бянь). — Сборник надписей на древних бронзовых сосудах и каменных стэлах, изд. 1893 г.

[2] p.p. 1 v. 2 v.

[3] Ввиду недостаточного количества китайских знаков в типографии, большая часть иероглифов опущена.

[4] Т. 94, стр. 3.

[5] Стр. 11.

приказе к пограничным военным чиновникам, может быть не дано в отдельной строке, и это не может служить основанием для непризнания данного фрагмента документом.

Наконец, желтый цвет бумаги документа лишний раз доказывает, что это подлинный официальный документ, так как в сборнике «Тан хуй-яо» (唐 會 要) имеется приказ, датированный 20 числом третьего вставного месяца, 3-го года правления Шан-Юань о том, что «если столичные учреждения посылают любые официальные приказы местным учреждениям, они обязаны употреблять желтую бумагу»,[1] ввиду того, что «прежние императорские приказы», написанные на белой бумаге были съедены жучками».[2]

Таким образом можно сказать, что данный **фрагмент является не только официальным документом** (а **не черновиком**), **но даже то, что он является документом от центрального правительства к пограничным военным гарнизонам.**

Теперь перейдем к вопросу о том, когда был написан этот фрагмент. Датировка этого документа вторым годом правления Шэнь-Лун (神 龍 — 706 г.), еще не значит, что он относится к этому времени, так как основной текст мог быть написан в одно время, а приписка — в момент его отправления, т. е. позднее. Иначе говоря, дата основного текста не обязательно должна совпадать с датой приписки.

Для подтверждения данного положения приведем два танских документа из Цзинь-ши-цуй-бянь. Первый документ (см. фиг. 1), помещенный в 73-м томе, касается переименования храма «Лун-Хуа» в «Фын-Сянь».[3] В данном документе основной текст написан 5 числа 12-го месяца 10-го года правления Кай-Юань (723 г.), в то время как чиновник Ши Фань-Цзунь, к которому был первоначально направлен документ правительством, передал его храму позже, и время передачи датировано 12-м числом того же месяца. Второй документ (см. фиг. 2) из 74-го тома является приказом о пожаловании императором земли храму «Шао-Линь». В этом документе первая часть написана 29 VI, в 6-й год правления Чжэн-Гуань (632 г.), а вторая часть 21 XII — в 11-й год правления Кай-Юань (724 г.), так как, как указывает комментарий Ван-Чана — автора Цзинь-ши-цуй-бянь, «. . . . . .указ, изданный в 6-й год правления Чжэн-Гуань, отно-

[1] См. Тан хуй-яо, т. 57, стр. 12.

[2] См. 舊 唐 書 — биография императора Тан Гао-цзун, т. 5, стр. 11.

[3] Стр. 7.

сится к (вопросу) о пожаловании земли данному храму, и он хранился в (учреждении) Чжун-шу[1] до этого года (11-й год правления Кай-Юань), когда по императорскому приказу через Чжун-Шу-пань передали в учреждение Дун-Ду Лю-Шоу, для передачи монахам данного храма, с целью высечения его (приказа) на каменной стэлле».

Итак, дата основного текста документа может быть как на несколько дней, так и на несколько десятков лет раньше даты приписки. Поэтому определить дату данного фрагмента по указанию на «Шэнь-Лун эр нянь» (2-й год правления Шэнь-Лун) нельзя; надо определить исторически и документально, к какому времени конкретно он относится. В 6-й строке данного документа (см. фото фрагмента) встречается название города Дун-ду (東 都) — 'Восточная столица', а известно, что во 2-й год правления Сянь-Цин (657 г.), императора Гао-цзуна, название города Ло-Яна, существовавшего и существующего поныне в теперешней провинции Хэнань, было изменено, и город был назван Дун-ду.[2] Однако, в 684 г. в 1-й год правления Си-Шэн при императрице У Цзэ-тянь были видоизменены как система административного управления, так и названия должностей; вместе с тем она опять переименовала Дун-ду в Шэнь-ду (神 都).[3] Следовательно, во всех документах времени правления У Цзэ-тянь название Дун-ду не могло иметь места. Но через 21 год (т. е. 705 г. н. э.), в первый год правления Шэнь-Лун, когда у власти опять появились танские императоры, город вновь был назван Дун-ду.[5] Это доказывает, что изучаемый нами документ мог быть написан в годы правления Шэнь-Лун, но не исключается возможность более позднего написания его, поскольку дата имеется только для непосредственного текста документа, а даты приписки нет. Ясно, что приказ императора был отдан во 2-й год правления Шэнь-Лун, но отправить его могли гораздо позже, о возможности чего выше уже было указано. Но опять-таки имеются исторические данные, благодаря которым можно доказать, что он был отослан в промежутке между 706—713 гг., т. е. в течение этих 7 лет. Ответ на такое утверждение дает сам же документ. В первой его строке говорится: «Фан-ча цянь-чжи-цзянь-цзюнь юй-ши чжэ[1]...» (обследовать дела *ранее существовавшего* военного цензора...).

Здесь речь идет о «ранее существовавшем». Следовательно, когда составлялся данный документ, уже не существовало должности цзянь-цзюнь

[1] Секретариат центрального дворца при Танской династии.

[2] См. кит. историю «Туи-Цзянь Цзи-Лань 通 鑑 輯 覽, т. 52, стр. 3.

[3] Ibid., т. 52, стр. 33.

[4] Ibid., т. 53, стр. 31.

юй-ши (военного цензора). Какие сведения дают нам об этой должности китайские источники? Согласно им, в 3-й год правления Чуй-Гун (687 г.), при императрице У Цзэ-тянь, была упразднена должность военного цензора, так как, как указывают источники, «цензор (юй-ши 御史) отправлялся от центрального правительства для контроля над военными частями, а это слишком связывало необходимую быстроту и свободу действий войск». Ко времени правления Шэнь-Лун должность цензора еще не была восстановлена. Это дает ключ к пониманию того, почему в данном фрагменте указывается на военного цензора, как на «ранее существовавшего».[1] Комментатор истории «Тун-цзянь цзи-лань» в вопросе об отмене должности военного цензора указывает,[2] что эта должность (цзянь-цзюнь юй-ши) была восстановлена лишь в годы правления Кай-Юань (713—742 гг.) Этот факт должен явиться исходным пунктом для исследования вопроса о том, когда был написан документ, и он же дает ответ на это, а именно, что дата документа может быть отнесена к периоду с 706 г. и позже, в течение всего времени правления Кай-Юань (713—742), т. е. до момента восстановления должности цзянь-цзюнь юй-ши.

Далее, наименования пограничных частей, как например цзюнь (軍), шоу-цу (守捉) и др., которые встречаются в документе, были наименованиями военных единиц, составлявших пограничную систему во время Танской династии, начиная с годов правления У-дэ до годов правления Тянь-бао (т. е. до 742 г.),[3] поэтому и терминыц зюнь, шоу-цоу могли употребляться только в период с 618 по 742 г. Значит документ, в котором встречаются данные названия, не мог выходить по дате за пределы 742 года.

Итак, все вышеприведенное доказывает, что документ может датироваться периодом 706—742 гг. Но в 6-й строке документа встречается название учреждения Дун-ду ю юй-ши. Я предполагаю, что здесь в оборванном левом верхнем углу документа должен быть еще один знак «тай» (臺). А известно, что это учреждение, т. е. Дун-ду ю юй-ши-тай (младший цензорат Дун-ду) было упразднено 25 X второго года правления Сянь-Тянь (713 г.).[4] И это доказывает, что данный документ не мог быть написан после 713 г., и дает возможность утверждать, что документ был написан в период между 706—713 гг.

[1] См. Синь тан-шу.

[2] Тун-цзянь цзи-лань, т. 52, стр. 39.

[3] Слово «чжи» 置 вообще значит «установить», «поставить», «основать»; здесь же я перевожу его причастием от глагола «существовать», поскольку речь идет о должности «военного цензора», которая во время отправления документа была уже отменена.

[4] См. сборник Тан-Хуй-Яо, т. 60, стр. 1.

Третий вопрос — вопрос о содержании этого документа. Ответ на него неизбежно должен охватить, во-первых, общую политическую обстановку Китая того времени, во-вторых, внешнюю политику Танской династии в тот период, а вместе с тем и положение пограничных областей в Западном Китае. И лишь на основе всего этого можно дать точный перевод текста фрагмента; это требует также исследования вопроса об административном управлении при Танах, в результате чего можно показать соответствие терминов административного аппарата, встречающихся во фрагменте, с существовавшими в то время административными единицами. И таким только образом можно получить более полное представление о фрагменте.

Эпоха Танской династии является на протяжении всей истории Китая периодом наибольшей территориальной экспансии. В период формирования династии, когда Ли Ши-минь, инициатор захвата власти от Суйских феодалов, подавил всех своих внутренних и внешних врагов и тем самым объединил под своей властью территорию, — уже в этот период власть Танских императоров была действительно крепкой, и весь феодальный строй централизованным. Одним из методов сохранения и укрепления этой центральной власти являлся систематический контроль над провинциальными властями, чем стремились парализовать сепаратизм местных провинциальных феодалов. Контроль проводился как в гражданско-политическом отношении, в лице инспекторов — чу-чжи-ши (黜陟使), фан-ча ши (訪察使) и др., так и в военном — в лице военных цензоров цзянь-цзюнь-юй-ши (監軍御史). Например: «... в 8-й год правления Чжэн-Гуан (634 г.), император Тай-Цзун (т. е. Ли Ши-минь) послал Ли-Цзина, Сяо-Юя и др., всего тринадцать человек, во все области страны для контроля» (см. Цзы-Чжи Тун-Цзянь, т. 194). Такой контроль проводили обязательно в тех случаях, когда в стране было неспокойно. Так мы читаем в династийной истории, что: «вследствие восстания князя Ли-Ю и переворота, устроенного наследником в 643 г.,[2] совместно с целым рядом чиновников 646 г. был послан Сунь-Фу-Цзянь и др., всего 22 человека для обследования страны». В связи с этим были проведены карательные меры — приговорены к смерти 7 человек и до тысячи сослано. Такие мероприятия центрального правительства надо рассматривать не иначе, как один из методов борьбы центральной власти с сепаратизмом местных феодалов, пытающихся быть самостоятельными по мере усиления и укрепления на своих территориях.

[1] См. Синь Тан-шу (新唐書) — глава Военные описания (Бин-чжи).

[2] См. Тун-Цзянь-Цзи-Тань, т. 51, стр. 18—19.

Эпоха Шэнь-Лун, в период Танской династии, являлась эпохой начала упадка центральной власти. После годов правления Шэнь-Лун мы имеем сведения о том, что «...пограничный воевода Ань Лу-шань поднял восстание и повел наступление на столицу. Военная сила императора была слаба и он не в состоянии был сопротивляться. Затем Ань Цинь-сюй и Ши Сы-мин продолжали восстания против Танской власти... После подавления этих повстанцев, все военные чины стали крупными военными наместниками, захватив территории до нескольких десятков округов. Войска выгоняли своих командующих, а командующие выступали против императора, когда (они) укреплялись. В случае смерти отца, его место преемствовал сын, продолжая по наследству владеть войсками, а не передавал их центральной власти; либо же войска выбирали чиновников и командующих по желанию и затем уже просили правительство утвердить их в должности. В таких случаях император был не в силах с ними справиться и они распоряжались всеми делами сами, захватывая друг у друга территории. Вне столицы вся страна была поделена между множеством отдельных местных военных правителей.»[1] Поэтому накануне этого распада, борьба императрицы У Цзэ-тянь за власть представляла собой ни что иное, как борьбу между отдельными феодальными группировками. Она (У Цзэ-тянь) приняла решительные меры (жестокий террор) и этим закрепила свою власть. Тем не менее влияние группировки Танских чиновников было еще очень сильно, и это обусловило возвращение Танских императоров к престолу. После ликвидации группировки У Цзэ-тянь центральная власть Тан не могла не применять свой традиционный метод укрепления завоеваний и ликвидации стремлений к сепаратизму путем обследования провинциальных и особенно пограничных районов, где были сосредоточены крупнейшие и сильнейшие военные феодалы. Во-вторых, с момента переворота У Цзэ-тянь, когда центральное правительство не могло уделять особого внимания местным властям, там неизбежно происходили среди чиновничества всевозможные злоупотребления. Именно поэтому в пограничном районе был обнаружен документ, содержание которого заключается в обследовании государственных амбаров и военных гарнизонов. Имеется целый ряд аналогичных фактов, относящихся к этой же эпохе. Во 2-й месяц 2-го года правления Шэнь-Лун была произведена посылка 20 человек по всей стране, с целью обследования. Такого рода обследования, иначе говоря, такой метод борьбы с местными феодалами, с целью укрепления центральной феодальной власти,

[1] См. Вэнь-Сянь Тун-Као (文獻通考), т. 151, стр. 21.

становится еще более необходимым в тот момент, когда удельный вес авторитета власти переносится на местное военное чиновничество. Поэтому в 21-й год правления Тянь-Бао (733 г.) было постановлено послать уполномоченных лиц во все 15 округов страны, с целью обследования и выяснения злоупотреблений и нарушений законов.[1] Но благодаря усилению и укреплению местных военных властей постепенно функции такого лица принимал на себя сам военный глава округа, и вместе с этим первоначальное значение обследования совершенно терялось.

Такова была общая политическая обстановка, которая дает представление о том, как мог появиться данный документ и какую роль он играл.

Перейдем к вопросу о внешней политике Танского правительства до годов правления Шэнь-Лун и о положении на западных границах Китая, откуда документ попал в Среднюю Азию. «С начала Танской династии, в течение 40 лет, были экспедиции и походы, проведенные по всем направлениям. Уничтожены были Ту-Кюе, Ся-Янь-То; разбиты тибетцы, подчинены Ту-Гу-Хунь, Тунгут, Гао-Чан, Янь-чжи, Гуй-цзы, Ту-Хо-Ло, присоединены Синь-Ло и Жибэнь, захвачены Вай-Цзи и Гао-Ли, проникли вглубь их территорий, установив там должностных лиц для управления... Почти весь азиатский континент был подчинен Танам».[2] Такая завоевательная политика Танского царства не могла не вызвать, как необходимое следствие, усиление военных гарнизонов на всех границах Китая и в особенности на северо-западных, где происходили тогда длительные и жестокие схватки с внешними врагами, каковыми являлись Тибет, Ту-Кюе, Ту-Гу-Хунь, Тунгут и др. Китайские военные гарнизоны поэтому были, главным образом, сосредоточены именно на этом участке для укрепления завоеваний в западных пограничных районах. К эпохе Шэнь-Лун большая часть этих районов уже была более или менее твердо закреплена за Танским государством. Например, Го Юань-чжэнь был пограничным воеводой в Лян-чжоу (涼 州) (пограничный округ в Западном Китае). Он построил город, где поселил войска для борьбы с Ту-Кюе и Тибетом. Своим подчиненным — уездным чиновникам — он повелел учреждать военные поселения. Кроме того, во всех пограничных районах, в том числе и в Лян-чжоу, были амбары (倉 庫),[3] о которых говорится в нашем документе. Это уже дает нам более или менее ясное представление о том, что будет говорить изучаемый нами документ, и он же дает нам возможность увидеть, как шла

[1] См. Тун-Цзянь Цзи-Лань, т. 54, стр. 45.
[2] См. Ван Тун-Лин «История Китая», т. II, стр. 591.
[3] См. Тун-Цзянь Цзи-Лань, т. 54 и Цзинь-ши-цуй-бянь, т. 69.

борьба между танскими феодалами. В этом отношении данный подлинный, конкретный, политический документ, является единственным среди доступных нам документов.

Обрисованное выше общеполитическое положение Китая и положение на западных границах его являются до некоторой степени ключем к переводу интересующего нас фрагмента.

1. Обследовать ранее существовавшего военного цензора должны...
2. Второй год Шэнь-лун первый вставной месяц...
3. Центральная государственная канцелярия сообщает (в) У-цзянь
4. Эмиссару пограничного гарнизона Цзяо-Чэна
   эмиссару пограничного гарнизона Да-Доу
5. (Данное) отношение[1] (содержит): (в) отношении по императорскому приказу о детальном инспектировании амбаров и обследовании эмиссаров армии всех округов говорится, (что) в пересмотренных
6. делах (находится) отношение по императорскому приказу об обследовании эмиссаров пограничной армии всех округов, которое указывает, что получено отношение от младшего цензората Дун-ду
7. от отдела чинов, указывающее, что получен императорский приказ, подобный вышеизложенному. (Данное) отношение вполне соответствует...

На основании некоторых имеющихся форм Танских документов[2] я предполагаю, что данный фрагмент включает в себя конец основного текста документа (1 и 2 строки) и почти полный текст приписки (5—7 строки). Утраченными в приписке являются только последние 8-я и возможно 9-я строки, в которых по форме документа должно быть: 8 строка — 敕 «императорский приказ» (так как документ являлся перепиской императорского приказа) и 故 牒 «поэтому сообщается», как обычная форма окончания в отношениях и, наконец, дата и подпись. Таким образом непосредственно после слова, «соответствует» на той строке должны быть:

8. Императорскому приказу, поэтому сообщается.
9. Дата и подпись.

При переводе этого документа, нужно прежде всего, указать на то, что он был составлен на основании нескольких документов, а именно, он основывается на императорском приказе, полученном от младшего цензората Дун-ду [Дун-ду-ю-юй-ши (тай)], который, в свою очередь, был получен от отдела чинов (Ли-бу), о чем говорится в отношении по приказу импе-

[1] Отношение (де), как название официальной бумаги, официального «отношения»

[2] См. Цзинь-ши цуй-бянь тт. 73, 74, 94, 95, 119, 123, 126, 132, 133 и др.

ратора об обследовании пограничной армии эмиссаров всех округов, найденном в делах. Такая конструкция в текстах официальных документов существует свыше тысячи лет и сохраняется до сего времени. Во-вторых, необходимо сделать некоторые замечания о конструкции предложения данного текста. В первой строке мы читаем: «Фан-ча цянь-чжи цзянь-цзюнь юй-ши чжэ и...» (訪察前置監軍御史者宜). Как мы должны понимать эту фразу синтаксически, не принимая во внимание последнего слова «и»? Является ли она самостоятельным предложением? Нет, она непременно должна быть связана со следующей частью предложения (здесь утраченной), поскольку после него имеется глагол «и» (宜), который требует за собой еще дополнительного предложения. Приведу аналогичные примеры из Танских документов:

1. 勅文武選人檢甲歷不獲者宜牒中書門下爲檢.[1]

2. 駁正者宜便注薄落下.[2]

3. 有宣付諸司處置者宜更宜覆奏.[3]

Эти небольшие выдержки из документов показывают, как обычно предложение или часть предложения, оканчивающиеся на «чжэ» (者), если они имеют после себя глагол «и» (宜), то этот глагол «и», являющийся сказуемым, всегда требует после себя дополнительного глагола и, следовательно, фраза не может закончиться на слове «и». Далее, в третьей строке документа имеется знак «де» (牒), которому в словарях обычно дается значение существительного, а именно: «официальный документ», «грамота», «отношение», а не глагола. Тем не менее нужно считать, что этот знак в тексте данного документа употребляется именно как глагол в значении «посылать отношение» или «сообщать». Из вышеприведенных выдержек танских документов это довольно ясно видно. Там мы читаем: «宜牒中書門下..» и «具注事申牒中書省...» т. е. слово «де» грамматически ни в коем случае нельзя объяснить как существительное, а лишь как глагол. Поэтому в третьей строке документа я перевожу «де» глаголом, в остальных же случаях, как существительное. Слово «чи» (勅) в 5-й и 6-й строках употребляется как существительное, поэтому «бэй чи» (被勅) я перевожу «по императорскому приказу», т. е. грамматически как обстоятельство, а после «бэй чи» имеются и сказуемое и дополнение.

[1] См. Тан-хуй-яо, т. 75, стр. 22.

[2] Ibid., т. 54, стр. 5.

[3] Ibid., т. 54, стр. 6.

訪察前置監軍御史者[illegible]
神龍二年四月[illegible]
都司　　時伍間
交城守捉使　　大什守捉使
勅監覆倉庫兼訪察諸州軍使牒稱
牒報
勅訪察諸州軍使牒稱得來都府長史
牒內報
[illegible]史部牒稱春
勅前北[illegible]者

Теперь перейдем к вопросу о тех административных и военных наименованиях, которые встречаются в документе, для того чтобы показать, что они полностью совпадают с действительно существовавшими в ту эпоху. Прежде всего, остановимся на военной пограничной системе. В Синь Тан Шу в главе «Бин-чжи» читаем: «В начале Танской династии пограничные отряды — крупные Цзюнь (軍), а мелкие Шоу-цо (守促) или Чэн (城) или Чжэнь (鎮) находились под ведением Дао (道), как например: Чи-Шуй Да-Доу (大斗), Бай-Тин (白亭) и др. десять Цзюнь и У-Чэн (鳥城) с другими четырнадцатью Шоу-цо составляют Хэ-Си дао (河西道). каждый Цзюнь, Чэн, Шоу-цоу имеет эмиссара (Ши 使), а Дао одного главнокомандующего, которым является Да-цзунь-гуань (大總管), впоследствии переименованный в Да-Ду-Ду (大都督). Из этого ясно, что интересующий нас документ был направлен к эмиссару Цзяо-Чэн Шоу-Цо и Да-Доу Шоу-цо. В каком районе находились эти города? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать предварительные замечания относительно чтения названий их. С точки зрения китайской каллиграфии документ написан весьма красиво и в вежливой форме, но не в печатном стиле. Если неправильно прочесть иероглифы в документе, то нельзя и определить, где находились данные города, поэтому необходимо уточнить чтение названий этих двух городов, а именно: Цзяо-Чэн и Да-Доу (4-я строка документа).

В истории Тун-Цзянь Цзи-Лань (т. 55) указывается, что в 6-й год правления Тянь-бао (747 г.), Го Шу-Хань был назначен помощником эмиссара в Да-Доу Цзюнь. Комментарий к этому говорит, что Да-Доу Цзюнь находится в округе Лян-Чжоу в провинции Гань-Су. Описание провинции Гань-Су (甘肅通志) дает следующие указания об этих городах.[1]

Да-Доу Цзюнь находился западнее Лян-Чжоу на 200 ли. Во время правления Кай-Юань, он из Шоу-цо, будучи под ведением Чи-шуй Цзюнь, был переименован в Да-Доу Цзюнь. На западе граничил с Чжан-И (張掖), на востоке с У-Вэй (武威)...

Цзяо-Чэн Шоу-цо находился к западу от уезда Юн-чан (永昌), учрежден был в эпоху Танской династии. Книга «Юань-хэ-чжи» указывает, что Цзяо-Чэн Шоу-цо находится западнее Лян-Чжоу на 200 ли.

Таким образом ясно, что города Да-Доу и Цзяо-Чэн находились в провинции Ганьсу, на самой границе с Тибетом и были друг от друга на очень близком расстоянии. Позже, в 16-й год правления Кай-Юань (728 г.) Да-Доу Шоу-цо был преобразован в Да-Доу-Цзюнь[2] и вместе с Цзяо-Чэн

[1] См. т. 23, стр. 5.
[2] См. Тан Хуй-Яо, т. 78, стр. 12.

Шоу-цо находился под ведением Хэ-Си Дао, а затем Хэ-ши-цзе-ду-ши. Каждая из военных единиц (так наз. «Цзюнь») включала в себя от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек войска и от нескольких сот до нескольких тысяч с лишним лошадей. Шоу-цо включал меньше, а именно: от нескольких сот до нескольких тысяч человек войска. Например: Чи-Шуй Цзюнь находился в самом городе Лян-чжоу, в нем было 33 000 солдат, 13 000 лошадей. Да-Доу Цзюнь находился западнее Лян-чжоу на 200 с лишним ли и ммел 7 500 солдат и 4400 лошадей. Бо-цин шоу-цо был на 500 ли северо-западнее Лян-чжоу и в нем было 1 700 солдат. Цзяо-Чэн Шоу-цо находился на 200 ли западнее Лян-чжоу и имел 1000 солдат.[1] Управление пограничными войсками данного округа находилось в Лян-чжоу. Что представлял собой тогда Лян-чжоу и какой силой он обладал? Как указывает книга «Си-юй као-гу-лу» (西域考古錄) «задача Хэ-ши цзе-ду состояла в том, чтобы изолировать Тибет от Ту-Кюе. Ведал Хэши цзе-ду 8 Цзюнями, а именно: Чи-Шуй (赤水), Да-Доу (大斗), Цзянь-Кан (建康), Нин-Коу (寧寇), Юй-Мынь (玉門), Мо-Лин (墨離), Доу-лу (豆盧) и Синь-Цюань (新泉) и тремя Шоу-Цо, т. е. Чжан-И (張掖), Цзяо-Чэн (交城) и Бай-Тин (白亭). Все войска начальника Лян-чжоу были расквартированы в пяти округах: Лян (涼), Су (肅), Гуа (瓜), Ша (沙) и Хуй (會). Главное же управление находилось в Лян-чжоу. Количество войска определялось в 73 000 человек с 18 000 лошадей. Сам округ был весьма богат, почва плодородна; в отношении скотоводства округ был богатейшим в стране. В период Танской династии именно там были учреждены 8 управлений по коневодству, и количество лошадей достигало 300 000 голов.[2] Отсюда понятно, почему Лян-Чжоу явился яблоком раздора между Китаем и Тибетом.

Теперь перейдем к вопросу об административном устройстве при Танах. Так как к тому времени феодальная система была уже довольно развита, то и аппарат феодального управления был сложен. Высшими титулами являлись три «Гуна», т. е. Тай-Вэй, Сы-Ту и Сы-Кун, и три «Ши»: Тай-ши, Тай-фу и Тай-Бао, причем они по существу являлись лишь почетными должностями — нечто вроде советников императора и не имели никакой реальной власти. Вся власть была в руках трех министерств — трех «Шэн» (省), а именно: а) Шан-Шу (尙書), б) Чжун-Шу (中書) и в) Мынь-ся (門下); при министерстве «Шан-шу» имелись Цзо-пу-шэ — старший помощник и Ю-пу-шэ — младший помощник. Первый из них ведал

[1] См. Цзю Тан-шу — отдел Географических описаний, стр. 3—4.
[2] Т. 3, стр. 3—4.

отделами: чинов (Ли-бу), финансов (Ху-бу), церемоний (Ли-бу), а второй отделами: военным (Бин-бу), уголовных наказаний (Син-бу) и отделом ремесла (Гун-бу). Следуя традиции предшествующих династий, имелся институт цензоров — Юй-ши-тай, главой которого являлись Да-фу (大夫) и его помощник Чжун-чэн (中丞). При нем имелись три главных отдела: первый отдел — Тай-юань, к нему принадлежали Ши-юй-ши и второй отдел — Дянь-юань, к которому принадлежали Дянь-чжун Ши-юй-ши, третий отдел — Ча-юань, к нему принадлежали Цзянь-ча юй-ши. Дела, имеющие большее значение, разбирали и разрешали с ведома императора, более мелкие — самостоятельно.

Во время правления У Цзэ-тянь, институт Юй-ши-тай был переименован в Су-чжэн-тай и в 1-й год правления Гуан-Чжай (684 г.) это учреждение было подразделено на старший тай (цзо-тай) и младший тай (ю-тай). В компетенцию первого входили надзор за всеми учреждениями административного аппарата (вертикально) и контроль военных округов, а в ведение второго входило обследование по уездам (горизонтально) и изучение обычаев и нравов. Два раза в год отправляли цензоров в количестве 8 человек. Было установлено 48 статей, на основании которых цензор вел обследование уездов и округов.[1]

Для более ясного представления о переводимом и исследуемом нами документе следует остановиться детальнее на одном из отделений при Юй-ши-тай, т. е. на Цзянь-ча юй-ши. Цзянь-ча юй-ши состоял всего из 15 человек. На их обязанности лежало обследование всех чиновников и инспектирование всех округов, а также контроль как над судебными, так и над военными и другими делами. Приведу наиболее характерные из их функций: изучение личности чиновника, соответствие его занимаемой должности; затем наблюдение за исполнением земледельческих работ и предотвращении злоупотреблений в работе государственных амбаров.

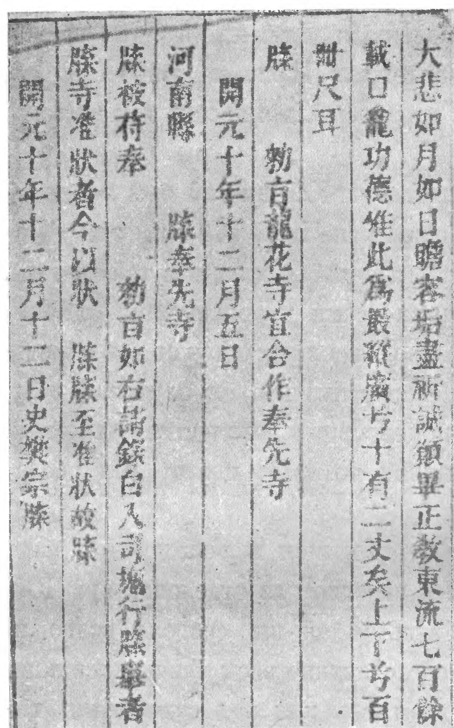
Изложенные исторические моменты не только показывают административную и военную структуру феодального аппарата Танской династии, на основании которой можно доказать, что все термины, встречающиеся во фрагменте, полностью совпадают с действительно существовавшими, но вместе с тем и объясняют:

1. Функции административно-политического характера, что дает возможность понять, почему данный документ говорит об обследовании воен-

[1] См. История династии Тан (Тан-Шу). Описание гражданских чинов (Бо-Гуань Чжи).

ных эмиссаров и об инспектировании амбаров, почему в нем упоминается Ли-бу (отдел чинов), Юй-ши-тай (цензорат) и др.

2. Историческое значение этого документа, так как он показывает, как танские правители стремились удержать в своих руках централизованную власть и какая громадная сила была направлена на пограничные районы с целью укрепления захваченной территории и развертывания дальнейших наступлений.

大悲如月如日瞻容垢盡祈誠頓畢正教東流七百餘
載口龕功德惟此爲最額廣兮十有二丈矣上下兮百
卌尺耳
牒 勅旨龍花寺宜合作奉先寺
開元十年十二月五日
河南縣 牒奉先寺
牒被符奉 勅旨如右請錄白入司施行牒舉者
牒寺准狀者今以狀 牒牒至准狀故牒
開元十年十二月十二日史樊宗牒

Фиг. 1.

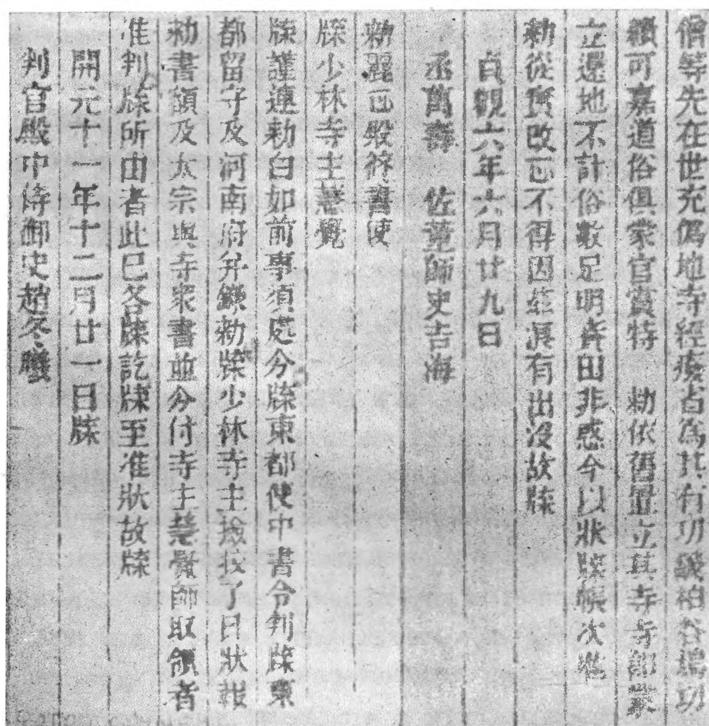
Четвертый вопрос, требующий разрешения, это вопрос о том, кем и кому был написан документ. Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно внимательно изучить форму документов Танской династии. Для сравнительного анализа беру два документа из сборника Цзинь-ши цуй-бянь,[1] форма которых наиболее близко подходит к форме изучаемого нами документа.

Первый документ — отношение, на основании приказа императора, приложенное к описанию буддийской кумирни (см. фото документа № 1) о переименовании храма «Лунь-Хуа» в «Фын-Сянь», датированное 5-м числом 12-го месяца десятого года правления Кай-Юань (723 г.).

Этот документ состоит из двух частей: первая — императорский указ, после чего стоит дата (основной текст), затем вторая часть — приписка, состоящая из указания, кем и кому передан документ и непосредственный текст приписки начальника уезда (Хэ-нань), затем дата и подпись последнего. Второй документ (см. фото документа № 2) состоит также из двух частей: первая — основной текст, излагающий основания пожалования земли храму «Шао-Линь», датированный 29 числом шестого месяца, шестого года правления Чжэн-Гуань (632 г.), и приписки, датированной гораздо позже — 11-м годом правления Кай-Юань (724 г.), так как во время Кай-Юань, когда храм просил императора отдать данный приказ, последний был отправлен через «Ли-чжэн-юань-сю-шу».

[1] См. т. 73, стр. 7 и т. 74, стр. 1—2.

Из этих двух приведенных документов ясно, что одной из форм официальных документов Танской династии были документы следующего типа: А — основной текст, Б — дата, В — от кого и кому, Г — приписка, Д — дата и подпись. Но это только общая форма. Необходимо установить, существует ли разница, и если да, то какая, между первым и вторым приведенными документами. Первая форма (1-й документ) заключается в том, что императорский приказ в форме отношения посылается в уезд

僧等先在世充偽地寺經廢省為其有功[illegible]
續可嘉道俗俱蒙官賞特 勅依舊置立其寺寺[illegible]
立還地不許俗數足明斉田非惑今以状[illegible]
勅從貲改亡不得因茲濕有出沒故牒
貞觀六年六月廿九日
丞萬壽 佐董師 史吉海
勅麗正殿修書使
牒少林寺主慧覺
牒謹連勅白如前事須處分牒東都使中書令判牒奉
都留守及河南府并錄勅牒少林寺主檢校了日状報
勅書額及太宗與寺衆書並令付寺主慧覺師取領者
准判牒所由者此已各牒訖牒至准狀故牒
開元十一年十二月廿一日牒
判官殿中侍御史趙冬曦

Фиг. 2.

Хэнань, где находится храм «Фын-сянь», и затем через начальника уезда, опять в форме отношения передается храму, иными словами, через посредство местных властей. По второй же форме (2-й документ) приказ передается из столицы непосредственно храму.

К какой же из этих форм относится интересующий нас документ, т. е. императорский приказ об обследовании амбаров и инспектировании эмиссаров пограничной армии всех округов, переданный через вышестоящие инстанции или непосредственно из столицы в Цзяо-Чэн Шоу-цу, Да-Доу Шоу-цу? Если предположить, что он принадлежит к первой форме, то упоминаемое в документе учреждение «Ду-сы» (都 司) должно являться

учреждением местного значения, если же он принадлежит ко второй, то «Ду-сы» должно являться учреждением центральной власти. По внешней форме данный документ как будто относится одинаково как к первой, так и ко второй форме, но нам необходимо этот вопрос уточнить. В первом десятилетии существования Танской династии все занимаемые внешние, за пределами Китая территории, превращались в территории подчиненные и для управления ими организовывались институты с задачами военного управления, носящие название «Ду-сы». В географическом описании в главе «Об исследовании севера и юга Тянь-Шаня»[1] указывается, что север и юг Тянь-Шаня являлись областями Ту-Кюэ, Шато и Хуй-Гу. У западных Ту-Кюэ были учреждены военные управления «Ду-сы» (都 司) и институт Да-ду-ху-фу (大 都 護 府) для общего управления. Можно было бы предположить на основании таких данных, что документ был послан в «Ду-сы», который явился передаточным пунктом в Цзяо-чэн Шоу-цу и Да-доу Шоу-цу. Но это неверно, так как такие «Ду-сы» являлись военными управлениями на внекитайской территории и не входили в систему военных организаций Китая; по всем данным «Ду-сы» не являлся высшей инстанцией для Шоу-цу, тем более, что в китайской истории этого термина в смысле пограничного гарнизона, в Западном Китае при Танской династии, мы не встречаем нигде. Выше, где мною указывалось на то, что данный фрагмент является подлинным документом, одновременно упоминалось, что он послан от центрального правительства. Теперь становится совершенно ясно, что он был послан от какого-то центрального учреждения, носившего название «Ду-сы». Остается только выяснить, что представлял собой институт «Ду-сы».

В Синь Тан-шу[2] указывается, что все приказы, отношения и другие документы должны сначала посылаться в Ду-Шэн (государственная канцелярия), и лишь тогда могут быть отправлены в провинции... В Тан Хуй-яо в главе Шан-шу-шэн также указывается, что если «все учреждения столицы отправляют отношения, приказы и пр., то это должно быть обязательно осуществлено через «Ду-Шэн» и, кроме отделов «военного» и «чиновников», все остальные используют печать «Ду-сы». Дальше в Тан Хуй-яо,[3] где говорится о страже в Шан-шу-шэн, тоже упоминается «Ду-сы». Таким образом, «Ду-сы» являлось государственной канцелярией при Шан-шу-шэн, через которую отправляли отношения и приказы во все округа. Если

[1] См. 龔柴天山南北路考略, стр. 1.
[2] Т. 48, стр. 5.
[3] Т. 82, стр. 10.

это так, то следовательно форма исследуемого фрагмента сходна с формой второго документа, т. е. он был послан из столицы непосредственно к военному пограничному эмиссару Цзяо-Чэн Шоу-цу и Да-Доу Шоу-цу. Что касается слова «У-цзянь» (伍 澗) в 3-й строке нашего фрагмента, то, судя по форме документа, я предполагаю, что это должно быть названием места.

В книге Као-гу-лу дается историко-географический очерк области Лян-чжоу, где находились Цзяо-Чэн Шоу-цу и Да-Доу Шоу-цу, и указывается: «О долине «У-цзянь» в книге «Шуй-цзин-чжу» говорится, что река У-цзянь течет с востока, от города Гу-Цзан, на северо-запад, где впадает в реку Ма-Чэн. Во второй год правления И-си (Цзинской династии, 406 г.) князь Яо-Син отдал Туфа-Шу-Тан'у город Гу-Цзан. Последний повел свои войска в район «У-цзянь», а затем вступил в город Гу-Цзан».[1]

В китайском географическом словаре[2] также указывается, что река «У-цзянь» находится на востоке от уезда У-Вэй, в провинции Ганьсу. Таким образом ясно, что У-цзянь было местом, где находились Цзяо-Чэн Шоу-цу и Да-Доу Шоу-цу.

Наконец, надо выяснить точное значение слова «де» (牒), встречающегося в нашем документе. На основании всего предыдущего ясно, насколько сложен был аппарат феодального строя Танской династии, и как отражением этой сложности явились сложность и разнообразие форм отношений между отдельными административными единицами. Все документы, отправляемые императором, носили название «чжи» (制), «чи» (勅) и «цэ» (册), приказы наследника — «лин» (令), приказы же ближайших родственников императора, таких как Цинь-Ван Гун-Чжу, назывались «цзяо» (教). Все приказы учреждений, исходящие от губернатора округу, от округа — уезду, от уезда — селу, назывались «фу» (符). Таковы были отношения сверху вниз. Что касается отношений снизу вверх, то здесь мы имеем документы — «бяо» (表), «чжуан» (狀), «цан» (牋), «чи» (啟), «ци» (辭), «де» (牒). Документы между учреждениями назывались «гуан» (關), «ци» (刺), «и» (移).[3] Какой из этих форм является изучаемый нами фрагмент? Являлся ли он императорским приказом типа чжи, чи, чже? Форма самого документа дает отрицательный ответ.

Этот документ является «де», составленным на основании императорского приказа, но не означает «де» в том смысле, как было указано выше,

[1] См. Као-гу-лу, т. 3, стр. 10.

[2] См. 中國古今地名大辭典, стр. 117.

[3] Синь Тан-Шу, гл. Бо-гуань чжи, стр. 4.

т. е. формы документа, идущего снизу вверх. В танских официальных документах слово «де», главным образом, означает либо официальную переписку, либо вообще официальный документ, например: ци-де (勅牒), фу-де (符牒), гуань-де (關牒) и т. д.

Следовательно, исследуемый нами документ является документом типа «де», написанным на основании указа императора, отправленным от центрального учреждения «Ду-сы» (государственная канцелярия) в У-цзянь военным эмиссарам Да-Доу Шоу-цу и Цзяо-Чэн Шоу-цу.

Наконец, необходимо остановиться на пятом вопросе о том, как и когда попал данный документ в Среднюю Азию. Возможны предположения о двух путях его занесения: 1) через торговлю, 2) путем захватов. В VII веке торговля между Китаем и странами Средней Азии была весьма развита. Как указывает Ван Тун-лин в своем труде, в эпоху Танской династии купцы из западных стран прибывали в разные районы Западного Китая. Всего таких стран насчитывалось свыше 40. Китайских купцов, отправляющихся в Индию и Персию, также было немало.[1]

На всем протяжении пограничной полосы было семь крупных, официально установленных пунктов перехода границы, как например: Ин-Чжоу (營州), Дэн-Чжоу (登州), Ань-Си (安西), Ань-Нань (安南), Гуан-Чжоу (廣州) и др. Поэтому вполне возможно предположение, что этот документ был продан как бумага. Но я считаю это маловероятным, ибо, во-первых, главными предметами тогдашней торговли являлись — скот (лошади и бараны), драгоценные камни и предметы военного снаряжения. Так «Вэнь-Сянь Тун-Као», т. 334 в главе о Тунгуте пишет: «...Дан-Сян часто грабят китайскую границу, но так как их оружие тупое, то они производят обмен своих лошадой и баранов на латы и луки...». «...Тогда эмиссар по военному снабжению Ли Ши-Бяо запретил купцам продавать знамена, латы и разное оружие племенам. У всех замеченных в этом отбиралось имущество...» «...Богатые купцы продавали шелковые изделия и драгоценные вещи, баранов, лошадей, а китайские пограничные феодалы часто, принуждая их продавать, не платили. Поэтому эти племена поднимали бунты и нападали на границу...».

Эта небольшая выдержка указывает не только на грабеж китайских феодалов, но и на предметы торговли. Во-вторых, продажа официальных документов существующей династии тогда не могла иметь места, и поэтому вероятнее, что бумага попала в Ср. Азию благодаря захватам племен

[1] Ван Тун-Лин — история Китая, т. II, стр. 799.

и по всей вероятности тибетцев, которые стремились захватить западную часть Китая и оттуда получить путь на Запад. По известным данным в 723 г. тибетцы произвели нападение на несколько городов Западного Китая и, как говорит китайская история, подожгли город и, разграбив его, ушли. Вполне возможно, что они захватили и имущество, а в том числе и все документы, как бумагу.

Все вышеуказанные факты и конкретная историческая обстановка полностью подтверждают, что, во-первых, данный китайский документ является подлинным официальным документом, а не подделкой или черновиком; во-вторых, он был написан в период между 706—713 гг., период, который является началом упадка Танской династии; в третьих, содержание его заключается в обследовании амбаров и инспектировании эмиссаров пограничной армии всех округов в Западном Китае, где в то время были сосредоточены огромные военные силы для борьбы с внешними врагами; в четвертых, этот документ был отправлен от учреждения центральной власти «Ду-сы» (государственная канцелярия при министерстве «Шан-Шу») к эмиссару пограничных гарнизонов Цзяо-Чэн Шоу-цу и Да-Доу Шоу-цу, находившихся в местности У-цзянь в области Лян-Чжоу, за которую велась длительная и жестокая борьба тибетцев с Китаем; и, наконец, в пятых, документ попал на некитайскую территорию, по всей вероятности, не через торговлю, а путем захватов, когда тибетцы в начале VIII века заняли некоторые города Западного Китая и почти полностью овладели ими к концу VIII века. Наряду с изучением всех этих вопросов, одновременно удалось выяснить и общую структуру феодального строя Танской династии и то, как она пыталась удерживать власть, не давая укрепляться местным феодалам, путем систематического обследования и инспектирования провинциальных властей. Обо всем этом найденный документ свидетельствует с неопровержимой очевидностью.

К этому сводятся мои замечания о данном документе.

Библиография

Польский перевод четверостиший Омара Хайяма. Wybrane czterowierze Omara Chajjama przełożył z oryginała pierskiego Andrzej Gawroński, Lwów (Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich). 1933, 8°, стр. 125.

Четверостишия Омара Хайяма давно стали произведением мировой литературы, не только в том смысле, что они переведены на все почти европейские языки, но и в том, что они создали на этих языках богатую литературу подражаний и разнообразных вариаций. Достаточно пересмотреть любую «хайямовскую» библиографию, стоящую в связи с известной, выходящей ежегодно новыми изданиями обработкой Fitzgerald'a, чтобы убедиться, как неустанно льется этот поток. Можно сказать, что едва ли найдется другой персидский поэт, имя которого было бы в такой мере популярно, особенно в англо-саксонском мире.

Эта литература переводов и подражаний не всегда связана непосредственно с персидским оригиналом; очень часто она характерна только для соответствующей отрасли европейской литературы, хотя и заслуживает полного внимания со стороны исследователя этой литературы. Для изучающего персидскую поэзию она имеет только косвенное значение, главным образом по вопросу о связи востока с западом, о роли восточных элементов в европейской культуре.

Наряду с этой литературой ширится, конечно, изучение оригинала, стремление познакомить читателей с подлинным Хайямом, или, вернее сказать, с теми четверостишиями, которые связаны с его именем, так как вопрос о подлинности едва ли когда-нибудь в этом пункте придет к определенному решению. Наряду со специальной литературой, в этой области продолжают появляться и переводы с подлинника; иногда они преследуют строго научные цели, иногда обогащают и родную литературу, давая не только основанный непосредственно на оригинале, но и художественный перевод. Последняя задача редко кому под силу, так как поэтический талант объединяется с научной специальной подготовкой только в виде исключения; этим можно объяснить отсутствие на русском языке перевода, который удовлетворял бы обоим условиям (ср. замечания С. Ф. Ольденбурга в журнале «Восток», I, 1922, 114—115; не может изменить этого отзыва и перевод, выпущенный Academia и Конгрессу Иранского искусства в 1935 г.).

С тем большим интересом можно отметить появившийся в конце прошлого года польский перевод, который представляет событие не только для польской литературы, но займет почетное место в ряду немногочисленных европейских переводов с подлинника, имеющих крупное художественное значение. Этот перевод является посмертным уже произведением львовского профессора А. Гавроньского (A. Gawroński), умершего 11 января 1927 г. далеко еще не старым человеком (род. 20 июня 1885 г.). Переводчик сыграл очень крупную роль в истории нового польского востоковедения, являясь одним из главных организаторов, вызвал к жизни «Общество польских ориенталистов» и был редактором его органа (см. общую характеристику его деятельности в журнале «Rocznik Orjentalistyczny», Tom IV, Lwów 1928, I—VII). В научной области он известен, главным образом, как индианист (см. статью S. Stasiak'a, Andrzej Gawroński jako indianista, Rocznik Orjentalistyczny, ib., VIII—XXI); его работа пользуется признанием далеко за пределами родины и об одной из них — об источниках некоторых индийских драм — сочувственно отзывался С. Ф. Ольденбург («Восток», V, 1925, 248), несмотря на сильное расхождение с принципиальной точкой зрения автора. Человек с громадным литературным кругозором, он обладал большим художественным талантом,

который с особой яркостью проявлялся в его переводах с самых разнообразных языков, как восточных, так и западных, начиная от произведений венгерца Петёфи и кончая индусом Асвагоша.

Над переводом Хайяма Гавроньский работал в последний год своей жизни (1925—1926), тяжко больным, частью в Бретани, где он искал облегчения своим страданиям, частью у себя на родине. Перевод каждого четверостишия сопровождается точной датой окончания его обработки. Всего в его бумагах был найден перевод 54 четверостиший — количество небольшое, но искупаемое высоким качеством художественной отделки. Этому «венку» самим переводчиком было придано известное единство — он расположил четверостишия по алфавиту первых букв. Исключение представляет помещенное последним (стр. 121), в котором переводчик в окончательной редакции слово с буквы Z заменил началом с A. Первое четверостишие (стр. 13) принадлежит не Омару Хайяму, а Хакани и по своей идее служит как бы введением ко всему «венку».

Относительно источников и приемов переводчика в издании никаких указаний нет, очевидно, их не сохранилось и в бумагах. По существу это не важно, так как несомненно, что научных целей специального исследования Гавроньский при переводе себе не ставил; художественное воспроизведение оригинала было его основной задачей. Задача эта решена, можно сказать, блестяще: при большой точности перевода, ему удалось сохранить и форму оригинала. Рифма соблюдается в том виде, как она дается персидскими руба'ӣ — ааба, сохраняется обыкновенно даже соответствующее подлиннику число слогов в каждом стихе. Несомненно, что для всякого польского читателя, даже незнакомого ни с персидским языком, ни с персидской поэзией, перевод дает совершенно адекватное представление об оригинале. Литературный талант Гавроньского ручается, что его работа стоит на высоте лучших оригинальных произведений польской поэзии. (Подробный анализ перевода дан Т. Ковальским в статье Omar Chajjām, Przegląd Współczesny, 1934, № 149—150, переизданный с дополнениями в его сборнике Na szlakach Islamu, Kraków, 1935, 176—183).

Издание выпущено двумя востоковедами Я. Чекановским и Е. Курыловичем, которые предпослали небольшое вступление (стр. 5—8) с общей характеристикой деятельности Гавроньского (стр. 5—6), некоторыми сведениями об О. Хайяме (стр. 6—7) и значении перевода (7—8). Едва ли надо было в этом предисловии упоминать анахронистическую легенду о связи О. Хайяма с сельджукским везирем Низāм ал-мулком и основателем секты ассасинов Хасаном ибн ас-Саббāхом. Повидимому, издателями же дано несколько пояснительных примечаний к переводу (стр. 123—124). Перевод издан роскошно: каждое четверостишие помещается на отдельной странице справа и предваряется воспроизведением изящной оригинальной заставки из образцов персидского орнамента. В начале и в конце на отдельных страницах даны два оригинальных рисунка персидского стиля. Все экземпляры нумерованы.

И роскошная внешность строгого стиля и пиетет, с которым выполнено издание, делают одинаковую честь издательству имени Оссолинских во Львове, выпустившему книгу, и Польскому Обществу ориенталистов, члены которого содействовали появлению перевода в достойном виде.

И. Крачковский

11—13 мая
1934 г.

Die Ausgrabungen der zweiten Ktesiphon-Expedition. Winter 1931—1932. Staatliche Museen in Berlin — Metropolitan Museum of Art, New York. Berlin, 1933, 8°, IV + 35 стр. + 54 рис. в тексте и на таблицах + 1 карта.

Работы первой немецкой археологической экспедиции в Ктезифоне зимой 1928—1929 гг., заметка о которой на основании предварительного отчета O. Reuther помещена в предыдущем выпуске «Библиографии Востока», сильно подвинули изучение топографии Ктезифона и Селевкии. Для исследования искусства и культуры сасанидов и ранне-мусульманского периода открылись новые горизонты, но ряд сложных проблем мог быть только намечен. Разработку части их и дальнейшие изыскания приняла на себя вторая экспедиция 1931—1932 гг., предварительный отчет которой напечатан в Берлине в 1933 г. Как видно из предисловия E. Kühnel (стр. III—IV), экономические затруднения заставили Германию отказаться от самостоятельной экспедиции, объединить германские средства и археологические силы с американскими в лице сотрудников Metropolitan Museum в Нью-Иорке.

Под общим руководством E. Kühnel, участника первой экспедиции, функции во второй экспедиции были разделены между ее членами следующим образом. Раскопками руководил германский профессор Dr. F. Wachtsmuth (Marburg) с помощью архитектора Walter Houser, члена египетской экспедиции Metropolitan Museum. Классификация находок лежала на Joseph M. Upton из ближне-восточного отдела Metropolitan Museum. Техническую работу и фотографирование исполнял O. Puttrich-Reignard.

Работы начались 4 XI 1931 г.; 11 II 1932 г. произошел отбор находок для Багдадского музея, а 3 VI 1932 г. все, предоставленное экспедиции, было разделено при участии E. Kühnel и Dr. Dimand между берлинским и нью-иоркским музеями. Таким образом, материал распределен, по соглашению сторон, между тремя странами (Ирак, Германия, США).

Имея до 500 рабочих, экспедиция не могла разбрасываться по всей огромной территории и ограничилась раскопками в 3-4 пунктах, на восток от Тигра: в районах дворца (Tāq[1]), Холма гиен, Золотого холма, Um Za'atir и Ma'aridh. Первая экспедиция коренным образом изменила прежние представления о плане дворца и его окружении (восточное крыло, «южное» сооружение на Холме гиен). В центре внимания второй экспедиции было изучение сасанидских жилищ (вилл) и некоторых зданий дворцового района в поздней части Ктезифона.

В небольшом отчете Friedrich Wachtsmuth последовательно и очень сжато изложен ход интереснейших открытий (Die Baufunde, стр. 1—16).

Квадратный Золотой холм (стр. 3—4), кроме одной золотой пластинки (стр. 30), не дал экспедиции драгоценного металла, вопреки рассказам местных арабов; зато в нем обнаружен квадрат (138 м сторона, рис. 1) оригинально и симметрично построенных стен из сырца, со втянутыми широкими и узкими языками простенков и широкими (4 м) открытыми лестницами со встречными маршами у середины каждой наружной стороны. Внутри стен оказались остатки асимметрично расположенного тесного поселения, с узкими улочками (стр. 3); только в центре тщательные постройки прямоугольного плана богаче отделаны. В них найдены две штуковые плиты с рядами рельефных гранат (стр. 3, 22, рис. 18) и крестом; последний признак побудил приписать жилище христианке, супруге Хосроя II.

В руинах Um Za'atir, к северо-востоку от дворца, где первой экспедицией была найдена рельефная орнаментика, экспедиция обследовала остатки комплекса зданий (стр. 4—6, план рис. 2) и ряд построек возвышенности Ma'aridh к северу от деревни (стр. 6—11, рис. 3—6). Эти работы позволили установить много технических и конструктивных деталей, а также особенности сложных планов сасанидских жилых построек. Крупную роль играли, повидимому, дворы с глубокими, симметрично расположенными ливанообразными нишами (рис. 2 — Um Za'atir, рис. 5 — Ma'aridh IV). В сгруппированных около дворов помещениях установлена последовательность длинных и квадратных покоев; комбинация длинного и квадратного плана соблюдена и там, где дворы не найдены (Золотой холм, Ma'aridh II). В конце длинных сводчатых помещений устраивались ниши, тщательно отделанные рельефами из штука; остальные комнаты оштукатуривались просто. В плане Ma'aridh IV T-образные пространства показали (стр. 9—10, рис. 5), что эта форма, считавшаяся до сих пор раннемусульманской (Самарра, Ухайдир), известна была уже сасанидским зодчим. Очень характерны также узкие коленчатые корридоры с темными закоулками.

Из архитектурных деталей очень интересна двойная, подковообразная арка (Ma'aridh II, рис. 4) на полуколоннах, своды и внутренние опоры в виде столбов и колонн из оштукатуренного кирпича (Ma'aridh I, II, IV, рис. 3, 5, 6, 12, 14).

К западу от дворца, на оси с его срединой и б. церковью в западном Ктезифоне, открыты остатки здания, по деталям которого (кирпичная кладка каналов и глиняные трубы водопровода, печь, колодец, лежанка) определено его назначение для бань (стр. 12—13, план рис. 7). В 20 м от дворца найдены следы намеренно разрушенного сасанидского здания.

Все постройки Ктезифона были возведены на исскуственном слое глины. Кирпичные стены были только в районах дворца, сырец был применен повсеместно и параллельно с ним — штукатурка; однако, в архитектурных деталях (колонны, арки, архивольты, валики и т. п.) кирпич играл существенную роль. Полы были многослойные, с чередованием глины, гипса,

[1] Здесь, как и в остальных случаях, сохранена транскрипция арабских названий, согласно отчету.

жженого кирпича и верхнего слоя гипса, в общем до 34 см толщины (стр. 14—15).

Кроме выяснения устройства сасанидского жилища, экспедиция занималась уточнением назначения штукатурной отделки зданий, роскошные образцы которой были найдены еще 1-й экспедицией и в еще большем количестве во время второй. Отчет об этой части работ составил E. Kühnel (Baudekor und Kleinfunde, стр. 16—31). Как показали раскопки, рельефный штук употреблялся исключительно для украшения сводов и ниш приемных помещений, с частью прилегающей стены. J. Upton дал на рис. 8 достаточно убедительную реконструкцию орнаментации арки восточного ливана во дворе руины Um Za'atir, с соблюдением некоторой аналогии Tāq i Bostan'y (жгуты лент с развевающимися концами). Тут особенно замечательны изображения медведей и кабанов в камышах (рис. 26—27), которые по экспрессии могут конкурировать с лучшими произведениями сасанидской торевтики. В нише западного ливана, по другую сторону двора, находились пластины с павлинами или цесарками в кругах и пехлевийский девиз в крылатой пальметке (стр. 19, ср. O. Reuther, Die Ausgrabungen der Deutschen Ktesiphon-Expedition im Winter 1928—1929, рис. 16).

Архитектурный орнамент отличается не только разнообразием форм, начиная с геометрических (меандр, ромбы и др., рис. 23, 25, 33), кончая фигурными, но также удивительной красотой и тщательностью работы. Пальметки, розетки и цветы в виде фризов, волнообразного побега (рис. 19, 23), непрерывный узор сплошных полей рядами (гранатные узоры, рис. 18—20) или шашками (рис. 42), умелое сочетание растительных элементов с геометрическими (гранатные розетки, рис. 17, гранатные кресты, рис. 19, пальметные сквозные розетки, рис. 41) говорят о роскоши сасанидских домов. Замечательны также полустатуарные фигуры, с сильным отпечатком эллинистического искусства (танцовщицы, рис. 34, 35, 39, лежащий юноша, рис. 36, обломки Пегаса, рис. 37 и др.).

Штукатурные рельефы играли, повидимому, доминирующую роль в отделке сасанидских жилищ; это подтверждают аналогичные с ктезифонскими новейшие находки в Дамгане и Кише (стр. 18, 19, прим. 1; 24—25); но декоративные средства отнюдь не исчерпывались ими. В Ктезифоне найдены остатки фигурной росписи (в банях и Ma'aridh I — на своде, стр. 25—26) по гипсу, в черных контурах несколькими сильными красками, со следами позолоты. Типы лиц исследователь сопоставляет с одной стороны с Самаррой, с другой — с некоторыми турфанскими росписями (стр. 25, 1). Мозаика (стр. 14, 26), перламутр и в виде инкрустации, ваз и дисков, облицовка мрамором и цветными стеклянными плитками, показывают какими широкими восможностями располагали сасанидские зодчие.

По количеству и качеству сасанидская керамика из руин Ктезифона сильно уступает парфянской, и ранне-мусульманской, но при редкости образцов самая простая, скромная посуда очень ценна (стр. 28). Фаянс с зеленой свинцовой глазурью сохранил месопотамские традиции, продолжавшиеся и в мусульманском периоде, кроме того есть обломки более красивых типов: розовато-белые и с сине-зелеными пятнами (стр. 28—29). Еще не прочитаны еврейские, мандейские и пехлевийские тексты заклинательных чаш. Достаточно разнообразными оказались также стеклянные изделия (стр. 29—30).

Монетные находки (стр. 26—28) довольно многочисленны и охватывают громадный период, начиная с парфянских, ряда сасанидских, кончая омайядскими и аббасидскими 157 и 166 г. х. На стр. 27 отмечена редкая медная монета 121 г. х., чеканенная в Васите; она особенно любопытна для нас как почти ровесница найденного недавно в Таджикистане арабского документа.

Анализ архитектурных форм и декорации, по мнению F. Wachtsmuth (стр. 14, ср. резюме на английском языке M. S. Dimand, стр. 34), заставляют отнести все сасанидские руины, независимо от монетных и прочих находок, к поздне-сасанидскому периоду, VI—VII вв. н. э. Датировка зданий по монетным находкам (E. Kühnel, стр. 26 сл.) затрудняется разнообразием монет в одном и том же пункте, например, Йездегерда I (397—417 гг.) и Хосроя II (590—628 гг.) в Um Za'atir.

Изучение парфянского и ранне-мусульманского периода не входило в программу второй экспедиции. Однако, был сделан ряд открытий и пополнены материалы также ранне-мусульманского времени. Кроме упомянутых монет, в районе мусульманского поселения Asfanabr (стр. 14; ср. O. Reuther, op. cit., рис. 1, план городища, O—P, V) важны остатки мечети. В противоположность сасанидским, в мусульманских руинах мало штукатурной орнамен-

тики. По предположению E. Kühnel (стр. 22), усиленное изъятие кирпича населением в последнее время привело к ее уничтожению. Слабо представленные рельефы компенсировались множеством керамических остатков как во время первой, так и второй экспедиции. Простой перечень типов, техники, тональностей, а также сопоставление с материалами из Самарры и Суз (стр. 29) позволяют судить о высоком мастерстве ранне-мусульманских керамистов в Ираке. Интересны также образцы импортированного, подобно Самарре, танского селадона из Китая (ср. В. А. Крачковская, рец. на Friedrich Sarre, Die Keramik von Samarra, ЗКВ, т. II, Ленинград, 1926, стр. 213).

Первой экспедицией была затронута очень интересная проблема локализации Weh Antiokh — поселения уведенных Хосроем II антиохийцев. O. Reuther (op. cit., стр. 37) склонен был искать их в Bustān el-Kisra, на юго-восток от дворца и ставил в связь с этими руинами Золотой холм. Как было упомянуто выше, в последнем найдены рельефы с гранатами и крестом, а кроме того несколько медных византийских монет и золотая монета Ираклия (610—641 г., стр. 27) в Ma'aridh II. При таких данных «антиохийская» проблема становится все заманчивее: не только изображение креста надо ставить в связь с христианскими насельниками зданий Золотого холма, но может быть и гранатовый орнамент. Во всяком случае желательно, чтобы со временем история гранатового орнамента в Ктезифоне была прослежена глубже, памятуя ее прочность в позднейшей христианской орнаментике, особенно в Ани (см. Н. Я. Марр, XI Анийская археологическая кампания, Т. Р., т. XIII, стр. 4, 26, 57; Г. Н. Чубинов, Отчет Анийского музея древностей за 1916 г., Анийские Древности III, Петроград, 1918, стр. 20 сл.).

Строго-деловой отчет второй Ктезифонской экспедиции по своим достоинствам вполне соответствует захватывающим вопросам ее работ. Несомненно, что полное опубликование собранных материалов не только подвинет, но и значительно изменит современное представление об эпохе сасанидов.

В. А. Крачковская

Хроника

◆ По сообщению английского журнала Near East and India 43 (1 III 1934) 164, в Медине найдена рукопись сочинения ʿumar'a ibn Šabba ar-Rāwija «История Медины и ее правителей», объемом в 410 стр. Этот ученый, умерший в 262/875 г., упоминается и у Brockelmann, Gesch. d. arab. Litteratur 1 (1898) 137, с прозвищем an-Numairī, как автор утерянной «Истории Басры и Куфы». Можно полагать, что вновь найденная рукопись значительно обогатит наши сведения по истории раннего ислама.

◆ По сообщению английского журнала Near East and India 43 (29 III 1934) 249, в Арабскую Лингвистическую Академию в Каире поступил экземпляр арабско-латинско-итальянского словаря, составленного монахом ʿabd-al-aḥad an-Nimsāwī и напечатанного в Риме в 1639 г. Речь, повидимому, идет о Fabrica linguae arabicae cum interpretatione latina, et Italica ... authore P. F. Dominico Germano, de Silesia, Romae, typis S. Congr. de P. F. 1639 [см. Schnurrer, Bibliotheca arabica (1811) 45—6].

◆ В Каире приступлено к переводу на арабский язык известной «Энциклопедии Ислама», издающейся с 1908 г. на английском, французском и немецком языках и ныне заканчивающейся. Уже вышло несколько выпусков арабского издания.

◆ British School of Archaeology в Ираке решило издавать периодический журнал «ʿIrāq», посвященный истории, искусству и археологии Ирака. Ежегодно будут выходить два выпуска, объемом около 100 страниц каждый, с таблицами.

◆ В ближайшее время в Багдаде начнет выходить ежедневная газета «Al-ǧāmiʿa al-ʿarabīja». Это уже восьмая ежедневная газета в столице Ирака.

Я. В.

Профессор В. Банг-Кауп

◆ В ночь на 8 октября 1934 г. скончался профессор W. Bang-Kaup, один из крупнейших представителей западно-европейской туркологии. Многочисленные туркологические работы его могут быть разбиты на две категории: часть их относится к сравнительному и историческому языкознанию, другая — к древне-тюркской филологии. Интерес к древне-тюркским языкам проявился уже в наиболее ранних работах покойного, относящихся еще к девяностым годам прошлого столетия, когда Вильгельмом Томсеном был найден ключ к чтению орхонских надписей, надолго приковавших к себе внимание туркологов. В этой области проф. Бангу принадлежит заслуга раскрытия принципа образования сложных числительных, в состав которых входят десятки и единицы (см. J. Marquart. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Mit einem Vorwort von Prof. W. Bang in Löwen. Leipzig, 1898, S. VI). Открытие это было сделано проф. Бангом на основании его филологических изысканий и независимо от кого бы то ни было, хотя сведения о существовавшей у шара-йогуров аналогичной системе числительных имелись в литературе еще до появления работы Банга (см. В. Бартольд. «Система счисления орхонских надписей в современном диалекте» ЗВО, XVII, 0171 и сл.). Как бы то ни было, ученый мир получил ключ к хронологии орхонских надписей из рук Банга.

Не представляли собою шага вперед остальные его работы, посвященные разбору орхонских надписей — «Zu den köktürkischen Inschriften», «Turcica» и др. Иной характер носят его работы, связанные с изучением

языка команов-половцев, представляющие собою ценный вклад в литературу о древнетюркских языках. Хотя Банг не был первым, обратившим внимание на язык команов, и до него этим языком занимались Куун и Радлов, заслугой Банга в этой области является применение строго филологического метода к исследованию источников, в то время как предшественники его очень вольно трактовали формы команского языка, сообщаемые источниками и при передаче их знаками своей транскрипции Радлов подгонял их, мало считаясь с данными оригинала, к звуковой системе произвольно выбранных им языков современности. Сюда, к области изучения команского языка относится ряд статей Банга, как, напр., «Über einen komanischen Kommunionshymnus», «Beiträge zur Erklärung des komanischen Marienhymnus», «Zur Kritik des Codex Cumanicus» «Zu der Moskauer Polowzischen Wörterliste», «Der komanische Marienpsalter» и др.

Значительны также заслуги Банга перед изучением вопросов, связанных с манихейской литературой на древне-тюркских языках (Manichaeische Miniaturen, Manichaeische Hymnen, Manichäische Erzähler и др.) и исследованием несторианской литературы на них (Türkische Bruchstücke einer nestorianischen Georgspassion)

После смерти F. W. K. Müller'a его замечательные исследования в области уйгурского языка были с успехом продолжены Бангом. Из большого количества относящихся сюда работ Банга упомянем лишь его «Uigurische Studien», «Türkische Turfantexte, I—V», «Die Legende von Oghuz Qaghan» и «Das buddhistische Sūtra Säkiz yükmäk». Можно смело утверждать, что западно-европейская уйгуристика в течение лет, истекших со смерти F. W. K. Müller'a, не только не остановилась, но даже значительно продвинулась вперед, чем она обязана в значительной степени именно Бангу.

Помимо упомянутых филологических работ в области уйгуристики и исследования команского языка, проф. Банг оставил после себя ряд статей и монографий по различным вопросам сравнительного тюркского языкознания, как, напр., «Vom Köktürkischen zum Osmanischen» и др. Несмотря на то, что с методом, применяемым в них проф. Бангом, и со многими выводами согласиться можно лишь с большим трудом и со многими оговорками, одной из причин чего является недостаточное знакомство автора их с монгольским языком, совершенно необходимым для каждого исследователя взаимных отношений тюркских языков, в особенности Алтая и прилегающих областей, тем не менее и в этих менее удачных работах можно найти ряд весьма ценных мыслей и наблюдений.

Кроме тюркских языков проф. Банг уделил свое внимание многим другим языкам, связанным с ними либо культурно, либо обнаруживающими принадлежность к той же системе. Как раз первые работы проф. Банга относятся к области иранистики и урало-алтаистики в самом широком смысле этого слова. Из работ, принадлежащих к последней, назовем его «Uralaltaische Forschungen», «Beiträge zur Kunde der asiatischen Sprachen», «Études Ouralo-altaïques».

Н. Поппе.

Цена 10 руб.